Н-8°
МК 79Б
ф 10-82
1074
Из книг Н. Калашникова.

Brillon, P.-J.

ПОДРАЖАНІЕ ѲЕОФРАСТОВЫХЪ ХАРАКТЕРОВЪ И *ПАСКАЛЕВЫХЪ МЫСЛЕЙ.*

5022.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

АНТОНЪ ТЕЙЛЬСЪ.

Печатано въ Университетской Типографіи
1779 года.

Всесоюзная
библиотека
иностр.
В. И. Ленина
24/4-35

БИБЛІОТЕКИ
КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

МНѢНІЯ ПАСКАЛЯ.

ГЛАВА I.

О человѣкѣ.

Человѣка точно мнѣ описать не можно, что я нынѣ о немъ скажу, завтра то съ нимъ сходственно не будетъ, естьли по малой мѣрѣ я его не назову самымъ скоропремѣняющимся существомъ и не постояннѣйшею изъ всѣхъ тварей.

Нещастной предметъ прогнѣваннаго неба, рожденной съ земными склонностями, преданной безчисленнымъ бѣдствіямъ, всегда близъ своей погибели, опасной самъ

себѣ непріятель, не чувствительной къ правдѣ, отвращающей глаза свои отъ добраго, имѣющій такое сердце, которое безпрестанно противъ себя воюетъ. Не надежный на свой поступокъ, въ худомъ постоянный, колеблющійся въ набожныхъ своихъ предпріятіяхъ, утопающій во грѣхѣ, не достаточный въ своемъ правосудіи; вотъ легкое изображеніе человѣка.

Я буду говорить больше какому человѣку быть должно, нежели что онъ дѣйствительно есть, равно какъ и о Богѣ легче сказать каковъ онъ не есть, нежели каковъ онъ въ самомъ существѣ. Въ Богѣ безконечная добродѣтель, а въ человѣкѣ безконечная слабость доводитъ до невозможности сказать о томъ точно.

Безконечность сія съ обѣихъ сторонъ дѣлаетъ то, что Богъ не постижимъ, а человѣкъ такая тайность, которую одинъ Богъ постигаетъ.

Говорить о человѣкѣ въ разсужденіи совершенствъ, которыя небо ему ниспослало, то въ чемъ не превосходитъ онъ прочихъ тварей? Разсуждать же о бѣдствіяхъ, которыя грѣхъ ему наноситъ, то какое существо ему не можетъ предпочтено быть?

Въ разсужденіи Бога человѣкъ во всемъ имѣетъ свои предѣлы, но тогда человѣкъ совсѣмъ безконеченъ, когда сравняете его съ тѣми тварями, которыя не заслуживаютъ благодати.

Богъ

Богъ при сотвореніи человѣка хотѣлъ его здѣлать по образу своему; но грѣхъ такъ оное созданіе обезобразилъ, что почти и признать не возможно, чтобъ пречистый Богъ былъ его образцомъ и Создателемъ.

Мы хвастаемъ превосходствомъ человѣческаго разума, великими искусствами, острою памятью, и разными талантами: все сіе по истиннѣ достойно нашего удивленія; но сіежъ самое и осуждаетъ человѣка, естьли онъ всѣ тѣ свои таланты не употребитъ въ святость, не преисполнитъ себя познаніемъ своего Творца, и не будетъ помышлять о той вѣчности, къ которой онъ долженъ себя пріуготовить.

На какомъ основаніи твоя пышность, гордой человѣкъ? Съ которой стороны я на тебя ни посмотрю, въ превосходномъ ли твоемъ достоинствѣ, въ великой ли силѣ, одареннымъ ли хорошею душею, великодушнымъ сердцемъ, тонкостію разума, совершеннымъ тѣломъ, всегда однакожъ кажешся ты человѣкъ, то есть, смертный, маломочный, склонный къ заблужденію, и подданный своимъ страстямъ, великая причина къ покоренію! ты только разсуждаешь о себѣ съ удобной стороны тщеславія, оставь на минуту эту къ себѣ склонность; подумай о себѣ, естьли можешь, всей твоей возможностію: ты первой подивись такой гордости не взирая на

твою слабость. Стыдно гордиться имѣя столь великую причину покоряться, ты скажи какъ премудрый оный, злое тщеславіе откуда ты взялося?

Человѣческая гордость раждается отъ его испорченнаго нрава, такъ какъ гадины родятся отъ гнили.

Съ которой стороны я ни посмотрю на человѣка, слабости отвсюду его окружаютъ. Разумъ его подверженъ такимъ мыслямъ, которыя крайнѣ его безпокоятъ; онъ видитъ половину правды, сумнительныхъ же вещей для него безъ числа много: въ коихъ притомъ столько заблужденія, что усмотрѣть ему не возможно; не меньшежъ и такихъ темныхъ вещей, которыхъ онъ понимать не можетъ; бываютъ противъ воли его и худыя въ немъ желанія; сердце его мучимо страстьми, разсудокъ имѣетъ только слабое просвѣщенье; тѣло портясь повседневно, отягчаетъ его дѹшу, отъ чего человѣкъ почти совсѣмъ къ доброму не удобенъ.

Люди не знаютъ слабостей своихъ, ниже превосходства. Естьлибъ они удостовѣрены были о своей великости, тобъ конечно не унижали себя снисканіемъ тварей; знаючижъ свою невозможность, не восставали бы они противъ Бога.

Самой острой разумъ не изъятъ отъ слабости: какъ бы кто разуменъ ни былъ, однако можетъ себя нѣсколько упрекнуть

въ

въ разсужденіи слабостей; мы люди; и противъ воли своей показываемъ, что мы дѣйствительно таковы есть.

Человѣкъ жалуется на слабость, чтобъ извинить свои недостатки; худая отговорка. Этого еще не довольно, чтобъ признаться слабымъ. Не должныль мы искать въ законахъ, нравоученіяхъ, и въ Евангеліи тѣхъ силъ, которыхъ мы въ себѣ не ощущаемъ?

Что мы всѣ равно подвержены слабостямъ, то явствуетъ изъ того, что мы признаемъ себя сходными съ тѣми, на кого мы очень мало походимъ.

Ужасная противность въ человѣкѣ, онъ ничего не въ состояніи здѣлать, и все для него возможно. Разсмотримъ это несходство: нашъ проницательной разумъ безпрестанныя дѣлаетъ себѣ воображенія; искусствожъ трудолюбивой нашей руки удобно помогая покушеніямъ остраго нашего вымыслу, всѣ намъ дѣлаетъ возможнымъ. Мы перемѣняемъ теченіе рѣкъ; города строимъ въ степяхъ; по волѣ нашей другой видъ даемъ провинціямъ; принуждаемъ землю давать намъ свои сокровища, а море чтобъ насъ богатило, стихіи чтобъ намъ служили; вотъ что человѣкъ въ состояніи здѣлать!

Сообщимъ же, что больше есть вещей для него невозможныхъ. Онъ не можетъ преодолѣть своего упрямства, ниже укро-

тить свои страсти; не можетъ склонить разума своего къ разсмотрению истинны, ниже сердца своего къ любленію добраго, не можетъ избѣжать опасностей, ни обѣять удобнаго; худа терпѣть не можетъ, отвращать болѣзней не въ состояніи, самъ себя не терпитъ, а съ собою противляться не можетъ; малымъ не доволенъ, а хотябъ и много было, ему не достанетъ. Вотъ что человѣкъ не въ состояніи здѣлать! Все для него возможно, но ничего не въ состояніи онъ здѣлать: вообще онъ слабъ, власть его имѣетъ свои предѣлы, власть же его и безконечна, слабость его имѣетъ границы; что въ состояніи онъ здѣлать, превосходитъ то, что не можетъ онъ дѣлать; то же, что онъ оставляетъ, бываетъ еще похвальнѣе всѣхъ его дѣлъ. Чувствую, что я здѣсь самъ себѣ противорѣчу, но противорѣчіе мое долженствуетъ по тому быть справедливо, что я оному въ человѣкѣ быть признаваю.

Другаяжъ противность состоитъ въ человѣческомъ разсудкѣ: онъ никогда не могъ бы дать своихъ мнѣній. Когда онъ боится, тогда въ удивленіи, что надѣяться могъ, естьлижъ надѣется, то всѣ свои прежнія страхи пустыми почитаетъ: онъ на радости не надеженъ, и ропщетъ отъ грусти, которая къ нему придетъ. Настоящими своими мнѣніями осуждаетъ тѣ, въ которыхъ не давно мысли его упражня-

жнялись. Человѣкъ въ награду свою имѣетъ надежду, которая къ доброму его побуждаетъ; щастливъ былъ бы онъ, естьлибъ не имѣлъ сердца, которое на зло его склоняетъ; рѣдко, чтобъ мысли одного сходны были съ другимъ человѣкомъ. Разсудокъ владѣть хочетъ сердцемъ, а сердце съ своей стороны разсудку законъ предписать желаетъ, и такъ кто изъ двухъ переможетъ? Хорошая сторона, (то есть разсудокъ,) всегда больше пренебрежена бываетъ.

Куда ни пойдешь, увы! всюду съ собой понесешь то сердце, которое такъ легко испортиться можетъ, естьли оно еще не вредимо. Какъ скоро оно можетъ поколебаться одного слова, а съ взгляду много оно уже отдается тѣмъ искушеніямъ, которыя противъ него употреблены будутъ.

Люди безпрестанно сражаться имѣютъ, побѣдя одну страсть, другая востаетъ, которую усмирять надобно; оную усмиря, увидишь вдругъ много другихъ, къ побѣжденію которыхъ новыя потребны силы. Свѣтъ сей не мирное житье для человѣка; сластолюбіе приводитъ въ слабость; высокомысліе востаетъ какъ скоро оное сокращено; скупость вступаетъ на его мѣсто. Всей жизни нашей не довольно для воеванія съ нашими врагами.

Добродѣтельное воздержаніе человѣку не извѣстно: онъ во всѣ вещи безразсудно и чрезмѣрно вдается. Въ радостяхъ своихъ не остороженъ, въ печали унываетъ. Когда чего желаетъ, то безпокоится; когдажъ что нибудь теряетъ, то въ крайнемъ смятеніи; а естьли на высокую степень вступитъ, то возгордится.

Непостоянство великое участіе имѣетъ въ человѣческихъ поступкахъ. Иногда мы худаго боимся, иногда непоколебимо въ немъ пребываемъ; одну минуту мы разумны, въ другуюжъ совсѣмъ погрѣшаемъ. Можетъ быть есть такіе люди, въ которыхъ всѣ волнованія сіи происходятъ только отъ испорченнаго сердца; а больше приписать ихъ можно той натуральной склонности, которую человѣкъ имѣетъ къ сей перемѣнѣ; но можноль совсѣмъ тѣмъ ихъ извинить въ томъ?

Поспѣшать отъ худаго къ доброму; отъ добродѣтелей къ порокамъ; обращаться отъ грѣха къ премудрости; отъ мудрости приходить опять въ безпорядокъ; не то ли мы всѣ дѣлаемъ? И жизнь наша не похожаль на приливъ и отливъ моря?

Нѣтъ точнаго порядка между людьми, нѣтъ постояннаго разсужденья, нѣтъ подлиннаго мнѣнія. Что нынѣ за грѣхъ почитаютъ, то взавтрѣ будетъ спасеньемъ; что теперь на правду схоже было, то вдругъ почтено заблужденіемъ. Добро-

бродѣтель не всегдаль одинака? Перемѣняетсяль она въ разсужденіи разныхъ разсудковъ? Нѣтъ, она не слѣдуетъ человѣческой перемѣнѣ. Какъ мы ни испорчены, а хотимъ по натуральному нашему воображенію съ ней равняться.

Человѣкъ всѣ свои желанія свято почитаетъ. Онъ думаетъ, что горячность, съ которой онъ желаетъ нѣкоторую вещь, есть знакъ его праводушія, отъ котораго родится предразсужденіе, и упрямство, которыхъ мы оставить не можемъ, и съ которыми пребываемъ въ справедливыхъ и не справедливыхъ нашихъ намѣреніяхъ, и отъ чего мы себя ни мало не остерегаемъ.

Великой способъ къ заблужденію! не думаютъ обмануться для того, что самую вѣру ко обману своему употребляютъ. Не видятъ явнаго зла, и ничему худому быть не подозрѣваютъ; увѣряются, что все производимое очень изрядно, для того что оному такъ быть желаютъ.

Надобноль, чтобъ человѣкъ имѣлъ столь противную Творцу своему волю? Богъ требуетъ, чтобъ мы были святи и совершены какъ онъ; людижъ желаютъ, чтобъ Богъ помощникъ былъ въ ихъ согрѣшеніяхъ, и опробовалъ бы оныя, дабы имъ смѣлѣя грѣшить можно было.

Одинъ учится языкамъ, другой хочетъ быть испытатель натуры; иной при-

лежитъ къ землемѣрію; а иной вѣкъ свой разсматриваетъ ланкарты; а никто ни минуты къ познанію самаго себя употребить не хочетъ. Сіе нерадѣніе ничѣмъ извинено быть не можетъ.

Наука о познаніи себя пространнѣе и важнѣе всѣхъ прочихъ, но меньше всего въ дѣйство производима бываетъ. Философія въ опытахъ своихъ имѣетъ границы; богословія, въ которую проникнуть можно; таинства милосердія и предопредѣленія изъяснены быть могутъ; но сердце человѣческое есть бездна, которую трудно, и совсѣмъ почти испытать не возможно.

Человѣку трудно спознать самого себя, такъ какъ Ангеламъ Творца своего. Въ Богѣ совершенства безконечны, въ человѣкѣжъ слабости; что мы не можемъ дойтить до совершеннаго о себѣ спознанія, то еще нерадѣніе наше оправдать не можетъ. Будемъ учиться спознавать себя долгое время и имѣть основаніе всякую минуту; естьли оные труды продолжительны покажутся, то вспомнимъ, что то намъ не обходимо полезно.

Какъ мы ни будемъ стараться спознавать себя, со всѣмъ тѣмъ отъ точнѣйшихъ нашихъ разыскиваній всегда что нибудь утаится, не возможно намъ такъ испытать свое сердце, чтобъ что нибудь не извѣстнаго въ немъ не осталось; чтожъ бу-

будетъ, естьли мы еще къ оному попеченія имѣть не будемъ.

Какъ возможно намъ спознавать другихъ? Мы сами себя не знаемъ. Естьли мы о себѣ говоримъ притворно, то безъ сомнѣнія другіе еще больше о себѣ скрывать будутъ.

Въ какое состояніе ни привести человека, я спорю, что не найдется такого секрету, которымъ бы удовольствовать его можно было. Естьли изъ простой жизни возведете вы его на высокую степень достоинства, онъ сожалѣть будетъ о потеряніи своей вольности; а естьли изъ сего по видимому щастливаго состоянія отзовете вы его къ первой жизни, то онъ жаловаться будетъ на вашу несправедливость. Славное и нещастное состояніе вмѣстѣ. Славно по тому, что человѣкъ по превосходству своему таковъ есть: ибо больше всего на свѣтѣ, и одно вышнее существо, которымъ онъ наслаждается, въ состояніи удовольствовать не обузданныя желанія его сердца; нещастливъ онъ тѣмъ, что огонь его страстолюбія никогда не погасаетъ. Вздыхаетъ онъ о томъ, чего у него нѣтъ, съ завидостію смотритъ на чужое благополучіе, своимъ собственнымъ жребіемъ не доволенъ, старается пріобрѣсть щастіе въ самомъ совершенствѣ; но возможноль сыскать подлиннаго блаженства между тварьми, это какъ бы требовать благословенныхъ плодовъ отъ прокля-

клятой земли, или желать обрѣсти Бога въ заблужденіяхъ.

Естьлибъ человѣкъ могъ быть благополученъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, то не надобно было бы ему и будущаго дожидаться. Какъ едино благополучіе будущаго вѣка есть совершенно, то не справедливо жаловаться мы будемъ, для чего и этотъ свѣтъ не таковъ же.

Между людьми нѣтъ благополучныхъ; знаетель для чего? Мы много почитаемъ тѣ вещи, которыми по нещастію высокомысліе наше обманывается; но мы не почитаемъ довольно тѣ вещи, которыми намъ дозволено веселиться.

Великое желаніе увеличиваетъ вещи въ разсудкѣ нашемъ, но достоинство сихъ вещей въ тотъ же часъ изъ глазъ нашихъ пропадаетъ, какъ скоро мы на нихъ пристально посмотримъ.

Благополучіе свое полагаютъ въ толь многихъ вещахъ, что путь спокойствію своему заграждаютъ. Кто можетъ довольствоваться посредственною честію умѣреннаго щастія? А только этимъ путемъ доходятъ до совершеннаго благополучія.

Мы обманываемся думая въ нещастіяхъ нашихъ, что не много побольше здоровья, богатства, или чести, можетъ насъ учинить щастливыми. Кому наслажденіе умѣреннаго щастія, пріобрѣтеніе большаго имени, и изьятіе всякихъ болѣзней, слу-

служило къ благополучію? Нѣтъ, человѣкъ не такимъ образомъ довольствуется?

Человѣкъ жалокъ, что столько покою себѣ желаетъ, трудится для того только, чтобъ на конецъ жить въ покоѣ. Жалуются, что дѣла ихъ безпокоятъ и отъ того спокойной жизни себѣ ищутъ: но вольныль онѣ оной пріятностьми наслаждаться? Нѣтъ: все то имъ наконецъ скучитъ; нещастливыми себя почитаютъ безъ дѣла, и не въ состояніи себя сносить, въ то время, погружаются въ новое безпокойство. Какая чудная въ человѣкѣ перемѣна! и какая неумѣренность!!

Мы хотимъ быть въ трудахъ, безпокойствахъ и смятеніяхъ, чтобъ покоя достигнуть; всю жизнь пребываемъ въ движеніи, и безпокоимся; для чего? для одного покою. Но для чего жъ оставляютъ оной сыскавши?

Многоль времени имѣемъ мы пребывать на землѣ? Обѣщаноль намъ жить тысяча лѣтъ? Ангелъ, нарочно съ неба пришедшій, увѣрилъ ли насъ отъ опасности наступающей смерти? Естьлибъ мы были безсмертны, мы такое же бы имѣли попеченіе о многихъ нашихъ вѣкахъ.

Такъ, или инакъ: но мы заблуждаемся; по тому что думаемъ какъ бы этотъ свѣтъ никогда для насъ не окончался, или мы совсѣмъ оставляемъ любопытствовать о будущей жизни. Труды, къ которымъ мы себя

себя принуждаемъ, не довольноль изъявляютъ склонность нашу къ здѣшнимъ вещамъ и безпристрастіе къ будущимъ?

Естьлибъ законъ меня не научалъ, я бы не вѣрилъ, что всѣ люди опредѣлены быть безсмертными; ибо вижу многихъ, которые такъ живутъ, какъ бы они ни чему быть не надѣялись.

Всеминутно человѣкъ долженъ приходить въ сожалѣніе. Опасаться ему надобно будущаго, оплакивать минувшее; и не увѣряться въ настоящее. Будущее не въ его волѣ; готовитъ можетъ быть ему великія напасти. Естьлижъ онъ о минувшемъ разсудитъ, какъ много безпокоиться долженъ его разсудокъ? Грѣхи, въ которыхъ молодость его погружалась, долженствуютъ наносить ему наижесточайшее раскаяніе; нерадѣніе его въ твореніи малыхъ благъ долженствуетъ въ вѣкъ быть причиною его смущенія. Безпрестанно готовиться надобно уступать нападенію страстей, наступающагожъ времени больше всего опасаться. Всѣ тѣ минуты, которыя стремительно пролетали, видѣли можетъ быть человѣка въ такомъ безнадежномъ упадкѣ, что теченіе всего послѣдующаго времени ужѣ не въ состояніи его опять возставить.

Настоящее время только состоитъ въ нашей волѣ, и то самое мы у себя теряемъ. Мы предбудущее угадываемъ, хотя подлинно мы о томъ не извѣстны. Будущіе

щіе вѣки предмѣтою нашего желанія; мы нашимъ мнѣніемъ приближаемъ сіи столь отдаленные годы; хотя они наконецъ и придутъ, но мы нашей нетерпѣливостію предупреждаемъ послѣдующіе. И такъ человѣкъ никогда блаженнымъ себя не почитаетъ, онъ всею возможностію хочетъ быть таковъ, а довольствуется одной надеждой.

Сіе будущее предусматривая издалека, за ничто вмѣняютъ потерять нѣсколько лѣтъ, не разсуждая о вѣчности, которая намъ будущей вѣкъ страшнымъ являетъ. Въ десять лѣтъ благополучіе мое совершится, говоритъ свѣтской корыстливой человѣкъ. Для чего мнѣ двацать лѣтъ не прибавлено, вскричалъ ученой, я бы первой былъ въ своемъ искусствѣ! говорятъ этимъ языкомъ, но никто не скажетъ: можетъ быть скоро въ вѣчную жизнь я переселюся; и смерть лиша вдругъ меня моего имѣнія, дастъ мнѣ спознать, что я за собой считалъ дни, которые мнѣ не принадлежали.

Естьлибъ человѣкъ жизнь свою употреблялъ къ доброму, я простилъ бы ему что онъ жалуется, какъ естество строго дни его сократило, а нѣкоторымъ звѣрямъ весьма долго жить опредѣлило. Естьлибъ натура насъ самою долговременною жизнію наградила, мыбъ и отъ того не лучше были, а находились бы въ тѣхъ же свѣтскихъ обманахъ? Не имѣли бы мы

той

той же надежды, что исправимся за нѣсколько часовъ до смерти.

Долговременная жизнь только путь къ порокамъ больше отверзаетъ; вольной человѣкъ живучи долго въ оныхъ порокахъ, узнаетъ заблужденія свои очень поздно, и время не достанетъ уже ему исправляться?

Вмѣсто того, чтобъ натуру не трогать, а пенять самимъ на себя въ разсужденіи краткости нашей жизни, которую мы всячески стараемся еще больше грѣхами преисполнить.

Естьли жалуемся на краткость нашей жизни; то говоримъ не отъ добраго сердца. Нѣтъ такого человѣка, коемубъ жизнь долговременна не показалась; но мы всѣ скушныя въ ней минуты стараемся награждать веселіемъ.

Кому вѣрить, тѣмъ ли, которые говорятъ, что она долговременна, или тѣмъ, которые жалуются, что она очень коротка? Первые смотрятъ на будущей вѣкъ, которой помаленьку къ нимъ приближается, а послѣдніе разсуждаютъ о минувшемъ времени, которое такъ скоро пролетѣло. Все отъ настоящаго времени уходитъ.

Совершенно жизнь коротка, естьли разсуждать, сколько надобно времени учинить себя совершеннымъ предъ лицемъ того, которой отчету у насъ спроситъ; но онажъ

и

и очень долга, естьли всѣ годы хранить такъ, какъ Христіанину надлежитъ.

Жизнь коротка для тѣхъ, которые живутъ въ веселостяхъ на свѣтѣ; но долга тѣмъ, которые страждутъ въ печаляхъ. Іовъ жаловался, что его жизнь очень продолжалась, а Соломонъ можетъ быть думалъ, что онъ мало жилъ на свѣтѣ.

Человѣкъ непрестанными обѣтами проситъ небо о продолженіи своей жизни; естьлибъ онъ до того дошелъ, чтобъ опредѣлено ему жить многія тысячи лѣтъ: онъ бы уже о томъ больше просить сталъ, чтобъ избавиться отъ безпокойствъ глубокой старости.

Жизнь очень коротка, вскричалъ нѣкоторой великой Государь, разсуждая о красотѣ своего дворца. Отъ этого самого разсужденія онъ поправился, и предупредилъ желанія своего сердца. Высокомысліе человѣческое дѣйствительно очень велико, и предпріятія его такъ обширны, что не можно ихъ окончать въ такое малое время.

Когда намъ къ пріуготовленію себѣ вѣчности довольно есть время, то для чего говоримъ, что жизнь коротка? на что столько предметовъ и намѣреній, и къ чему такъ много склоняться къ сему свѣту, естьли мы удостовѣрены, что и пребываніе наше на земли весьма коротко.

Меценатъ не смотря, чтобъ былъ безобразенъ, горбатъ и хромоногъ, а хотѣлъ жить долго; мы всѣ такуюжъ сильную имѣемъ склонность къ нашей жизни, которая по большой части гораздо грѣшнѣе. Мы для доброты тѣла охотно теряемъ науку, и добродѣтель, естьли только въ томъ зависѣть будетъ продолженіе нашей жизни.

Лишь чуть море начнетъ волноваться, то скупой купецъ ужъ и начинаетъ выгружать изъ корабля свои товары, дабы спасти ихъ отъ разбитія; напрасно говорятъ, что лучше жизнь любятъ, нежели богатство.

Однова спрашивали у нѣкотораго Философа; что есть жизнь? Вы меня видите„, отвѣчалъ онъ. „А теперь больше меня не видите„. Сравнитежъ и теперешнюю нашу жизнь съ будущей, истинно, что люди только показываются и проходятъ свѣтъ. Насъ видятъ на свѣтѣ, а потомъ не увидятъ. Насъ больше на свѣтѣ не будетъ, мы тамъ побывали, такъ и все минуется и проходитъ, а настоящее всегда отъ насъ таится.

Въ младости думаютъ жить много лѣтъ, въ старости надѣются прожить нѣкоторые годы; я можетъ быть еще годъ проживу, говорилъ разслабленной старикъ, и всегда продолжалъ говорить съ той же надеждой; уже дни его и окончались въ самое

мое то время, когда наибольше о продолженіи жизни его старались.

До сихъ поръ мы жили для Государя, для нашихъ пріятелей, для полюбовницы, или для щастья: когдажъ мы начнемъ жить для себя? и когда для Бога?

Напрасно жалуются будто нынѣшней вѣкъ испорченъ; покуда человѣкъ жить будетъ на свѣтѣ, по тѣхъ поръ не возможно будетъ изъ обмана его вывесть. Одна смерть въ состояніи снять покрывало, которымъ глаза его завѣшены. До сихъ поръ заблужденіе его ему весьма нравится, а правда не очень пріятна; онъ мысля полагаетъ благополучіе свое въ томъ, чего у него нѣтъ. Гордится достигнуть до знатности, отъ покоя стенаетъ, и прилежитъ къ трудамъ безполезнымъ, а какъ послѣдней часъ застаетъ его въ сихъ пустыхъ упражненіяхъ, то онъ и признаетъ обманъ свой.

Какіяжъ слова произносятъ умирающіе люди? На примѣръ молодой человѣкъ, которой въ роскошахъ упражнялся, не праведной судья, непостоянная женщина, и спесивой придворной, всѣ кричатъ однимъ голосомъ, „мы отдалились отъ истиннаго пути. „Какъ много не щастливы люди тѣмъ, что тогда только глаза свои отворяютъ, когда уже смерть на вѣкъ ихъ закрываетъ!

Смерть являя намъ тлѣнность людей, которыхъ мы любили, открываетъ величество Божіе, о которомъ мы не радѣли.

Смерть открываетъ людямъ суету сего свѣта, однакожъ и симъ ихъ отъ того не отвращаетъ: страсти наши въ ужасную сію минуту возбудятся, сердце жестоко воздохнетъ о вещахъ, которыя у него похитятъ. Злопамятной умираетъ не прощаясь, богатой не открывъ собраннаго своего богатства, а лицемѣръ кончитъ жизнь въ своемъ упрямствѣ.

Мы смотримъ на смерть нѣкоторыхъ людей, такъ какъ на нещастіе, которое имъ приключилось, вмѣсто того, чтобъ намъ сіе почитать такимъ предзнаменованіемъ, которое и насъ постигнетъ. Самые злые не могутъ пріминуть, чтобъ не сказать: все проходитъ и совершается; но думаютъ ли, что и они къ концу придутъ, и также скоро?

Какое отчаяніе будетъ тѣхъ, которые со всѣми знаніями смерть ни во что вмѣняли? Увидятъ тогда безполезность ихъ науки, и не основательныя ихъ разсужденія: при смерти только спознаютъ они, какъ имъ жить надобно было, и какъ чрезъ всю ту жизнь спокойно умереть стараться надлежало.

Для умирающаго человѣка все пропадаетъ, для него и свѣта кажется преставленье.

Отъ

Отъ одной минуты зависитъ вѣчное блаженство, и эта минута можетъ быть состоитъ въ томъ, что я теперь объявить намѣренъ.

„Ночь наступитъ, въ которую никто „не возможетъ трудиться.„ Намѣренія къ обращенію себя можетъ быть уже гораздо поздо приняты будутъ, по тому и исполняться онымъ не возможно; воздыханія ложнаго раскаянія услышаны не будутъ. Не льзя тогда призывать Бога, или всуе тогда къ нему прибѣгнутъ; это не стало покаянье, или по крайней мѣрѣ оно не совершенно. Желаютъ добродѣтелей, не имѣя довольно омерзѣнія къ порокамъ; слегка понуждаютъ себя оставить худое, не устремивъ всѣ свои помышленія въ набожность; наконецъ будутъ въ несостояніи поработать о своемъ спасеніи, или дойдутъ до крайней нужды прилагать къ тому попеченіе не совершенное.

ГЛАВА 2.

О вѣрѣ.

Есть два рода людей, которые инако думаютъ о вѣрѣ. Одни о томъ такъ натурально разсуждаютъ, что приписываютъ суевѣрію то, что понятіе ихъ превосходитъ. Эти люди подлинно не имѣ-

ютъ закона, они не вѣруютъ, и не хотятъ вѣрить: положились упрямо въ томъ быть невѣроятнымъ, чтобъ къ удостовѣренію ихъ ни употребляли, и самые чудеса конечнобъ ихъ не возбудили.

Другіежъ побѣждены будучи своею слабостію, пренебрегаютъ святыя вещи только по тому, что видятъ какъ нѣкоторые, такъ называемые острые разсудки, тожъ дѣлаютъ. Своевольной думаетъ имѣть великую подпору, утверждаясь симъ худымъ примѣромъ; допускаетъ себя до зла, которое тѣ дѣлаютъ не устыдясь.

Естьлибъ человѣкъ могъ понимать то, что онъ видитъ, ябъ ему простилъ, что онъ сомнѣвается въ томъ, чего онъ видѣть не можетъ. Токмо наималѣйшая вещь такая для него бездна темноты, что разсудку его на то не достаетъ. Мы сами очевидные свидѣтели безчисленнымъ чудесамъ, которыхъ мы испытать не можемъ; солнце удѣляя намъ своего сіянія, жаръ лучей своихъ умѣряетъ, земля снабдѣвая насъ плодами съ изобиліемъ помогаетъ намъ въ нашихъ недостаткахъ. Море укротя свои волны, отворяетъ намъ безопасной путь въ чужія государства, воздухъ возбуждаетъ способные намъ вѣтры; небо подаетъ намъ дождь, что мы противъ сего отвѣтствовать будемъ? Понялъ ли до сихъ поръ кто нибудь изъ смертныхъ причину сей порядочной перемѣны

дня

дня съ ночью, происхожденіе прилива и отлива? Все сіе удерживаетъ быстроту нашего разсудка.

Мы не въ состояніи будучи понимать и подобныя сему вещи, а хотимъ испытать опредѣленіе Божіе, и въ дѣлахъ Божіихъ требуемъ отчету, и премудрость Вышняго виною ставимъ нашего сомнѣнія.

Человѣкъ весьма не справедливо думаетъ, что все то невозможное, чего онъ безсильными своими руками здѣлать не въ состояніи. Не довольноль ему того, есть-ли онъ знаетъ, что противъ единаго гласа Божія ничто стоять не можетъ? Богъ безъ наималѣйшаго труда наилучшія въ свѣтѣ вещи производитъ, не долженствуя о томъ никому напередъ знать дать.

Богъ, ко удержанію нашихъ слабостей, сдѣлалъ насъ такъ, что мы сами себя не знаемъ, дабы и не имѣли мы причины роптать, что его не понимаемъ. Невѣрующій человѣкъ инако о томъ разсуждаетъ, онъ не можетъ возбудиться ни отъ гласа пророковъ, ни отъ слѣпаго повиновенія кроткихъ, ни отъ сладкаго краснорѣчія чудесъ.

Чегожъ намъ больше? или Богу самому сойти на землю искоренить наше упрямство? Мнѣнія наши въ этомъ предупреждены, и вѣра наша не далѣе простирается. Богочеловѣкъ распятъ былъ, и скончался:

чался: вотъ таинства нашей вѣры, и естьли смѣю сказать, предметы нашего недовѣрія.

Философъ думая, что разсудокъ есть предѣлъ всему, колеблется принесть его на жертву Богу. Желалъ бы онъ, чтобъ Богъ не столько чудесъ творилъ, или производя оныя, открылъ бы ему сокровенныя тому причины: хотѣлъ бы онъ, чтобъ провидѣніе Божіе не столь сильно было, или чтобъ проницательной его разумъ, далѣе простирался.

Христіанинъ же, которой больше себя покоряетъ, почитаетъ святымъ то, что онъ понимаетъ, и то, что силу разсудка его превосходитъ. Ему извѣстно, что здѣшней свѣтъ есть тьма, но что въ будущемъ свѣтѣ только завѣса откроется, темнота минетъ, и правда просіяетъ.

Безбожной человѣкъ, почитаетъ за честь жить безъ вѣры: говорите ему о Богѣ, онъ васъ безпристрастно слушаетъ; церьковь для него, уговорное мѣсто, тамъ онъ смѣется, шутитъ и дѣлаетъ то, что почти и въ вольныхъ собраніяхъ чуть позволеноль будетъ. Молитваж, которую приносятъ Богу, его не побуждаетъ, ему стыдно предъ образомъ себя унизить; онъ слегка голову наклонитъ, а на землю только однимъ колѣномъ станетъ. Никогда не услышите, чтобъ онъ говорилъ, и не божился, чтобъ не издѣвался вещамъ посвященнымъ, и чтобъ не хулилъ того, чего

го не разумѣетъ. Праздничные дни веселится онъ въ роскошахъ; покраснѣетъ, естьли его въ церквѣ увидятъ, похваляется другимъ такимъ же безбожнымъ, какъ и самъ, сыскать удобное мѣсто, гдѣ можно будетъ ему расказать всѣ проклятые свои вымыслы.

Остроумной еще хуже безбожнаго; оной не имѣетъ вѣры, и не такъ грубъ какъ своевольной, по тому и лучше терпимъ бываетъ, прилѣжно слушаютъ его искусныя но вредительныя насмѣшки, уязвляетъ ближняго безъ всякаго раскаянія. Молитва, торжество, мощи и таинства для него издѣвки; онъ все натуральному теченію приписуетъ, но натуральное теченіе долженствовалобъ причтено быть нѣкоторому не подвластному существу, но онъ то внезапному припадку, судьбинѣ и такой необходимости присвоиваетъ, которой онъ не хочетъ приписать нача́ла.

Того онъ слабымъ человѣкомъ почитаетъ, которой думаетъ, что душа безсмертна. Въ чемъ вѣра насъ удостовѣряетъ, то предаетъ онъ сомнѣнію, а вѣру называетъ политическою премудростію. Естьли вы захотите побѣдить его силою святаго писанія; главной его пунктъ въ томъ, чтобъ оному не вѣрить.

Сіи Пророки и Апостолы, говоритъ онъ, были такіежъ люди какъ и мы; надобноль имъ больше вѣрить, нежели тысячи прочихъ,

которые инако думали о вѣрѣ? Здѣсь своевольной человѣкъ, останавливаю я тебя: нѣтъ они не такіе были люди, какъ мы. Они имѣли сокрушенное сердце, просвѣщенной разумъ, и чистую совѣсть; а ты погруженъ въ темнотѣ, разсуждаешь съ предупрежденіемъ, любишь свое заблужденіе: и такъ разность весьма велика.

Въ разсужденіи сихъ мнимыхъ остроумцовъ, которыхъ лучше можно назвать честными атеистами, есть ли истинная вѣра? По правдѣ сказать, я хотѣлъ бы свидѣтелемъ быть въ какихъ размышленіяхъ они умираютъ. Естьлибъ они не имѣли вѣры, начтобъимъ желать причастія? когдабъ они думали, что душа вмѣстѣ съ тѣломъ умираетъ, тобъ они не трепетали. Для чего призываютъ они Бога, котораго никогда не признавали?

При смерти въ наибольшей безпорядокъ приходятъ тѣ, которыя наслаждаясь всегда совершеннымъ здоровьемъ были однакожъ маловѣрны. Вы не увидите ни одного изъ нихъ, которой бы не дрожалъ отъ смерти. На удачу говорилъ въ отчаяніи атеистъ, ежели Богъ есть, то я осужденъ буду; а естьли нѣтъ, то много дураковъ будетъ: а того не разсуждаетъ, что онъ больше всѣхъ дуракомъ останется.

Прошу послушать другое разсужденіе этого остроумнаго человѣка. Онъ говоритъ:

ритѣ: вы добродѣтельные люди, вѣруете въ Бога, по тому что надѣетесь награжденія за добрыя ваши дѣла, разсужденіе ваше соединено съ корыстолюбіемъ, и его не пріемлѣ. Я бы отвѣтствовалъ этому безбожному, какъ возможно на твою сторону склониться? Ты не вѣруешь Богу, потому что боишся наказанія за твои согрѣшенія. То не справедливѣель мнѣ ссылаться на этаго честнаго человѣка?

Естьлибъ атеистъ и всѣ тѣ, которые противляются вѣрѣ, нравственно хорошо жили, и не впадалибъ въ тѣ беззаконія, отъ которыхъ благопристойность насъ удаляетъ: можетъ быть я бы ихъ тогда нѣкоторымъ образомъ извинить старался, хотя оное въ самомъ дѣлѣ ни чѣмъ извинено быть не можетъ; но естьли изъ нихъ такіе, которые бы честь и добродѣтель не нарушали?

Я еще не могу себѣ представить, чтобъ были подлинные атеисты. Въ пророчествѣ читаемъ мы: рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ, то есть, беззаконной желаетъ, чтобъ Бога не было. Разумъ противъ воли его, противится желаніямъ его сердца; и все ложнымъ его мнѣніямъ идетъ вопреки. Естьли онъ по злости своей не признаетъ существа Божія, то на концѣ довольно ясно увидитъ, что онъ обманулся. Но какъ страшно будетъ заклинать свое заблужденье тогда, какъ уже по-

почувствуешь гнѣвъ съ неба! Сколь ужасно признавать тогда Бога, когда приходитъ онъ судить беззаконныхъ, и безъ милосердія мстить тѣмъ, которые его не почитали!

Не надѣюсь, чтобъ такой человѣкъ нашелся, которой бы во всю свою жизнь не вѣровалъ въ Бога. Я совершенно удостовѣренъ о своей вѣрѣ, видя что и самые безбожные при смерти Бога на помощь къ себѣ призываютъ.

Не смотря на всѣ доказательства нашей вѣры, не знаю какъ могутъ еще найтись такіе безбожные люди, которые самымъ невѣріемъ своимъ хвастаютъ при смерти? Возможно ли, чтобъ не устрашились они всѣмъ тѣмъ, что наиужаснѣйшее есть при послѣдней сей минутѣ? Не взирая на притворную надежду, которую они снаружи показать желаютъ, не могу я повѣрить, чтобъ душа ихъ была подлинно спокойна; это наружное спокойствіе ложно и мужество сіе съ обманомъ. Хотябъ разсудокъ объ одномъ страшномъ часѣ смерти себѣ представилъ, выключая жалкаго воспоминовенія о минувшемъ и страшнаго послѣдствія о будущемъ; мнѣ кажется, что отъ этого позорища наибольшая твердость духа моглабъ въ крайнее притти ослабленіе.

Я читалъ въ Христіанинѣ Сократѣ Господина Балзака, одну исторію, которая меня самого въ робость приводитъ. Онъ гово-

говоритъ, что нѣкоторой чужестранной Принцъ при смерти своей посѣщенъ былъ протестантскимъ богословомъ, которой обыкновенно ему предики сказывалъ, и съ собою привелъ еще двухъ или трехъ человѣкъ тогожъ исповѣданія, неотступно просилъ онаго Принца, чтобъ онъ исповѣдался. Принцъ ему сказалъ усмѣхнувшись „ другъ мой, я весьма сожалѣю, что „ не могу удовольствовать васъ въ вашемъ „ требованіи, вы видите, что я почти говорить не въ состояніи: однакожъ могу „ вамъ сказать въ короткихъ словахъ, я „ вѣрю, что дважды два четыре, этотъ „ господинъ, (указавши ему на одного математика, которой притомъ былъ) „ можетъ вамъ изъяснить и прочее, чему мы вѣримъ. „

Нѣтъ ли въ словахъ сихъ нѣкотораго заблужденія? не ослѣпленіель сіе, или похвала остроумнаго человѣка? чувствительность эта, или хвастовство? когда человѣкъ умираетъ въ таковыхъ мысляхъ, за честь себѣ вмѣняя вѣрить умираючи справедливости чиселъ, и не имѣть никакого больше закона! а какъ онъ столь совершенно знаетъ, что дважды два четыре, то конечно довольно будетъ имѣть времени къ исчисленію сихъ лѣтъ нещастной для него вѣчности.

Времяль тутъ смѣяться? и кстатиль употреблять шутки? Или мы забыли,

были, что въ это время Богъ самъ приходитъ надъ беззаконными смѣяться?

Съ великою осторожностію надобно пользоваться случаемъ, когда о святости разсуждаютъ; стыдно не имѣть вѣры, а смѣшно изъ того дѣлать знакъ побѣды. Когда человѣкъ безбоженъ, то внутреннее имѣетъ угрызеніе, явножъ тѣмъ чести онъ себѣ сдѣлать не можетъ.

Стилпонъ очень разумно отвѣчалъ Кратесу, которой спрашивалъ у него: веселятся ли боги человѣческими молитвами? „Спросите у меня о томъ, когда мы одни „будемъ. „Хотябъ онъ къ божеству своему и не великое имѣлъ почтеніе, и тогда бы подумать могъ, что публично о томъ говорить не дозволялось, отъ одного сомнѣнія надлежалобъ ему закрывать свою тайну: сверьхъ же того безумнымъ не надобно участія имѣть въ такихъ дѣлахъ, которыхъ они постигать не могутъ.

Не надобно говорить все то, что думаете въ разсужденіи нѣкоторыхъ пунктовъ вѣры, а особливо при такихъ людяхъ, которые нашими ложными мнѣніями испортиться, или гораздо замысловатыми разсужденіями, хотя не въ безвѣріе, а конечно въ сомнѣніе приведены быть могутъ. Помните, что я не даю поводу чинить изъ сего рѣшеній; я только хулю безумныхъ, которые о таинствахъ говорятъ

рятъ безъ всякаго почтенія, и тѣхъ ученыхъ, которые не во время тонкость разума своего употребляютъ.

Наипаче скромность сію наблюдать надобно при женщинахъ, которые натурально любопытны; имъ все знать хочется, дѣлаютъ примѣры, спрашиваютъ на оные доказательства, не принимаютъ правилъ, упрямятся и не дозволяютъ себя увѣрить. И такъ новой господинъ богословъ не зайди въ лабиринтъ съ манерными своими вопросами, отъ которыхъ твое и мое спасеніе зависитъ: васъ только просятъ сказать, что вы о милости думаете? Вы или молчите, или говорите такъ, какъ человѣкъ, которой ея имѣетъ

Христіанинъ, которой порочитъ свою вѣру, кажется мнѣ хуже потаеннаго Атеиста, этотъ не вѣруетъ Богу, и о томъ не упоминаетъ: а тотъ вѣруя приводитъ другихъ въ сомнѣніе, а наконецъ и въ суевѣрство.

Ничто такъ необыкновенно, какъ въ другую дорогу толковать нравоученіе, и играть закономъ. Въ церквѣ есть нововымышленники, такъ какъ въ свѣтѣ любопытные люди, которые желаютъ, чтобъ мнѣнія ихъ модными почитали, однакожъ они такъ, какъ и первые одну глупость свою объявляютъ.

Различныя мнѣнія въ одномъ нравоучительномъ пунктѣ, служатъ къ утверж-

жденію того, который законъ оправдаетъ. Частобъ хорошей стороны не спознавали, естьлибъ о томъ упрямо не спорили, и когдабъ сокровенное просвѣщеніе съ небесъ худое распознавать не допускало. Пусть съ искренностію бы поступали, пускай не слѣдовалибъ побужденію, которое къ безсмертію насъ склоняетъ, къ тому жъ бы истинна человѣческое понятіе превосходила, и не имѣлибъ произвольнаго невѣдѣнія тогда, какъ правда противъ страстей воюетъ, и тогда бы еще легко было усмотрѣть противности, которыя съ здравымъ разсудкомъ не согласовались.

Разныя мнѣнія, которымъ бы къ наученію надлежало возбуждать охоту, служатъ больше къ возставленію ложныхъ предупрежденій, по тому что въ нихъ не стараются разсматривать истинны, но взираютъ на то съ гордостію, дабы всякой основателемъ могъ быть своей судьбины.

Мы воюемъ противъ правды, которая намъ не безъизвѣстна, и отметаемъ ее, когда самолюбіе наше въ томъ прибыль свою находитъ.

Не возбуждаться чувствительными увѣщаніями, которыя намъ Святые Отцы открыли, нижѐ явными доводами Евангелія; Боже! какое ожесточеніе и непоколебимость!

Ученые, по истинѣ сказать, меньше вѣры имѣютъ, чѣмъ несмысленные. Что

больше

больше они видятъ, тѣмъ далѣе постигнуть желаютъ; чѣмъ больше открываютъ, тѣмъ больше сумнѣваются; и столь дерзновенны, что хотятъ испытать непостижимую волю божію, отъ чего пребываютъ всегда съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ по ихъ разсудку.

Грубое невѣдѣніе, и очень высокая наука, вредительны въ разсужденіи закона. Не знаючи ничего, ни въ чемъ и не спорятъ; отъ чего родится суевѣріе. А естьли все узнать захочешь, то трудно будетъ вѣрить. Отъ того произойдутъ беззаконныя сумнѣнія.

Это опасное упрямство, столь много умствовать о вѣрѣ; умствованіе не дѣлаетъ вѣры болѣе не прекательной: ибо истинно вѣруя отметать надобно всѣ разсужденія, и вѣровать слѣпо.

Какое очарованіе мѣшаетъ людямъ сносить иго вѣры, и слѣдовать правдѣ? Онибъ того и желали, чтобъ отъ нихъ оное таили; имъ бы хотѣлось, чтобъ и никто о томъ не вѣдалъ, чтобъ не отъ кого было научиться; желалибъ они, чтобъ всѣ правила строгаго нравоученія въ вѣкъ были не изъяснимы, такъ думая, что не учась и отвѣтствовать бы не о чемъ было, или опасаясь, чтобъ хорошее наставленіе не помѣшало принятому намѣренію слѣдовать своимъ страстямъ. Чтожъ еще больше? Онибъ желали, чтобъ и создателя

правды не было, и чтобы совсѣмъ погасло свѣтило сіе, которое всѣ тайности страстолюбія ихъ проницаетъ, надѣясь, чтобъ тогда невѣдѣніе ихъ прощено было, и грѣхи ихъ остались безъ наказанія.

Какъ бы искусно мы причину заблужденія своего ни закрывали, и сколькобъ разсудокъ свой ни оправдали, со всѣмъ тѣмъ мы бы еще не съ искренностію поступали. Въ началѣ волнуемся мы между добромъ и худомъ; разумъ дѣйствуетъ нами, сказалибъ, что сердце на тужъ сторону склонялось, ибо они оба притворно стараются дѣлать въ томъ раздѣленіе; правда, что важности мало въ такихъ притворныхъ разсмотреніяхъ; естьлибъ они искреннѣе были, скорое объявленіе зла показалобъ намъ безъ труда обстоятельства добраго.

Мы по злости нашей скорѣе склонимся къ злу, которое мы подлинно знаемъ, нежели къ доброму, котораго больше половины открываемъ. Мы совершенно увѣрены, что воздержаніе наше отъ нѣкоторыхъ вещей весьма похвально: но мы сумнѣваемся, можноль намъ предпринять другія вещи, которыя мы за непорочныя считаемъ, хотя они въ самомъ дѣлѣ и не таковы? Не виноватыль мы тѣмъ, что вознамѣриваемся къ такому дѣлу, по которому мы конечно обвинены будемъ? И такъ чему мы не хотимъ вѣрить? Желаемъ

емъ ли мы, чтобъ намъ точно сказали, къ чему совершенное христіанство насъ покоряетъ? И для чего оно насъ къ тому съ великою строгостію принуждаетъ? Опасаемсяль мы преступать границы? И не захотимъ ли мы еще спросить, что мздоимство и злорѣчіе небольшія погрѣшности, чтобъ не перестать намъ быть мздоимцами и хулителми, какъ только тогда, когда мы отъ того послѣдующимъ смертнымъ грѣхомъ уличены будемъ.

Надобно, говорятъ тѣ, которые только слабое поняшіе имѣютъ о вѣрѣ, чтобъ имѣть свободную добродѣтель, безъ сумнѣнія и безъ принужденія, какъ честному человѣку, которой между излишнымъ зломъ и малымъ добромъ умѣренно поступаетъ, слѣдуя натурѣ, которая отвращая отъ большей несправедливости, не обязываетъ къ исполненію всего устава; добродѣтель общую, которая бы съ благопристойностію сообразовалась, и дабы учтивость соединяя совѣсть съ интересомъ, а свѣтскіе обряды съ христіанскими правилами, совершила столь изрядную Систему.

ГЛАВА 3.

О свѣтѣ.

Чѣмъ больше разсматриваютъ свѣтъ, тѣмъ больше смѣшнаго въ немъ находятъ.

Въ свѣтѣ надобно быть лицемѣромъ, сказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ, которому свѣтъ довольно былъ извѣстенъ. Кто въ ономъ не хочетъ притворяться, тотъ худую тамъ будетъ представлять персону. Тамъ великая откровенность вредительна; естьли искренность не будетъ смѣшена съ притворомъ, то она не годится; это нравоученіе меня удивило; но я оное нашелъ справедливымъ, какъ увидѣлъ, что оно до вѣры не касалось.

Въ свѣтѣ очень много такихъ лицемѣровъ; каждой тамъ довольно знаетъ полезность притворить свои наружности такъ, чтобъ внутренность его не узнали. Одинъ строитъ погибель своему непріятелю, а притомъ лобзаніями его осыпаетъ; другой же притворно стараясь намъ служить, дожидается удобнаго времени совершить нашу погибель. Явно дѣлаютъ почтеніе тѣмъ, которыхъ дѣйствительно уничтожаютъ; ласково обходятся съ соперникомъ, котораго внутренно ненавидятъ.

Когда разсуждаютъ, что надобно искать благополучія, тогда весь притворъ у-

употребляютъ. Надобно угождать людямъ знатнѣе себя; но покажутъ ли они себя при нихъ такими, каковы они есть дѣйствительно? Нѣтъ: при этомъ случаѣ гораздо лучше поступаютъ. Гордой унижается, мстительной утушаетъ пламя своего гнѣва, свирѣпой покрываетъ лице свое пріятною миною, корыстливой хвалитъ щедроты, измѣнникъ вѣрность, а нечувствительной благодарность.

Лицемѣрство сіе сдѣлалось модною добродѣтелію: я оное нѣкоторымъ образомъ похваляю, хотя гораздо лучше любилъ бы такого человѣка, котораго бы поступокъ искренно справедливъ былъ.

Свѣтъ доволенъ такими лицемѣрами; въ обхожденіи они сносны, вѣра ихъ ненавидитъ, а христіанство ихъ проклинаетъ.

Стараться быть таковымъ, какимъ думаешь казаться, и не являть себя инакимъ какъ натурально, въ семъ состоитъ свѣтская наука, „не дѣлайся Принцомъ, есть„ли ты таковымъ быть не пріобучился,. Всякое дѣло ко всякому не пристаетъ; величавый видъ приличенъ только тѣмъ, которые въ томъ выросли, развѣ впрочемъ чрезъ великое съ успѣхомъ стараніе то пріобрѣсть себѣ можно. Что Солонъ сказалъ придворному человѣку, то мы всякому можемъ сказать особливо: одному скажемъ, чтобъ онъ не дѣлался честнымъ человѣкомъ, естьли прежде онъ

такимъ быть не научился: другому можемъ предложить, чтобъ онъ не дѣлался ученымъ человѣкомъ, не зная правилъ, по которымъ подлинно ученой познаваться можетъ; ибо естьли наконецъ не льзя будетъ защитить ложное достоинство притворнаго нрава: то сколь велико было веселіе получа отъ всѣхъ на то похвалу, такъ велико будетъ отчаяніе отъ послѣдующаго общаго презрѣнія.

Въ свѣтѣ потребно только одно искусство, которое великимъ качествомъ считаютъ, и люди часто одно это всячески пріобрѣсть желаютъ.

Между искусствомъ и достоинствомъ такое сходство, какъ между разумомъ и праводушіемъ.

Одна минута внушаетъ наилучшія надежды въ свѣтѣ, другаяжъ совсѣмъ оныя истребляетъ; такъ самая, которая кажется ихъ искореняла, скоро опять ихъ возставляетъ; и такъ то обращаются дѣла въ свѣтѣ.

Я не посмотрю, что сдѣлаю тритцать дѣлъ безполезныхъ, естьли тритцать первое только мнѣ удастся: знаю, что порядокъ свѣтскихъ дѣлъ таковъ, чтобъ итти тише.

Мало совершеннаго удовольствія въ семъ свѣтѣ: но нѣтъ притомъ и невозвратной печали. Въ наибольшихъ веселостяхъ приходятъ нѣкоторыя маленькія досады, которыя

торыя самыя главныя въ наслажденіи пріятности уменьшаютъ: въ превеликихъ же нещастіяхъ замѣшиваются такія отрады, которыя отъ великаго зла весьма облегчаютъ.

Естьли человѣческое почтеніе не допускаетъ происходить многимъ безпорядкамъ, то напротивъ того и многимъ добродѣтелямъ оно мѣшаетъ. Благопристойность требуетъ, чтобъ удаляться отъ великихъ пороковъ, и не предпринимать великихъ добродѣтелей. Не имѣя вѣры наживешь худое имя: строгуюжъ наблюдать набожность въ свѣтѣ не возможно.

Нѣкоторымъ людямъ не достаетъ только маленькаго свѣтскаго обхожденія; естьлибъ они въ томъ упражнялись, примѣченобъ было въ ихъ искусствѣ столько тонкости, сколько и самой твердости въ нихъ обыкновенно бываетъ.

Самой высокой разумъ безъ свѣтскаго обхожденія не придетъ противъ средняго разума, которому свѣтскія обстоятельства извѣстны, и которой украшаетъ трудъ свой хорошими словами и пріятными выраженіями; другой же напротивъ того помрачаетъ хорошіе свои замыслы не употребительными рѣчами, и складъ его не такой, какъ у людей свѣтъ знающихъ.

Знать свѣтъ не обходимо надобно. Въ оном можно сознать тысячу такихъ

дѣлѣ, которыхъ въ книгахъ не найдешь. Можно въ немъ пріобрѣсть хорошія правила; тамъ учатся какъ жить, когда говорить, и когда молчать. Но свидѣтельствуемъ ли мы сами себя, какія мы приращенія въ томъ имѣемъ?

Все состоитъ въ нѣкоторомъ поведеніи, говорятъ люди хорошаго сложенія. Есть люди, которые не нравятся, хотябъ какія великодушныя дѣла они ни являли. Другіежъ напротивъ того чрезъ наималѣйшія дѣла совершенно пріятными себя показываютъ. Нѣкоторой человѣкъ сдѣлалъ въ праздникъ для друзей своихъ компанію. Банкетъ съ десертомъ былъ великолѣпенъ, мяса деликатныя, вина на выборъ, и чистота была несравненна: чегожъ бы не доставало? Нѣкоторой пріятности въ обхожденіи того, которой къ себѣ гостей звалъ.

Полдникъ же, которой сдѣлалъ Клеантъ, чрезвычайнаго ничего тамъ не было, а всѣ были очень довольны; въ чемъ же состоитъ такъ великая разность? Въ хорошемъ пріемѣ.

Аминтъ даетъ вамъ 10. пистолей, а Дориласъ присылаетъ 30. Подарокъ перваго васъ прельщаетъ, а притворное великодушіе другаго почти никакого удовольствія вамъ не дѣлаетъ. Откудажъ такая нѣжность? Отъ обхожденія.

На-

Натуральная и язвительная насмѣшка Алсидорова меня не трогаетъ. Простаяжъ и невинная шутка Геронтова меня оскорбляетъ тѣмъ манеромъ и голосомъ, какъ оная произнесена была.

Люцинда въ своемъ неглиже покоряетъ себѣ всѣ сердца: Анжеликажъ со всѣмъ своимъ нарядомъ гуляетъ въ королевскомъ увеселительномъ саду тюльлери, и никто на нее не смотритъ, отъ того, что не знаетъ обходиться.

Какъ скоро Леандръ въ компанію придетъ, то всѣ дамы не могутъ довольно ему надивиться, хотя слова у него простыя, и говоритъ натурально: братъ же его со всѣми шутливыми разговорами и модными словами для нихъ не важенъ, отъ чегобъ это все происходило? Отъ одного обхожденія.

Какое это обхожденіе, спрашивалъ тотъ, которому хотѣлось себя въ томъ исправить? Это мнѣ очень трудно вамъ сказать. Я вижу, что въ человѣкѣ нравится, и могу съ перваго взгляду узнать, что въ немъ есть противнаго; но не могу вамъ дать той самой нужной пріятности, которую надобно было вамъ имѣть отъ природы, или отъ свѣтскаго обхожденія.

Есть люди, которыхъ смѣхъ, голосъ, и все противно, и они очень смѣшны; то, чему въ другихъ удивляются, въ нихъ порочатъ. Другіе имѣютъ щастіе полу-

чать общую похвалу. Всѣ прельщаются тѣмъ, что отъ нихъ происходитъ; всѣ слова ихъ превозносятъ. Разумной почитаетъ наималѣйшую ихъ осанку; пріятно и то, что не взначай имъ сдѣлать удастся: но естьлибъ спросить, съ какимъ намѣреніемъ имъ такія похвалы придавали, инаго бы не чего было сказать, какъ только, что въ ихъ обхожденіи примѣчено было нѣчто пріятное, которое въ ихъ пользу предупреждало.

Покажетъ ли мнѣ кто лучше науку, какъ искусство знать молчать въ удобное время?

Пиѳагоръ ученикамъ своимъ говаривалъ: „или молчите, или скажите нѣчто такое, чтобъ превосходило молчаніе„. Это правило налагаетъ намъ великую воздержность въ нашихъ разговорахъ. Хорошо не много говорить, а молчать еще лучше: въ тысячѣ случаевъ можно опробовать истинну, которую я здѣсь предлагаю.

Молчаніе не всегда бываетъ слѣдствіемъ хорошаго поступка; иногда и невѣдѣніе дѣлаетъ оное нужнымъ весьма многимъ людямъ.

Естьли почтутъ глупымъ того, которой молчитъ: то надлежитъ ему еще гораздо строжае наблюдать молчаніе; онъ не будетъ никогда въ опасности отвѣчать худо,

худо, или его молчаніе будетъ почитаться за разумъ.

Великой разговорщикъ, хотябъ онъ былъ самой человѣкъ разумной, теряетъ довѣренность, и только дураки ему дивятся.

Посредственнаго разума человѣкъ безъ науки и особливаго просвѣщенія, можетъ молчаніемъ поправить недостатокъ своего разума.

Люди, которыхъ разумными почитаютъ, будутъ лучше молчать, нежели прославлять себя большими разговорами. По послѣдней мѣрѣ скромность ихъ не почтена будетъ за глупость.

Надобно быть при дворѣ, чтобъ говорить научиться; не отваживаться же исполнять сего намѣренія, не научась молчать прежде: ибо тамъ дорого платить надобно за опасную невоздержность въ разговорахъ.

Мы видимъ, что искусные придворные люди еще строжае наблюдаютъ молчаніе, чѣмъ пустынники. Они мало говорятъ, и говорятъ о дѣлахъ безпристрастныхъ, и люди знающіе свѣтъ не инако поступаютъ.

Хорошей способъ умѣть заключать великіе замыслы въ короткихъ словахъ! ничемъ не можетъ извинимъ быть проступокъ тѣхъ людей, которые скучными разговорами цѣлыя компаніи утруждаютъ.

Не попадуль я самъ въ этотъ проступокъ, предлагая въ короткихъ словахъ законъ Пиѳагоровъ.

Я не почитаю того человѣка, которой и хорошо говоритъ, да много; желалъ бы я, чтобъ онъ сказавши хорошее, далъ и другимъ о томъ говорить время. Можетъ быть онибъ еще и лучше что нибудь сказали. Кто сего не знаетъ, тотъ погрѣшаетъ противъ правилъ, какъ жить на свѣтѣ.

Много говорятъ, какъ надобно жить на свѣтѣ; попеченіе о воспитаніи клонится къ семужъ славному намѣренію. Къ молодымъ людямъ приставливаютъ учителей только для того, чтобъ ихъ научить искусной политикѣ; но не всѣ въ томъ равной успѣхъ имѣютъ.

Есть нѣкоторые разсудки, въ которыхъ всегда остается такая суровость, которую и воспитаніемъ исправить не возможно.

Напротивъ же того есть такія щастливыя природы, которыхъ не надобно совершенно обучать правиламъ жизни, а только сдѣлать имъ нѣкоторое изображеніе о свѣтѣ. Мы сами дивились, какъ они въ самое короткое время этой изрядной политикѣ могли обучиться. Имѣли они пристойные разговоры, отмѣнныя обхожденія, веселой видъ, постоянной нравъ безъ гордости и презрѣнія. Съ горячими людьми поступали они съ великимъ воздержаніемъ, самые наглые не въ состояніи были ихъ разгнѣвать; снисхожденіемъ своимъ могли они угождать и самымъ незнающимъ людямъ;

искали

искали они въ совершенство приходить отъ обхожденія съ честными людьми, поступки ихъ перенимали, и во всемъ имъ послѣдовали, какъ въ словахъ, такъ и въ мысляхъ.

Знать жить, есть такая наука, которой честной человѣкъ весь вѣкъ учиться долженъ. Никто не сумнѣвается, чтобъ она не была очень важна для тѣхъ, которые въ свѣтѣ происходить желаютъ. Вы въ свѣтѣ найдете такихъ гнѣвныхъ людей, которыхъ все безпокоитъ; хулителей такихъ, которые порочатъ и самое то, что наилучшее есть въ добродѣтеляхъ; завистливыхъ, которые другихъ достоинствомъ безпокоятся; и такихъ дикихъ и звѣрскихъ людей, которыхъ наипріятнѣйшее обхожденіе не возбуждаетъ: благородной человѣкъ не согласится жить съ такими чудными нравами.

Въ наималѣйшихъ вещахъ узнаютъ человѣка, которой жить умѣетъ. Онъ при всѣхъ обстоятельствахъ точно наблюдаетъ сіе столь изрядно внушенное искусство, и такъ, что въ самыхъ простыхъ его дѣлахъ, оное всегда примѣтить можно. Никакое слово, ниже движеніе или одинъ взглядъ такъ отъ него не произойдутъ, чтобъ не присовокупилъ онъ къ нимъ сей пріятности. Во всемъ кажется онъ честенъ.

Есть-

Естьлибъ людямъ опредѣлено было жить однимъ, можетъ быть я бы тогда простилъ нерадѣніе ихъ о хорошемъ воспитаніи. Но будучи обязаны жить съ такимижъ людьми, какъ они сами, какое будетъ сопряженіе въ ихъ обществѣ, продолженіе въ союзѣ, и удовольствіе въ ихъ обхожденіи, естьли они не будутъ учтивы, пріятны, и ласковы?

Когда мнѣ сказали объ одномъ человѣкѣ, что онъ жить не умѣлъ на свѣтѣ, то какимъ порокамъ я его не подвергнулъ? Называлъ его сердитымъ, насмѣшливымъ, злорѣчивымъ, неблагодарнымъ, и преступникомъ. И я надѣюсь, что всѣ сіи худыя качества въ немъ найдутся.

Напротивъ же того, какъ много я хвалилъ человѣка, о которомъ увѣряли меня, что онъ умѣлъ жить на свѣтѣ! Я ручался о его безкорыстіи, вѣрности, и разумѣ. Какъ увидите его поступки, то вы не скажете, чтобъ добродѣтели въ немъ были притворны; друга своего обязываетъ онъ себѣ служить истинною склонностію: возбуждаетъ безпрестанно его къ новому усердію, подаетъ ему благіе совѣты, и говоритъ съ нимъ нелицемѣрно.

Будьте вы наилучшихъ качествъ, да не имѣйте этого одного, то я уже васъ очень мало почитать буду.

Безъ знанія свѣтской жизни, храбрость обращаться будетъ въ звѣрство: ибо мни-

мой

мой воинъ всѣхъ на свѣтѣ обижать станетъ. Великодушіе его будетъ хулы достойно: ибо безчестной человѣкъ ничего съ милостію производить не можетъ: стараніе, которое онъ прилагать будетъ для нашего обязательства, не будетъ истинно, по тому, что онъ внутренно великой наблюдатель своихъ интересовъ.

Какъ хорошо видѣть такихъ людей, которые въ свѣтѣ жить умѣютъ, и сколько много щастливы тѣ, которые пребываютъ съ ними! что можетъ быть пріятнѣе, какъ продолженіе искреннихъ услугъ, взаимныя снисхожденія, и нѣкоторая привычка предупреждать въ желаніяхъ другъ друга? Тутъ предлагаютъ свои мнѣнія не опасаясь противорѣчія; зависть въ такія избранныя общества вкрадываться не можетъ; тамъ наблюдаютъ благопристойности права; шутка имѣетъ свои границы; учтивость же безъ предѣловъ; миръ тамъ уставленъ, а несогласіе искоренено совершенно.

Человѣкъ, знающій жить, вездѣ пріятенъ; тотъ же, которой не очень то наблюдаетъ, думаетъ, что ему по прихотямъ своимъ дозволено поступать съ подчиненными своими.

Естьли хотите, чтобъ васъ почитали человѣкомъ знающимъ жить въ свѣтѣ: то не почитайте оное за малую должность, но вмѣняйте сіе въ великое дѣло. Разсуждайте,

дайте, что по честности надобно вамъ равно обходиться съ ровнымъ, съ меньшимъ и съ самымъ знатнымъ человѣкомъ. Къ однимъ должно вамъ дѣлать почтеніе, а къ другимъ ласку.

Я васъ по тѣхъ поръ не почту учтивымъ человѣкомъ, пока вы въ должность себѣ не причтете ласково говорить и съ самыми слугами.

Благопристойность не дозволяетъ говорить въ компаніи честныхъ людей то, что знаешь: но надобно о томъ говорить, что другіе знаютъ. Человѣкъ, которой проѣхалъ всѣ моря, будетъ ли объ иномъ чемъ говорить, какъ о разбитіи корабельномъ? Вѣтръ, которой надулъ ему въ уши, внушилъ ему довольную матерію къ разговору. Одна минутная большая волна, въ состояніи возбудить къ непріятному его разсказанію всѣхъ штурмовъ, что другимъ слушать весьма будетъ скучно.

Большая часть людей имѣютъ эту склонность, и поперемѣнно другъ другу несносны становятся. Воинъ представляетъ кампаніи, осады, лагерь, и атаку. Любитель хвастаетъ щастливыми своими успѣхами, и достоинствомъ своей любезной. Откупщикъ не престаетъ говорить о пользѣ пошлинъ, и о хорошемъ учрежденіи денежныхъ зборовъ.

Я лучшебъ хотѣлъ, чтобъ человѣкъ пошедъ въ компанію, разумъ свой у себя въ

въ кабинетѣ оставилъ, нежель какъ достопамятной болтунъ повсюдубъ съ собой носилъ свою науку. Первой предписываетъ себѣ время, чтобъ и у другихъ слушать, и по тому его почитаютъ. А тотъ всей компаніею одинъ обовладѣть хочетъ, думая, что онъ только можетъ показать себя ученымъ; тщеславіе сіе ложнаго остроумца непріятно, ибо онъ не знаетъ, что честность ему предписуетъ.

Люди, знающіе жить на свѣтѣ, ко всякимъ примѣняются нравамъ. Они свой нравъ сокращаютъ согласуюсь съ тѣми, которые имъ попадутся.

Наиполезнѣйшее качество въ свѣтскомъ обхожденіи поступать такъ какъ дѣлалъ Алцибіадъ. Будучи въ Спартѣ не было Лакедемонца, которой бы превосходилъ его строгостію, и трудами. Живучиж въ Іоніи предался онъ такой лѣности, что и самыя роскошныя Іоняне ему въ томъ не могли сравняться. Пріѣхавши въ Персію, перещеголялъ онъ самыхъ лучшихъ Персіянъ своими великолѣпіемъ и роскошами. Я въ Алцибіадѣ одну чрезмѣрность не похваляю, а хвалю напротивъ того, что онъ могъ перемѣнять нравъ свой такъ, чтобъ согласну быть съ своими земляками; довольно могъ онъ владѣть самъ собою, и по нуждѣ переходить отъ одной крайности въ другую. Правда, не лехко, хотя и очень нужно, чтобъ въ Парижѣ жить

пофранцузски, въ Лондонѣ поаглински, въ Амстердамѣ поголландски, а въ Мадритѣ погишпански.

Вотъ нѣкоторыя правила, какъ житъ на свѣтѣ; всѣмъ они извѣстны, но мало по нимъ поступаютъ: отъ чего происходятъ тѣ безпорядки, которые общество возмущаютъ.

Всѣмъ свѣтскимъ правиламъ послѣдовать не надобно. Надлежитъ знать, какое въ свѣтѣ зло происходитъ, чтобъ къ оному имѣть омерзѣніе, и какое дѣлаютъ добро, чтобъ оному послѣдовать.

Честолюбіе свѣтскихъ людей не въ томъ состоитъ, чтобъ сдѣлаться совершенными христіанами, но они лучше хотятъ быть по модѣ грѣшниками, которые блистаютъ въ свѣтѣ, чтобъ тѣмъ облегчить себя отъ тяжкихъ трудовъ. Хотябъ имъ гораздо легче было пріобрѣсть истинную себѣ премудрость. Какіе труды, какое бдѣніе, и сколько принужденія, когда упрямо хотятъ прекратить такіе малые недостатки, которые на силу человѣческими глазами примѣтить можно, и въ учтивствахъ привести такіе обычаи, за которые отъ Бога никакой награды не бываетъ, такъ напримѣръ какъ бы сдѣлаться веселаго нраву, возымѣть хорошее понятіе, качества, за которыя еще Богъ не награждаетъ; но напротивъ того попеченія сіи, въ которыхъ насъ онъ судить будетъ. Слѣд-

ствен-

ственно на осужденіе мы себя предаемъ съ нашими большими трудами, вмѣсто того, чтобъ съ малымъ сердечнымъ сожалѣніемъ спасти мы себя могли, такъ сказать добровольно.

Будьте честолюбивы, говоритъ свѣтъ своимъ сообщникамъ: употребляйте хитрость противъ своихъ равныхъ, притворно обходитесь съ большими, а строго поступайте съ подчиненными своими, учитесь довольствовать свои страсти нѣжнымъ образомъ, внушайте себѣ политическое нравоученіе, слѣдуйте тѣмъ проводникамъ, которые любовнымъ вашимъ успѣхамъ споспѣшествовать будутъ, и которые къ милости дорогу вамъ покажутъ; жертвуйте все вашему возвышенію, не имѣйте притвору въ вашемъ чистосердіи, естьли оное противно будетъ вашей славѣ; постоянной искренности не имѣйте, естьли оное вредительно будетъ намѣреніямъ вашего щастія; покорите этого непріятеля; разорите соперника; старайтеся только себя возвысить, такія-то вамъ свѣтскія наставленія.

Будьте просты въ вашихъ поступкахъ, говоритъ законъ: унижайте себя въ вашихъ возвышеніяхъ; наблюдайте воздержность въ хорошихъ вашихъ успѣхахъ; должите вашихъ друзей; имѣйте снисхожденіе къ нещастнымъ; служите большимъ людямъ безъ лести; жертвуйте щастіе ваше добродѣтелямъ; не лицемѣрствуйте въ дѣ-

лахъ вашихъ, хотябъ то къ возвышенію вашему служило; наблюдайте всегда искренность, чистосердечіе и справедливость, хотябъ то предпріятіямъ вашимъ было противно: сіи суть христіанскія правила. Какая противность между Богомъ и свѣтомъ! и какое несогласіе между правилами добраго нравоученія и свѣтской политики!

Естьли видятъ, гдѣ нѣтъ свѣтской науки, то лучше желаютъ быть въ невѣдѣніи. Веселой человѣкъ и щастіемъ ослѣпленной, даромъ, что Бога и вѣры своей не знаетъ, только бы ему тайности интригъ, хитрость политики, и свѣтскіе мерзкіе обычаи были извѣстны.

Намъ надобно бы о всѣхъ свѣтскихъ вещахъ такъ говорить, какъ сказывалъ господинъ де Кастельно, которому за шесть часовъ до смерти данъ былъ Маршалской жезлъ„: „Это хорошо въ здѣшнемъ свѣтѣ, а я отправляюсь въ такое царство, гдѣ мнѣ это ни къ чему не служитъ „что можетъ быть лучше въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ хорошая слава, великое щастіе и знатная природа, въ будущемъ это самое наибольшей грѣхъ наноситъ; тамъ гордость наказуютъ, богатство почитается противникомъ креста Господня, и гдѣ Принцъ съ дворяниномъ равны.

Наибольше прилѣпившіеся къ свѣту не меньше знаютъ суету міра сего. Красно-

снорѣчивый только вѣ то всю возможность свою употребляетъ, чтобъ описать жалости терпимыхъ напастей жестокаго господина, сто разъ онъ его посрамляетъ, и наконецъ намѣреніе приметъ его оставить.

Разсужденія сіи далеко меня заведутъ, только ихъ читать никто не будетъ, то лучше мнѣ ихъ окончить.

ГЛАВА 4.

О уединеніи.

Надобно имѣть великое основаніе разума, или совсѣмъ онаго быть лишенну, чтобъ содержать себя долгое время въ уединенной жизни. Она имѣетъ въ себѣ пріятности, кто знаетъ въ ней упражняться; но несносна для тѣхъ, которые не могутъ прогонять скуку чтеніемъ и понятіемъ хорошихъ вещей. Человѣкъ, не имѣющей хорошаго понятія и разсужденія, безпечально проживетъ и внѣ свѣта, о которомъ онъ хорошихъ воображеній себѣ сдѣлать не можетъ. Человѣкъ же средственнаго разума, къ предосужденію уединенной жизни, разсуждать будетъ о преимуществѣ веселостей свѣтскихъ, и въ глубокомъ удаленіи самъ несносенъ себѣ будетъ казаться:

заться: человѣкъ же превосходнаго разума, не даетъ великой обширности свѣтскимъ вещамъ; но такъ о нихъ думаетъ, какъ они дѣйствительно есть; онъ пріобыкши уничтожать суету оныхъ, будетъ самъ собою доволенъ въ этой жизни, гдѣ онъ другихъ людей дурачеству свидѣтелемъ не будетъ.

Естьлибъ можно было человѣку жить одному, онъ бы наиблагополучнѣйшій былъ въ свѣтѣ. Сердечное его спокойствіе не было бы возмущено волнующими страстьми, которыя отъ единаго свѣтскаго обхожденія родятся.

Мы другъ друга портимъ, сообщая худыя наши склонности между собою. Тщеславной вездѣ разглашаетъ, что надлежитъ стараться пріобрѣсть славу; скупой, не имѣя охоты себя превозвысить, внушаетъ, какъ наживать богатство: злопамятной сказываетъ, какъ надобно чувствительну быть къ чести; ученой совѣтуетъ быть любопытнымъ; военной человѣкъ хвалитъ свое искусство. Каждой въ другихъ любитъ находить самаго себя, внушая свои страсти, кто можетъ жить въ уединеніи, тому онаго нѣчего опасаться.

Никто въ свѣтѣ состояніемъ своимъ не доволенъ. Люди къ благополучію своему такъ много разныхъ путей предпринимаютъ, что наконецъ сомнѣваться станутъ, истинной ли той путь, которымъ

они

они идутъ? Проживши такъ долгое время увѣряться начнутъ, что выбору другихъ людей послѣдовать лучше. Купецъ почитаетъ благополучнымъ солдата, которой не опасается накладу, ниже разбитія корабельнаго. Солдатъ же преимущество даетъ купеческой жизни, которая не подвержена многимъ незапнымъ случаямъ, которыхъ избѣжать не возможно. Большіе господа жалуются на принужденное свое состояніе, и завидуютъ жизни своихъ подчиненныхъ, которые наружности придворной жизни, ничего пріятнѣе вообразить не могутъ. Такими смѣшными желаніями пустынникъ не можетъ быть обезпокоенъ; состояніе его ему кажется благополучно; ибо онъ никого щастливѣе себя не видитъ, развѣ другой такой же пустынникъ ему попадется, которому совершенное отверженіе свѣта истинное блаженство вліяло.

Мы уединенную жизнь ненавидимъ; намъ надобно быть во всегдашнихъ безпокойствіяхъ, которыя бы насъ внѣ себя приводили. Мало людей могутъ сносить уединеніе; ибо никто почти не можетъ смотрѣть спокойными на себя глазами.

Пріятное пѣніе птицъ, вѣтры производящіе легкой шумъ, древеса распуская помаленьку свои вѣтьви, и цвѣты, родясь вдругъ исчезаютъ: все сіе не можетъ упразнить человѣка любящаго великолѣпіе. Я совѣтую лучше жить въ Парижѣ, естьли

въ хорошее время скучать уединеніемъ, зимой оно уже и больше несносно казаться будетъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, говорилъ нѣкто: ѣду я въ свою деревню. Тамъ-то окончу я дни свои безъ гордости въ покоѣ, наслаждаясь обхожденіемъ двухъ хорошихъ моихъ пріятелей. Но еще и трехъ мѣсяцовъ тамъ не живши, приходитъ въ крайнюю скуку, и предпочитаетъ лучше быть въ городскомъ смятеніи, нежель въ тишинѣ пріятнаго уединенія.

Уединеніе послѣднимъ убѣжищемъ придворнаго человѣка.

Мы удивляемся скорому намѣренію Алциппа, которой, будучи назначенъ въ первые придворные чины, пошелъ лучше окончить жизнь свою въ уединеніи; но намъ больше дивиться надобно, для чего онъ такъ долго жилъ въ свѣтѣ.

Никто не можетъ отстать отъ двора безъ сожалѣнія, безпрестанно прельщаются веселостію и трудами, въ которыхъ тамъ упражнялись, разсуждая о своемъ придворномъ чинѣ, да и какъ впредь послѣдовалобъ произвожденіе, сердце отдается совсѣмъ нѣжнымъ симъ обѣщаніямъ; въ такомъ случаѣ надобно совершенно умѣть владѣть самимъ собою, чтобъ вознамѣриться все сіе оставить. Оноежъ намѣреніе исполня, раскаиваются, для чего заранье этого не могли сдѣлать.

Ща-

Щастливая перемѣна, когда человѣкъ свѣтъ оставляетъ! сперва ему надобны были слуги помогать одѣваться; желалъ онъ, чтобъ сонъ приходилъ къ нему отъ гремѣнія музыки; на столѣ чтобъ у него было наиделикатнѣйшее мясо; домъ его чтобъ украшенъ былъ наилучшими уборами, и сады его содержались бы въ чистотѣ несказанной; употреблялъ онъ ноги свои только, чтобъ выйти изъ горницы и сѣсть въ карету, одноминутное читаніе книги ему могло наскучить, по его мнѣнію ни одного стройнаго и искуснаго человѣка не бывало. Уединеніе жъ на истинной путь его приводитъ; онъ проклинаетъ нерадѣтельной и горделивой свой поступокъ. Самъ копаетъ свои партеры, одинъ цвѣтокъ выращеной его трудами, лучше ему кажется, нежели самые лучшіе плоды Тесальскаго саду; засыпаетъ онъ отъ сладкаго журчанія ручьевъ, а пробужается отъ пѣнія просто одѣтаго пѣтуха, довольствуется посредственною пищею, честная простота царствуетъ въ его домѣ, и онъ пріятно упражняется читая новыя книги.

Пустынникъ повседневно руками своими работаетъ. Онъ Архитекторъ, живописецъ, и садовникъ, однимъ словомъ: онъ все можетъ самъ сдѣлать.

Уединеніе никакой бы пріятности не имѣло, естьлибъ оно дружескаго обхожденія лишало. Можно оставить свѣтъ, а жить

съ своими пріятелями; свѣтъ оставляютъ для того, что онъ опасенъ, а дружбу берегутъ для того, что она добродѣтель.

Уединеніе дѣлая насъ нечувствительными ко всему, а къ пріятелямъ нашимъ не препятствуетъ оно продолжать постоянную склонность.

Не отъ любви къ покою надобно такъ искренно желать уединенія, но чтобъ единственное усердіе къ набожнымъ помышленіямъ насъ къ тому привлекало.

Пріятное уединеніе! Ты не допускаешь ученыхъ людей служить діяволу, принуждая ихъ упражняться въ христіанскихъ трудахъ, способствуя имъ находить безчисленныя пріятности, и невинныя наслажденія въ читаніи божественныхъ книгъ. Къ чемубъ служилъ имъ успѣхъ въ наукахъ, которыя закону противны? Онибъ только утверждались въ такой славѣ, которая съ грѣхомъ пріобрѣтена, и будучи гораздо слабы противиться пріятностямъ сей прелестной славы, не преставалибъ они предуспѣвать въ суетныхъ и совѣсти ихъ предосудительныхъ любопытствахъ. Такъ то бы и погибель ихъ совершилась; но какъ они отъ свѣту въ отдаленномъ состояніи живутъ, то и преимущество имѣютъ потрудиться къ заслуженію нѣкотораго гораздо превосходнаго блаженства.

Уединеніе имѣетъ великія пріятности: нѣтъ такого дня, ниже единой минуты, чтобъ въ добродѣтельномъ пустынникѣ новыя веселія не раждались. Онъ временемъ упражняется въ набожности, для заслуженія небесныхъ благъ, иногдажъ разсматриваетъ земныя вещи, которыя столь много пренебреженія достойны, и такъ будучи безпрестанно упраженъ любовію истинны, старается ея находить, ей учиться, и производить ея въ дѣйство.

Въ удиненіи можно о себѣ подумать, свѣтскіяжъ препровожденія до того насъ не допускаютъ. Мнѣнія о предбудущемъ упражняютъ пустынника весьма инако, нежели какъ онъ прежде о томъ думалъ, когда взиралъ на свѣтскія великія учрежденіи; и какъ честолюбіе его будущимъ питалось, такъ теперь онъ съ истинною въ то вникаетъ.

Тотъ совершенно благополученъ, кто безъ помощи другаго прожить можетъ. Въ уединеніи наслаждаются симъ совершеннымъ благополучіемъ; тамъ безъ большихъ людей обойтися можно, чины ихъ уничтожаютъ, не думаютъ порядочно наблюдать визиты, къ исполненію своего желанія не ждутъ нѣкоторые годы: тамъ только царствуютъ невинныя желанія, которыя еще къ настоящему благополучію споспѣшествуютъ.

Въ уединеніи измѣны, подлости, клятвопреступленія и слабости нѣтъ. Тамъ не заботятся наживать пріятелей, и не опасаются оныхъ быть лишенну. Щастіемъ смѣются, возможность свою за ничто почитаютъ; и такъ гдѣ можно сыскать лучше этого благополучія?

Какія несказанныя утѣшенія внушаетъ уединеніе нещастнымъ. Любовникъ находитъ тамъ убѣжище противъ всѣхъ опасностей отъ любви происходящихъ. Гордой униженный идетъ туда утѣшаться отъ своего нещастія, что сладкорѣчивымъ усердіемъ наилучшихъ пріятелей произвесть не возможно, то тишинѣ уединенія покорено бываетъ.

Совершенно отъ свѣта удалившійся пустынникъ въ письмѣ ко мнѣ благополучіе свое слѣдующими словами похваляетъ: простите меня, государь мой, что я принужденъ отдалиться отъ настоящей матеріи; прельстясь пріятностьми моего уединенія, позвольте, чтобъ я съ вами объ ономъ поговорилъ одну минуту. Вся наружность земли какъ великолѣпный театръ всемогущества Божія, представляетъ мнѣ здѣсь всякой день такое позорище, которое никакъ съ вашимъ не можетъ быть сравненно, о немъ только по справедливости могу я разсуждать съ радостію несказанной. Усматриваю я произведенія натуры, образцы провидѣнія Божія. Лилеи

цвѣ-

цвѣтутъ здѣсь предъ глазами, поля наши такъ богато украшены цвѣтами, что Соломонъ на своемъ тронѣ не такъ сіяетъ, какъ послѣдній цвѣтокъ здѣшней плодоносной долины. Эти-то вещи привлекаютъ къ себѣ мои взоры: я смотря на нихъ не поскучу, но желать буду, чтобъ ихъ еще больше расцвѣтало, дабы удивляться всемогуществу Творца ихъ. Уши мои пріятнымъ пѣніемъ соловья такимъ же невиннымъ образомъ наслаждались; голосъ карастеля, и пѣніе тысячи разныхъ птицъ возбуждали меня хвалу воздавать Богу; напротивъ того свѣтскіе люди прилѣжно слушая безбожныя пѣсни, приходятъ въ пагубныя восхищенія.

Уединеніе больше нужно тѣмъ, которые въ свѣтѣ испортиться могутъ, нежели разумнымъ, которые противъ порчи имѣютъ нѣкоторую защиту. Испорченые люди и бѣгаютъ уединенія; а оно только нравится тѣмъ, кои меньше въ немъ нужды имѣютъ.

Для кого сдѣланы пустыни? Для кого учреждены уединенія? Для тѣхъ ли, которые мертвы тѣломъ, въ коихъ страсти погасли, и кои не имѣютъ больше главнаго въ себѣ порока? Сіи отъ опаснаго человѣческаго общества столь отдаленныя жилища, приличествуютъ больше тѣмъ, которыхъ свѣтскія прелести лехко уловляютъ. И такъ уйдемъ въ пустыни,

когда

когда города для насъ искушеніемъ; станемъ, естьли возможно, искать убѣжища въ горахъ неприступныхъ, гдѣ жестокая человѣческая порча постигнуть не можетъ; ибо мы имѣемъ такую душу, которая весьма склонна къ тѣмъ безпорядкамъ, которыми свѣтъ преисполненъ. Все суета, часто повторяетъ разумной, которая, какъ въ страшнѣйшихъ уединеніяхъ, такъ и при многолюдныхъ дворахъ владѣніе свое учреждаетъ, съ той только отмѣной, что въ свѣтскомъ пагубномъ состояніи прелестямъ ея противиться не возможно.

Люди по разсужденію вездѣ равны; но въ великихъ городахъ сравненіе сіе весьма испорчено, въ разсужденіи великолѣпія однихъ и простоты другихъ людей; всѣ о этомъ вѣдаютъ, а наблюдаютъ только въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ.

Я въ Парижѣ встрѣтивъ знатнаго человѣка, ему кланяюсь; но онъ на меня и не смотритъ; увидясь же вторично съ нимъ въ отдаленномъ мѣстѣ, онъ напередъ снимаетъ передо мной шапку. Откудажъ эта глупая учтивость? Большель я человѣкъ въ полѣ, нежель въ городѣ? Нѣтъ, ни почему. Только онъ въ полѣ сложа съ себя пышную гордость, которая по его мнѣнію казалась его передъ другими превозносила, становится больше человѣкомъ, нежель каковъ онъ былъ прежде, измѣряя тогда

тогда меня по себѣ, почитаетъ меня своимъ равнымъ.

Завидую я щастію пустынника, которой съ свѣтомъ никакого обхожденія не имѣетъ, и которой больше уединенъ, нежель самая пустыня съ своими необитаемыми полями.

Горы, каменья, и лѣса составляютъ уединенное мѣсто, но это не уединеніе; я называю то уединеніемъ, чтобъ жить самому съ собою; уединеніе сіе можетъ быть и посреди мятежной городской жизни, такъ же, какъ и въ самыхъ пустыняхъ.

Подлиннымъ уединеніемъ называется то, чтобъ жить въ темной пещерѣ, въ товарищахъ имѣть дикихъ звѣрей, мѣсто позорища, пороги и быстрые ручьи, въ пищу употреблять не приготовленные коренья, упражняться въ трудахъ неусыпныхъ; наконецъ пребывать въ ужасной печальной тишинѣ, которая бъ выключая вытья отъ волковъ, и реву львовъ, ни чѣмъ не была нарушенна. Это только можетъ назваться нѣкоторымъ уединеніемъ, надобно знать ужиться самому съ собою такъ, какъ будтобы людей въ свѣтѣ больше не было, и будтобъ всегда одинъ жилъ на свѣтѣ.

Могутъ ли всѣ люди итти въ такое удаленіе, которое бы только вмѣстѣ съ жизнію ихъ окончалось? Нѣтъ: они имѣютъ

ютъ въ городахъ залоги, почему великую причину имѣютъ оттуда не удаляться; я довольно о томъ извѣстенъ, и то самое многимъ погибель нанести можетъ, а особливо, которые попорчены свѣтскимъ обхожденіемъ.

Естьлибъ я вознамѣрился опустошать города, тобъ и уединенія не было, пустыни большебъ населены были народомъ, нежель провинціи; а провинціи сдѣлались бы наконецъ настоящими пустынями. Будемъ лучше жить въ свѣтѣ, а учредимъ во внутренности нашей сіе столь нужное уединеніе.

ГЛАВА 5.

О придворной жизни и большихъ господахъ.

Статуя, представленная на публичномъ мѣстѣ, привлекаетъ глаза мимоходящихъ: удивляются ея наружности; но кто бы внутренность ея разсмотрѣлъ, нашелъ бы въ ней ужасную пустоту, такова есть пышность придворной жизни.

Я всегда себѣ говаривалъ, что при большихъ господахъ не можно сыскать своего щастія. Я же наибольше тѣмъ отвращенъ былъ отъ двора, что хорошія заслуги тамъ въ подозрѣніи, прилѣжность на-

награждена; за трудъ почитаютъ желать вамъ благополучія, съ холодностію васъ защищаютъ, зависть стремится на того, на кого тамъ хорошо взглянуть. Надобно претерпѣть жестокое уничтоженіе, склонну быть къ ласкательству, льстить самому слугѣ, оказывать ему свою покорность, благодарить его за отказъ. Я во всемъ томъ признаюся, но измѣнилъ бы самъ себѣ въ томъ, естьлибъ сказалъ, что я уже исцѣлился отъ той страсти, которую имѣлъ къ придворной жизни. Я изъ числа тѣхъ, которые думаютъ воздержаніемъ своимъ защититься отъ нападенія фортуны, а пока еще въ томъ не искусился, то думаю, что не обмануся.

Дворъ есть особливой свѣтъ, въ которомъ инако собою владѣютъ, нежели въ прочихъ мѣстахъ, придворные люди такъ съ нами не равны, какъ Антиподы.

Кто бы подумалъ, что въ четырехъ миляхъ отъ Парижа, совсѣмъ разные нравы, чувства и обычаи съ городскими?

Версалія и Парижъ конечно не въ одномъ климатѣ. Свойства людей тамъ весьма противны. Воздухъ одного мѣста заразителенъ, въ другомъ же почти совсѣмъ того не чувствуютъ, тамъ льстятъ, притворяются, употребляютъ коварства; а здѣсь откровенно, просто и искренно обходятся.

При-

Придворной вкусъ съ городскимъ не сходенъ, но не знаю, которой изъ нихъ лучше. При дворѣ въ тонкость разсуждаютъ, а въ городѣ основательнѣе заключаютъ: я только знаю то, что хорошо, ежели обѣ стороны похвалятъ.

Два оратора назначены говорить: одинъ передъ Королемъ Французскимъ; а другой предъ Аглинскими, первой ораторъ ожидалъ себѣ Епископства, а другой могъ заслужить Кардинальство: сей любимъ былъ въ Парижѣ, а не въ церкви, что ему весьма не нравилось! Тотъ же похваленъ былъ большими Господами, какъ онъ уже и отъ самого Короля той чести удостоился, увидѣлъ однакожъ въ одномъ Парижскомъ приходѣ, что въ церкви не много было людей, которые притомъ очень роптали. Ктожъ изъ сихъ двухъ скорѣе можетъ успокоиться? Конечно сей послѣдній, по тому что одобреніе придворныхъ льститъ больше нежель отъ народа происходящее, которой въ выборѣ причетниковъ никакого участія не имѣетъ.

Придворной человѣкъ, будучи въ городѣ, хвалилъ то, что въ городѣ любятъ, возвратясь же ко двору слѣдуетъ мнѣнію другихъ придворныхъ. Всякое мѣсто такъ какъ и всякой вѣкъ имѣютъ особливой свой вкусъ; худъ онъ, или хорошъ, но нада ему слѣдовать: въ какуюжъ чрезъ то вдаются отважность? Лучше слѣдовать общему мнѣнію.

Пред-

Представляютъ новую комедію, титулъ оной похваляютъ; кучами збираются на первое представленіе; многіе Принцы удостоиваютъ своимъ присутствіемъ; комедія почтена самой лучшей: удостоясь апробаціи придворныхъ людей, представляютъ ее въ Фонтенебло съ большею точностію, комедіи не удивляются, и она выходитъ изъ моды. Сіи порочащіе придворные суть тѣ же, которые прежде ее похваляли. Къ чемужъ приписать такое измѣнчивое разсужденіе? Я не столько прозорливъ, чтобъ о томъ показать справедливую причину, естьли не пожелаютъ принять прежнее мое доказательство, то есть, что всякой вѣкъ имѣетъ особливой свой обычай.

Покажите мнѣ такого человѣка, котораго бъ при дворѣ похваляли. Что здѣсь въ почтеніи, того тамъ не апробуютъ. Трагедія I... Тому примѣромъ. Я бы могъ объявить и множество другихъ представленій, которыя придворныхъ плѣняютъ, но не нравятся въ Парижѣ, и вкусы странно разнствуютъ между собою.

Мало чистосердечныхъ людей при дворѣ, чтобъ на мнѣ онаго не взыскивали. Естьлибъ всѣ тамъ христіански жили, не надобно бы искать другаго состоянія.

Дороги ко двору весьма стремительны, съ трудомъ на нихъ всходятъ, онижъ

такъ слизки, что легко свернуться съ нихъ можно.

При дворѣ надобно имѣть нѣкоторую твердость духа; милость Принцовъ съ насиліемъ снискивать можно, сердце ихъ для тѣхъ, которые имѣть его не желаютъ.

Милость замѣняетъ много дороги придворному человѣку, она предупреждаетъ въ немъ достоинство прилѣжности.

Нѣкоторой Архитекторъ именемъ Динократесъ всуе покушался дать знать о себѣ Александру. Но не могши сыскать ни малѣйшаго къ нему доступу, выдумалъ совсѣмъ особливое средство какъ ему показаться: увѣнчавъ голову пальмовыми вѣтьвми, помазавъ тѣло масломъ, на лѣвое плечо надѣлъ львиную кожу, въ правую руру взялъ дубину, и въ такомъ уборѣ представилъ себя Принцу; новое сіе позорище возбудило любопытство въ придворныхъ людяхъ, Александръ приказалъ его себѣ представить, выслушавъ его смѣялся, а потомъ удержалъ его при своей свитѣ. Я не смѣю объявить то, что я думаю; всякой хочетъ знаемъ быть Принцомъ, тѣ, которые прилѣпляются ко двору, имѣютъ такоежъ намѣреніе; число оныхъ столь велико, что нѣкоторые всегда назади остаются, сіи желая показать себя, во чтобъ имъ то ни стало: чтожъ они предпринимаютъ? Они послѣдуя Динократесу, преображаются по его примѣру, и стараются дой-

дойти до того большаго господина, котораго протекціи они ищутъ, и что они какъ храбрые бойцы защищать обѣщаются его интересы, и до какогобъ опыту ихъ ни довести, онибъ показали львиную храбрость, и Геркулесову силу. Естьлижъ сей примѣръ не покажется, хорошо естьли и выдумкѣ подивятся.

Алчность частныхъ людей такъ отважно приступаетъ къ Принцовымъ палатамъ, что имъ не будетъ время одуматься, кому и что они даютъ. Милости свои раздаютъ они на удачу, недостойные ихъ получаютъ, воздержнѣйшіе же никакого участія въ томъ не имѣютъ.

Двору нѣтъ убытку быть щедрымъ, тамъ награждаютъ однихъ имѣніемъ другаго.

Легкомысліе, съ которымъ большія люди все сдѣлать обѣщаютъ, не прославляетъ ихъ милосердіе; но болѣе оное порочитъ и умножаетъ зависть противъ тѣхъ, которые щедроты ихъ уже опыты имѣютъ.

Въ удивленіе насъ приводятъ сказывая, что есть такія зе́мли, гдѣ ночью то отправляютъ, что мы здѣсь днемъ дѣлаемъ. Дивимсяль мы, видя, что придворной человѣкъ не спитъ тогда, когда спятъ другіе, обѣдаетъ какъ другіе ужинаютъ, проигрываетъ наконецъ всѣ ночи, и въ дни ихъ превращаетъ?

Кажется, будто дни опредѣлены для одного подлаго народу, большіе господа любятъ такія веселости, которыми при сіяніи факалъ наслаждаются. Знатная госпожа пробужается въ полдни, только что успѣетъ въ пять часовъ одѣться, какъ комедія, балъ и игра по перемѣнамъ начнутся, спать ложатся въ четыре часа поутру. Не превращаетсяль тѣмъ свѣтской порядокъ, естьли спать тогда, какъ другіе трудятся? Кажется, что одни большіе къ такому развратту склонность имѣютъ.

Великости всѣ ищутъ, хотя съ разнымъ намѣреніемъ, одни то ищутъ въ разсужденіи великости самой, и любитъ ея по тому, что можно роскошно жить, что она имъ спокойствіе приноситъ: другіе домогаются ея въ разсужденіи власти: люди, которые любятъ быть въ обществѣ придворныхъ, и которые думаютъ показать себя, желаютъ, чтобъ къ нимъ прибѣгали, чтобъ думали объ нихъ, что они щастливыми могутъ дѣлать, и чтобъ ихъ о томъ всегда просили.

Большіе желаютъ, чтобъ часто къ нимъ ходили; ибо они сами точно тожъ исполняютъ: вы отъ нихъ ожидаете того, чего они отъ Короля ожидаютъ: не справедливоль то, чтобъ вы оное за такуюжъ цѣну купили?

Всякъ,

Всякъ, кто опредѣляется ко двору, долженъ лишаться своей вольности, больше нежели другой кто пошелъ въ подданство. Это такое мѣсто, гдѣ поступать нада по волѣ другихъ, и гдѣ не позволено слѣдовать собственнымъ своимъ прихотямъ. Тамъ обѣдаютъ какъ ужинать нада, а ужинаютъ тогда какъ спать ужѣ время: вставать надлежитъ рано, спать ложиться поздо, и все дѣлать по неволѣ. Такъ всегда при дворѣ велося. Состояніе простаго человѣка несравненно лучше, онъ самъ себѣ господинъ и повелитель, никто ему не противорѣчитъ, онъ никого къ себѣ не ждетъ, но его дожидаются, онъ говоритъ что ему пріятно, ему слѣдуютъ, ѣстъ онъ по охотѣ, и во всемъ имѣетъ свободу.

Ужасное рабство Принцовъ! Мы видимъ ихъ обладательми свѣта, мы почитаемъ ихъ вольными, но насильственныя страсти не совершенноль ими владѣютъ? Они народами самовластно повелѣваютъ, а гордости своей съ большимъ униженіемъ покоряются. Это Маріусы, которые арміями предводительствуютъ; онижъ и такіе Маріусы, которыми тщеславіе повелѣваетъ.

Какъ скоро мы прилѣпляемся къ особѣ знатныхъ людей, то ужѣ мы въ себѣ не властны, мы пропали. Намъ бы смѣяться хотѣлось; но этотъ знатной господинъ

динѢ не смѣется, то и грѣшно было бы противное дѣлать. Мы смертельную печаль имѣемѢ, сей же большой господинѢ совсѣмѢ того не чувствуетѢ, тогда благопристойность требуетѢ, чтобѢ мы громко хохотали; сколь велико это рабство!

Я весьма сожалѣю о состояніи тѣхѢ людей, которыхѢ корысть, политика или лесть принуждаютѢ показывать наружную веселость, когда внутреннее безпокойство ихѢ снѣдаетѢ. Сей комедіантѢ только что лишился любезной своей супруги, и долженѢ траурѢ свой снявѢ веселой роль играть предѢ всѣми, что конечно сѢ состояніемѢ его не согласно. Не новаяль эта причина кѢ печали? У сего придворнаго рѣшено дѣло не вѢ его пользу, отѢ чего зависѣло щастіе всей его фамиліи; но не взирая на эту печаль, ему надобно показывать веселое лицо. ТакихѢ-то людей надобно почитать нещастными вдвое.

При дворѣ до всѣхѢ нужда, иногда благосконность приворотника больше надобна, нежель милость его господина. ВсякѢ искалѢ вѢ домашнихѢ СеяновыхѢ, они вмѣстѣ сѢ нимѢ раздѣляли учтивости льстецовѢ.

ИзѢ наималѣйшихѢ людей могутѢ при дворѣ быть сильными друзьями, и большими непріятелями, иногда самой безсильной больше у Короля вѢ милости, нежели первой МинистрѢ.

Боль-

Большіе люди не по чинамъ въ довѣренность къ себѣ принимаютъ: они больше вѣрятъ простому человѣку, которой осторожно поступаетъ, нежели другимъ, которые то изъ корысти во зло употребить могутъ.

При дворѣ надобно унижаться предъ такими, которые намъ почтеніе дѣлать обязаны: кто не можетъ онаго исполнять, тотъ совсѣмъ ко двору не способенъ. И въ голубой лентѣ, да придворной человѣкъ, при случаѣ искать будетъ дружбы Камердинера, чтобъ доступъ имѣть до господина.

Въ сердцѣ придворныхъ людей рѣдко найдешь чувствительность: безпрестанная радость, въ которой они живутъ, вводитъ въ нихъ варварскую жестокость къ бѣднымъ.

Большіе люди теряютъ совсѣмъ человѣколюбивыя чувства къ другимъ людямъ; ибо они всю свою нѣжность для нихъ истощаютъ; они на страданіе людей смотрятъ съ такою холодностію, какъ будтобы они были несравнительны съ ихъ природой.

Вы великіе люди, земные боги, отцы народовъ! тотъ же законъ, которой повелѣваетъ намъ васъ почитать, обязываетъ и васъ, чтобъ насъ любили.

Ничто насъ больше не обязываетъ, какъ честность знатнаго господина, радуясь

его хорошему пріему, желалибъ мы одарить его сокровищемъ славы, чтобъ ему заплатить за ту учтивость, которую онъ охотно для насъ употребляетъ.

Довѣренное обхожденіе съ большими господами всегда опасно; надлежитъ милость ихъ снискивать почтеніемъ, а не инако.

Часто видѣться съ большимъ господиномъ, присутствіе наше его обезпокоитъ, прилѣжныя наши исканія его утруждаютъ: рѣдко его видѣть, онъ насъ забудетъ, и больше насъ не узна́етъ. Блаженъ тотъ, кто можетъ безъ того обойтися.

Хорошій успѣхъ важнаго предпріятія, не столь великую радость приноситъ знатному, какъ хитрость обезьяны, или наглость дурака, что ихъ несравненно болѣ увеселяетъ: разумныя слова и замысловатыя шутки, не много ихъ возбуждаютъ: отъ того ль что они не знаютъ наслаждаться хорошими вещами? или другая тому есть причина? А болѣе кажется оное происходитъ отъ того, что они возращены будучи въ большихъ веселостяхъ, сдѣлаются къ онымъ не чувствительными, и принуждены оныхъ искать въ бездѣлицахъ, которыя нравъ ихъ возбуждаютъ, и эта причина мнѣ кажется справедливѣе.

Придворные люди не знаютъ во что себя употреблять, но́ги и ру́ки ихъ только благо-

благопристойные, а не полезные члены, они ихъ для украшенія своего имѣютъ.

Правду вездѣ худо принимаютъ, а при дворѣ она въ омерзѣніи.

Искусство ласкать знатныхъ людей, такъ обыкновенно, что малые и не искусные люди то уже знаютъ.

Хотя знатные что и худо дѣлаютъ, токмо всегда они ко услугамъ своимъ имѣютъ стихотворцовъ и ораторовъ, которые кстати ихъ ласкаютъ, и при всѣхъ случаяхъ достоинства ихъ превозвышаютъ.

Знатныхъ людей столько ласкали, чтобы лести совсѣмъ надобно было истощиться, и ласкателю побѣжденнымъ признаться. Несумнѣнно ласкательство истощеновъ было еще при первыхъ Государяхъ, естьлибъ корыстолюбіе, которое никогда не истощается, не придавало новыхъ способовъ похвалять ихъ преемниковъ.

Я бы для одного хотѣлъ быть большимъ господиномъ, что тогда легко можно себѣ славу пріобрѣсть; высокія науки, остроуміе и хорошія достоинства, почти никакой славы не имѣютъ, когда они въ простомъ человѣкѣ.

Простой человѣкъ изъ знатныхъ большую выгоду имѣетъ: естьли онъ молчитъ, то похваляютъ его политику, а когда говоритъ, превозносятъ его разумъ.

Ста-

Станемъ избѣгать того, чтобъ не показать нашихъ хорошихъ качествъ при большомъ господинѣ; при семъ-то случаѣ надобно наблюдать совѣтъ разумнаго человѣка. Не надѣйся на свое остроуміе.

Сынъ мой, показывай себя малымъ человѣкомъ, говорилъ Парменіонъ Филоту, я только это наставленіе даю придворнымъ людямъ.

Твердость не свойственна Принцовымъ нравамъ; желаніе ихъ всегда волнуется.

Малыя вещи устрашаютъ виновныхъ вельможъ; они дрожатъ отъ малыхъ знаковъ, совѣсть ихъ заставляетъ ихъ оберегаться отъ наималѣйшихъ приключеній Надобноль для устрашенія ихъ, чтобъ небо огненнымъ показалось, илибъ громъ долго державшись ударилъ въ крышку ихъ дому, и разворилъ бы тамъ все то, что служило средствомъ ихъ тщеславія? Этого много. Пусть солнце на минуту лучи свои закроетъ? Архелай задрожитъ, увидя сіе затмѣніе, на которое и гораздо не смѣлые безъ страху бы смотрѣли, велитъ запирать двери въ своемъ домѣ, стричь волосы у своего сына, наконецъ уйдетъ безопасности своей искать въ подземельныхъ убѣжищахъ, какъ будтобы оныя отъ небесныхъ отмщеній не проницательны были.

Не-

Неповинной Принцъ на все смотритъ безъ страху; всего ожидаетъ съ великою непоколебимостію: злой Принцъ запутывается въ печальныхъ размышленіяхъ. Явленіе кометы, перемѣнной цвѣтъ въ мѣсяцѣ, откровеніе новой звѣзды, и стукъ отъ грому, будутъ для него злополучными предвѣщаніями; безпокоясь жестокимъ напамятованіемъ о сихъ непорядкахъ, повсечасно опасается, чтобъ не сожгла его громовая стрѣла.

Большимъ людямъ надлежало бы въ жизнь свою дѣлать то, чѣмъ бы ихъ послѣ смерти поминали; ибо время минуетъ.

Мы совѣтуемъ Принцамъ то, что имъ нравится, а не то, что имъ полезно. Мнѣ извѣстно, что политика имѣетъ свои границы. Боятся, чтобъ имъ не привесть себя въ ненависть, я не хулю эту предосторожность, но для чегожъ любимъ мы больше раболѣпствовать законамъ подлаго ласкательства, нежели разумно покорить себя правиламъ потребной добродѣтели.

Порокамъ подверженной Принцъ рѣдко въ совѣтъ свой призываетъ добродѣтельныхъ людей: онъ опасается, чтобъ ему не противорѣчили: а ежели онъ ихъ къ тому и допуститъ, то это для того, чтобъ предъ народомъ оправдать дерзновенныя свои предпріятія.

Короли, которые съ великой политикою поступаютъ, требуютъ совѣта не столь-

столько къ расположенію своихъ мѣръ, какъ, чтобъ спознать намѣренія своихъ Министровъ.

Ксерксесъ намѣрялся покорить Грецію въ свое подданство: льстецы всегда краснорѣчивые, не упустили случая увѣрять его о благополучіи его оружія. Демаратусъ праводушнѣе оныхъ увѣдомлялъ его, что сіи многочисленныя войски во вредъ ему будутъ. Но какъ совѣтъ льстецовъ перемогаетъ совѣтъ разумныхъ людей, Ксерксесъ пренебрегъ послѣднимъ; видя наконецъ худой успѣхъ оной войны, благодарилъ Демаратуса, что ему правду объявлялъ. Сколь много большіе люди сожалѣнія достойны, что такъ склонны къ ласкательству, и столь нерадѣтельны къ правдѣ! естьли любовь къ добру общему побуждаетъ нѣкоторыхъ людей объявить оную, совѣтовъ ихъ почти не слушаютъ, и никогда имъ не слѣдуютъ.

Принцы не любятъ такихъ людей, которые себя разумнѣе ихъ почитаютъ. Имъ надобно снисходительныхъ разумовъ, которые тщеславію ихъ потакаютъ. Они по тѣхъ поръ отвергаютъ совѣты хорошаго Министра, пока увидятъ безпорядокъ гордыхъ ихъ намѣреній, происшедшей отъ ихъ неразумія: безъ сего опыта, которой раскаиваться ихъ заставляетъ въ томъ, что они собственному своему разуму

уму послѣдовали, не признались бы они еще, что они заблуждались.

Лишеніе хорошаго совѣтника больше даетъ чувствовать пользу, которую въ немъ имѣли. Пока есть сія подпора, тогда думаютъ, что можно легко безъ нее обойтиться, лишившись же оной узнаютъ, сколь много была оная потребна. Августъ въ отчаяніе приходилъ, видя дочь свою въ роскошахъ непристойныхъ знатности ея природы, не могъ скрыть своей печали. А какъ не противился безчестному сему поношенію, то онъ публиковалъ безпорядочные поступки Юліи, не разсуждая, что онъ самъ себя безчестилъ: потомъ скоро онъ примѣтилъ свой проступокъ: объявляя такъ: мнѣ бы сего нещастія не послѣдовало, естьлибъ Меценасъ и Агриппа были живы.

Примемъ изъ поступка Августова второе правило. Отцамъ не надобно объявлять пороковъ дѣтей своихъ, но болѣе скрывать оные. Я на минуту даю имъ время раскаиваться отъ того, чтобъ они увеличили почувствованныя ихъ неудовольствія: какъ же скоро гнѣвъ обыкновенной ихъ умѣренности уступитъ мѣсто, сожалѣть они будутъ о томъ, что удовольствовали свои чувства къ помраченію собственной своей чести. Дѣтскіе безпорядки не причитаются ли нерадѣнію, худому примѣру родственниковъ, и недостаточному

воспитанію: будемъ дѣлать такъ, чтобъ они въ домѣ нашемъ тайно проходили; чтобъ и самая фамилія наша о томъ не спознала, дабы чрезъ то и по всему городу скоро не разнеслося. Что прибыли отцу своихъ дѣтей порочить, не себѣ ли онъ тѣмъ болѣе вреда наноситъ? Естьлижъ они чину или должности какой добиваться будутъ, то напоминаютъ имъ, какъ они прежде жили, расказываютъ имъ свидѣтельство отца ихъ, его жалобы, и исправленія: я отдаю на разсужденіе, не навсегда ли долженъ онъ раскаиваться о своей нескромности.

Я въ Августовыхъ рѣчахъ нахожу причину ко вторичному разсужденію. Принцы притворно хорошо о тѣхъ отзываются, которыхъ больше уже нѣтъ на свѣтѣ, дабы тѣмъ, которые служатъ, больше подать ревности къ подраженію. Политика такъ требуетъ, и опасно подданному показывать, какая въ немъ надобность, чтобъ онъ то во зло не употребилъ? Не знаючижъ какъ принимаются его услуги, старается онъ новыми покушеніями учинить службу свою пріятной. Вторажъ причина велитъ такъ поступать, что ни чѣмъ такъ не побуждается ревность придворнаго, какъ одобреніемъ чьего нибудь достоинства. Государь разумно поступаетъ, что о томъ не изъясняетъ.

Чтобъ

Чтобъ Государь ни сказалъ, но мы находимъ въ его отвѣтахъ такую силу, которая вдругъ насъ удивляетъ. Сей величественной видъ, которой въ разговорахъ ихъ блистаетъ, и сіи малыя слова сказанныя ими, много въ себѣ заключаютъ.

Только одно краснорѣчіе приличное къ величеству, которое простирается въ дѣйствіяхъ и въ самомъ молчаніи Принцовъ. Одно ихъ слово заключаетъ въ себѣ больше обыкновеннаго разговору. Все въ нихъ говоритъ, звукъ голоса, знакъ, уклоненіе тѣла. Въ нихъ есть благородныя чувства, которыя легко познаваются. Не чрезъ искусство преподаются правила такого удостовѣрія, но отъ природы, которая кажется словамъ Государей придаетъ столько важности и власти, сколько щастіе ихъ особѣ.

Исторія хранитъ точно всѣ Императорскія изреченія: она обязывается сообщать потомству какъ слова, такъ и дѣла ихъ. И мы также охотно сообщаемъ все то, что Цесари и Александры говорили и дѣлали. Ихъ славныя имена безпрестанно въ правилахъ нашихъ приходятъ; ибо дѣйствительно правила ихъ заключаютъ въ себѣ нѣчто такое превосходное, которое и самые Геройческіе разсудки плѣняетъ.

Въ возвышенномъ человѣкѣ требуются сверьхъ обыкновенныя добродѣтели, все должно соотвѣтствовать высокому его чи-

ну. Посредственная храбрость почитается въ немъ трусостью, обыкновенная чливость не прославляетъ его великодушнымъ.

Обладатели народовъ гораздо другую должность наблюдать имѣютъ, нежели прочіе люди. Что ограничиваетъ совершенство сихъ, чуть можетъ ли началомъ тѣхъ почесться. Ограниченныя качества отмѣняютъ простаго человѣка, но Принцъ не можетъ быть великъ, естьли не будетъ имѣть безконечныхъ добродѣтелей. Подданному прощаютъ нѣкоторые недостатки, по тому что онъ подданной: въ Королѣжъ ничего не извиняютъ, по тому что онъ Король: посредственная добродѣтель въ немъ за порокъ почтется.

Высокія достоинства требуютъ великой бережливости, дѣла въ оныхъ должны быть непорочныя, слова же какъ приговоры. Слово хотя нѣсколько пристрастное, не останется безъ осужденія, когда оное происходитъ изъ устъ такихъ людей, отъ которыхъ постоянныхъ и не поколебимыхъ разсужденій ожидали: не порядочное дѣло весьма безобразно представится глазамъ тѣхъ, которые примѣрамъ ихъ послѣдовать должны. Знатныя особы мало чувствуютъ сіи наставленія, а большая часть воображаютъ себѣ, что безпорядочная жизнь съ несовершенствомъ суть преимущества ихъ природы: быть же скромнымъ

мнымъ и совершеннымъ оставляютъ они попеченію простаго народа.

И не будучи въ знатномъ чинѣ, можно столькожъ пользоваться тѣмъ, что о знатныхъ объявлено, какъ и самимъ знатнымъ, до которыхъ оное больше касается. Честолюбіе какъ въ крайнихъ нещастіяхъ, такъ и на тронѣ Александровомъ не отступаетъ, и по тому наставленія, которыя кажутся до однихъ Принцовъ касаться, и подданнымъ не меньше пристойны.

(*Продолженіе Паскалевыхъ мнѣній.*)

ГЛАВА 6.

Разсужденія на нѣкоторыя выбранныя мѣста изъ Тацита.

Старость не всегда лишаетъ способности къ учиненію хорошаго выбора. Есть такіе старики, у которыхъ сила разума тѣмъ больше умножается, чѣмъ больше тѣло ихъ ослабѣваетъ. Галба принявъ въ усыновленіе Пизона, думалъ сдѣлать разумной выборъ. „ Когда узнаютъ, говорилъ онъ, „ что я принялъ въ усыновленіе, то боль„ше меня старикомъ почитать не будутъ.

Не надобно дѣлать новыхъ введеній при началѣ царствованія; поступайте такъ, ежели возможно, чтобъ думали, что вы ничего перемѣнять не хотите. Новое владѣніе во всемъ долженствуетъ сходствовать съ прежнимъ, естьли народъ онымъ былъ

доволенъ: я ко привлеченію общей благосклонности лучшаго секрета не знаю. Опасались, чтобъ Имперія Тиберію не досталась; главная причина состояла въ томъ, что онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ воспитанъ былъ въ царскихъ палатахъ, имѣя всѣ чести и великолѣпіе. Слабое воспитаніе приводитъ въ сластолюбіе, и трудно отвыкнуть отъ веселостей, безъ привычки къ труднымъ экзерциціямъ; и такъ вмѣсто отправленія государственныхъ дѣлъ, упражняются въ веселостяхъ и великолѣпіи.

Ничто такъ не возбуждаетъ гордость, какъ чести, которыя стараются оказывать Принцамъ. Они столько тѣмъ возгордятся, что уничтожать начнутъ. Щастливы тѣ, которые научаются воздерживать себя отъ сластолюбія нѣкоторою строгою жизнію, а отъ гордости ласковымъ обхожденіемъ! они заставляютъ желать себѣ долговременное правленіе.

Тацитъ примѣчаетъ, что первой поступокъ новаго владѣнія состоялъ въ томъ, чтобъ убить Агриппу. Какогожъ мнѣнія Римляне долженствовали быть о Тиберіи? При концѣ Августова царствованія наслаждались они безпримѣрнымъ милосердіемъ; при начальномъ же владѣніи новаго Императора увидѣли они примѣръ неслыханной жестокости. Августъ совершилъ свое царствованіе милосердыми дѣлами,

и

и великодушнымъ поступкомъ? Тиберій же началъ владѣть тираномъ, и не надѣялись, чтобъ свирѣпой нравъ его премѣнился. Худое о себѣ мнѣніе даютъ народу, не умѣя притворять худыхъ своихъ склонностей! Народъ не безъ причины опасался вступленія его на престолъ.

Какъ Центуріонъ въ намѣреніяхъ своихъ твердъ ни былъ, со всѣмъ тѣмъ трудно было ему убить Агриппу, хотя сей бѣдной Принцъ и ничѣмъ вооруженъ не былъ.

Являетъ всегда изъ лица не только у милосердыхъ, но и у жестокихъ Принцовъ: ибо надлежитъ почитать такихъ великихъ людей на землѣ, и власти ихъ повиноваться, хотя любить ихъ не возможно. И такъ являетъ, какъ предъявлялъ, такой въ нихъ видъ, которой поражаетъ того, ктобъ осмѣлился противъ жизни ихъ умыслить. Величество ихъ служитъ имъ къ оборонѣ, и самое безстрашное намѣреніе въ то время потрясется, виновной почувствуетъ страхъ, и вскорѣ придетъ въ отчаяніе, узнавши, сколь ужасно его преступленіе.

Центуріонъ пришелъ объявить, что онъ повелѣніе исполнилъ. Ужасное было сіе дѣло! но что не дѣлаютъ въ угожденіе Принцамъ? За честь поставляютъ получить ихъ довѣренность, добиваются той чести, чтобъ быть тайно избраннымъ въ

дѣлахъ ихъ жестокихъ. Этотъ Центуріонъ не помѣшкавъ пришелъ сказать, что онъ учинилъ смертоубивство, и показывалъ притомъ такой видъ, какъ будтобы онъ одержалъ славную побѣду, и тѣмъ удостоивался особливой милости Царской; но естьли грѣхъ такъ пріятенъ будетъ казаться, виновному надобно притти въ омерзѣніе. Тиберій, отъ котораго онъ ждалъ великаго награжденія, въ тотъ часъ ему отвѣчалъ, что онъ ему ничего не приказывалъ, и чтобъ Центуріонъ далъ въ томъ отчетъ Сенату.

Надобно примѣчать двѣ вещи; первое, что Королю необходимо надобно оправдать себя предъ всенародными глазами, а особливо при начатіи правленія. Самодержавная его власть не исключаетъ его отъ сей потребности, которая какъ къ должности, такъ и къ политикѣ весьма пристойна; а инако можно легко притти въ ненависть у своего народа. Во вторыхъ, весьма опасно вдругъ исполнять повелѣнія, которыя Принцъ въ гнѣвѣ своемъ опредѣляетъ; раскаяніе, приходящее всегда по худомъ дѣлѣ, производитъ въ Принцахъ то, что они въ отмщеніи своемъ полагаютъ вину на министра, и наказываютъ тѣхъ, которые ихъ на такія недостойныя снисхожденія побуждаютъ.

Тиберій притворно нáчалъ отправлять всѣ публичныя дѣлà чрезъ своихъ Консуловъ.

ловъ. Королю опасно показывать, что онъ, никого не слушая, одинъ править хочетъ. Нещастныя приключенія ему въ вину причтены будутъ; благополучіяжъ почитать будутъ, что пришли отъ щастія. Будутъ его остерегаться, и такъ какъ всенароднымъ мучителемъ почитать его станутъ.

Тиберій примѣчалъ по лицу и изъ словъ великихъ господъ, которые при немъ находились. Это не худое дѣло, что Принцъ разсматриваетъ физіогномію тѣхъ, которые говорятъ съ нимъ. Сіежъ самое долженствуетъ научать придворныхъ, чтобъ они показывали такой видъ, въ которомъ бы никакой перемѣны, такъ какъ, и въ словахъ никакой хитрости, обману и безполезности, примѣтить было не возможно.

Какъ Кесаря убили, всякъ говорилъ, что онъ Тиранъ былъ. Надобно было чѣмъ нибудь поправить убійцево преступленіе. Естьли случится какое нибудь нещастіе надъ великимъ человѣкомъ, то всякой съ завидости спѣшитъ примолвить, что онъ того былъ достоинъ; безъ этого какъ бы можно было оправдать тѣхъ, которые нещастіе его умышляли?

Что говорили послѣ Кесаревой смерти, можетъ быть въ жизнь его никогда того не упоминали. Льстецы не

такъ глупы; пока мы ихъ любимъ, то они тысячу добродѣтелей намъ приписуютъ, и нѣтъ тогда никакого въ насъ недостатка; какъ же скоро мы жизнь прекратили, то они первые позабудутъ тѣ хорошія качества, которымъ они столь многократно удивлялись, и склонятся прославлять съ прочими наши пороки.

Только тѣ, которые при большихъ господахъ находятся, могутъ совершенно знать подлинной ихъ характеръ; самижъ большіе господа за собою того не примѣтятъ. Кесарь не почиталъ себя тираномъ, а намъ сказываютъ, что онъ дѣйствительно таковъ былъ. Скажутъ послѣ и о тѣхъ, которыхъ теперь богами почитаютъ, что и они такіежъ несовершенные были люди.

Судьбина Кесарева долженствовала въ трепетъ приводить главныхъ людей правленія.

Какъ народъ не согласно разсуждаетъ, и какъ онъ непостоянен! Августъ не успѣлъ сомкнуть свои глаза; то и начали доискиваться, къ чему намѣренія дѣлъ его клонились. Нѣкоторые его винили, мало, которые его оправдали, всѣ почти его поносили, а наконецъ придаютъ ему божественныя чести. Согласитежъ этотъ поступокъ.

Какой ужасной притворъ имѣлъ Тиберій, и какое въ немъ было чрезвычайно

хитрое тщеславіе! Онъ похвалялъ Августа преизрядными словами: благодарность его къ тому побуждала, и собственной интересъ заставлялъ его то дѣлать; зналъ онъ, что нововступившему въ правленіе Принцу надлежитъ похвалять и своего предка, а наипаче, естьли оной любимъ былъ своимъ народомъ; внутренно жъ Тиберій совсѣмъ тому былъ противенъ: но что политика не дѣлаетъ? Онъ и народъ предупредилъ, будто онъ чувствуетъ въ себѣ недостатокъ къ управленію столь великой Имперіи; другаяжъ хитрость его притвору, что никто о себѣ не думаетъ, чтобъ не достоинъ былъ отправлять публичныя министерства; а естьли признаютъ, что они трудны, то это, чтобъ пріобрѣсть себѣ честь за прилагаемые въ томъ прилѣжные труды и точность.

Тиберій былъ человѣкъ искусной, въ томъ надлежитъ признаться: въ правленіе Августово имѣлъ онъ великое въ дѣлахъ участіе. Сіе искусство совершенно научаетъ; хорошіе таланты, чтобъ совершенно знать владѣть, пріобрѣтаются чрезъ долговременное ученіе, и чрезъ скорое дѣлъ отправленіе.

Никогда не давайте знать Принцу, что вы намѣренія его можете предвидѣть. Тацитъ объявляетъ, что всѣ Сенаторы равно опасались отгадать Тиберіево намѣреніе. Они безъ сомнѣнія знали, что скром-

ность его была притворна: ибо, чѣмъ больше отказывался онъ отъ владѣнія, тѣмъ больше Государемъ ему быть хотѣлось. Однакожъ они и притворно вѣрили, будто это была правда. Съ такимъ притворнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Тиберій, надобно быть и такимъ хитрымъ Министрамъ, какіе у него были.

Знаютъ ли, какъ опасно прогнѣвлять Принцовъ; ужѣ поздо будетъ показывать имъ свою преданность и раскаяніе, есть-ли они отмщать предпріимутъ: ничто ужъ намѣренія ихъ не перемѣнитъ. Тиберій не перемѣнилъ ужѣ ненависть, которую онъ имѣлъ противъ Азинія Галла; всуе искалъ ужѣ онъ умилосердить сего Государя своими похвалами. Разгнѣванной Императоръ не можетъ ужѣ обратиться.

Упрямой человѣкъ, которой сильно говорить можетъ, приводитъ въ чувство наисвирѣпѣйшіе разсудки. Блезусъ сказалъ только три слова взбунтовавшимся Римскимъ войскамъ, и непорядокъ въ тотъ же часъ утишился. Онъ имъ говорилъ такими словами: лучше обмочите руки ваши въ моей крови, и безгрѣшнѣй вамъ убить Генерала, нежели взбунтоваться противъ своего Государя; я укрочу васъ, естьли вы жива меня оставите, а вы будете раскаиваться, ежели меня убьете.

Безстрашіе въ подобномъ случаѣ могло быть безполезно, а надлежало тутъ

шутѢ говорить сѢ возбужденіемѢ, живностію, и великодушіемѢ. Но естьлибѢ Блезусѣ показалѢ вѢ себѣ страхѢ, бунтѢ сдѢлался бы жесточае; а какѢ онѢ оказалѢ себя такимѢ человѣкомѢ, которой совершенно владѣлѢ собою, которой, видя страхѢ, не ужасался, и которой чистое имѣлѢ усердіе кѢ службѣ своего Государя; то и надобно было показывать такимѢ войскамѢ, которыхѢ надлежало привести вѢ послушаніе и кѢ ихѢ должности.

Принцу надлежитѢ быть краснорѢчиву; хотя не такѢ много, какѢ оратору: лице его долженствуетѢ говорить всего больше. Надобно примѣчать изѢ глазѢ его то, что онѢ сказать, или дать знать желаетѢ. ДрузѢ не могѢ краснорѢчиво говорить; но вѢ приглашенныхѢ ассамблеяхѢ говаривалѢ онѢ сѢ такимѢ величавымѢ видомѢ, которой довольно давалѢ знать высокую его природу; это только и требуется отѢ знатнаго человѣка.

Труднѣе успокоивать такого человѣка, которой самѢ собою на васѢ прогнѣвается, нежели такого, которому вы подадите причину на васѢ сердиться. Первой дѣйствуетѢ сѢ предосторожностію, и старается показать, что онѢ отмстить вамѢ имѣетѢ причину; другой же напротивѢ того по принужденію васѢ будетѢ ненавидѣть, что можно весьма легко испровергнуть. Тиберій не праведно гнѣвался на Германикуса,

но простилъ ли онъ его? Августъ же будучи истинно огорченъ Цинною, но отказалъ ли онъ ему свою милость?

Къ Тиберію принесли вѣдомость, что Германикусъ надъ Германцами одержалъ побѣду; Императоръ радъ былъ, что бунтъ прекратился, но завидовалъ, что Германикусъ получилъ отъ того великую славу, и что онъ чивостію своею склонилъ къ себѣ всѣхъ солдатъ. Никогда Короли соперниковъ не любятъ. Завидуютъ они ихъ славѣ, и ненавидятъ тѣхъ, которые чести домогаются съ ними вмѣстѣ: хвала, которую воздаютъ подданному, Государямъ столь чувствительна, какъ будто бы ихъ чрезъ то явно пренебрегали. Трудно Генералу въ любовь притти солдатамъ, и не быть подозрительнымъ у своего Государя: не меньше же затрудненія и въ томъ, чтобъ служить Государю своему съ успѣхомъ, и чтобъ Государь почиталъ его совсѣмъ усернымъ и радѣтельнымъ къ своимъ интересамъ.

Августъ великую охоту показывалъ къ позорищамъ, въ угодность Меценату, которой любилъ Буфона Батиліуса. Примѣтимъ же теперь, какъ Августъ ласковъ былъ къ Меценату. Принцъ не всегда поступать будетъ по своей власти; иногда показываетъ онъ откровенность свою съ великодушіемъ. Законы дружбы могутъ ему столькожъ пріятны быть, какъ и всѣмъ лю-

людямъ. Мы обязаны имѣть великую благосклонность къ нашимъ пріятелямъ: онъ же сохранять будетъ своей дружбы законы такъ, чтобъ они еще драгоцѣннѣе были; онъ же совсѣмъ скупъ притомъ не будетъ.

Что скажемъ мы о Меценатѣ, которой любилъ Буфона? Самые большіе люди не имѣютъ ли такихъ же склонностей, которыхъ ниже извинить, ниже довольно осудить не можно. Необходимость, которую вліяла въ насъ натура, чтобъ въ чемъ нибудь упражнять наше сердце, влечетъ оное только къ бездѣлкамъ: такъ лучше, чтобъ такіе обѣкты впередъ шли нашей склонности, а онабъ въ предосужденіе славѣ нашей въ томъ не упражнялась.

Тацитъ говоритъ про Августа, что онъ не только не хотѣлъ непріятнымъ быть въ свое время, но почиталъ еще, что доброму Государю надобно мѣшаться въ народныя забавы. И это весьма справедливо. Народъ радуется видя Государя въ своихъ забавахъ; изъ того дѣлаютъ они хорошія заключенія, называютъ его ласковымъ и миролюбивымъ. Какое чувствуемъ мы удовольствіе, слыша, что Государь будетъ въ оперу или въ комедію? Веселость позорища не столько намъ чувствительна, а больше радуемся мы, удивляясь милости своего Государя, которой не почитаетъ недостойными себя такія

кія забавы, которыя для общества уготованы были.

Благородной, благополучной, и зависной поступокъ Германикуса! Я не прибавлю ничего къ тому, что о немъ говоритъ Историкъ; похвала его къ солдатамъ заключаетъ въ себѣ великое наставленіе. Ходилъ онъ осматривать раненыхъ, велѣлъ показывать себѣ ихъ раны, каждому изъ нихъ приписывалъ похвалу, по достоинству великаго дѣла; однихъ возбуждалъ честію, а другихъ прибыткомъ. Наконецъ ласкоюль словъ своихъ, или чрезъ прилагаемое о нихъ попеченіе, склонилъ онъ къ себѣ всѣхъ ихъ такъ сильно, что они всегда готовы были въ крайнія опасности съ нимъ вдаваться.

Есть много военныхъ Офицеровъ, которые въ этомъ описаніи себя узнаютъ.

Трудно было прощать того, которой обвиненъ былъ ругателемъ тѣла Варусова. Прочіе большіе люди драгоцѣнны намъ должны казаться; все, что споспѣшествуетъ къ ихъ сіянію, намъ должно быть пріятно. Они сильною своею рукою героями стали; славужъ свою получили они чрезъ просвѣщенной свой разумъ, и чрезъ великодушныя чувства своего сердца. Сей проницательной разумъ, и сіе героическое сердце хранятся въ ихъ тѣлѣ: будемъ ихъ почитать, такъ какъ почитали раззоренные славные храмы. Я не удивляюсь, что та-

такое великолѣпіе наблюдаютъ при похоронахъ славныхъ Государей; много имѣютъ обязательства попечительнымъ ихъ разсудкамъ, и успѣху ихъ премудрости, и для того-то отдаютъ тѣлу ихъ ту честь, которую скорая смерть имъ самимъ оказать не допустила.

Тиберій часто говаривалъ, что въ жизни ничего постояннаго не обрѣталось, и чѣмъ больше онъ превосходилъ, тѣмъ больше паденія своего опасался. Будучи такихъ мнѣній, и поступать совсѣмъ противнымъ образомъ такъ уже вошло въ обычай, что почти и дивиться тому не надобно.

Августъ прежде всѣхъ искоренилъ поносительныя пи́сьма въ законѣ своемъ о оскорбленіи величества, прогнѣвавшись на безуміе Кассіуса Севе́руса, которой письмами своими ругалъ славныхъ мужей и женщинъ. Надобно имѣть великую любовь къ своимъ подданнымъ, чтобъ почитать честь ихъ собственнымъ своимъ прибыткомъ. Въ благоучрежденномъ правленіи не надлежитъ терпѣть такихъ ругательныхъ людей, которые пріятно веселятся тѣмъ, чтобъ въ письмахъ своихъ поносить такихъ людей, отъ коихъ они нѣкоторыя оскорбленія получили. Надобно хвалить магистратскую строгость: чинъ ихъ повелѣваетъ сохранять всенародную славу. Пресѣкли они происхожденіе ругатель-

тельныхъ писемъ, которыя пущены были противъ наичестнѣйшихъ людей въ свѣтѣ; ибо то самое строгое запрещеніе сдѣлало, что оныхъ печатать не стали.

Сенаторъ Піусъ Авреліусъ просилъ помощи у Сената, чтобъ наградить его за то, что домъ его чрезъ строеніе главныхъ дорогъ и фонтанныхъ трубъ совсѣмъ разворился. Тиберій, которой искалъ показать свое великодушіе въ такихъ дѣлахъ, которыя честь ему приносили, (добродѣтель сію наблюдалъ онъ и послѣ того еще долго, хотя всѣхъ прочихъ лишился;) приказалъ Авреліусу возвратить, чего домъ его стоилъ. Чивость есть такая нужная добродѣтель Принцамъ, что совсѣмъ ихъ почитать не станутъ, естьли оной въ нихъ доставать не будетъ. А какъ объ нихъ разсуждаютъ только по благодѣяніямъ, которыя они являютъ: то и надобно имъ сохранять сію столь благородную склонность, дабы хорошо объ нихъ говорили.

Тиберіевъ поступокъ подаетъ мнѣ причину къ другому разсужденію. Великая несправедливость, естьли Принцъ жертвовать будетъ имѣніемъ своихъ подданныхъ высокомѣрному любопытству. Ахавъ былъ наказанъ, а Іезавель разорвана собаками за то, что наслѣдіе Нававово похитила. Это такіе примѣры, которые при семъ

семъ случаѣ въ довольное доказательство служить могутъ.

Тиберій не любилъ пороковъ, такъ же и чрезвычайныхъ добродѣтелей. Любя свою власть, опасался онъ великихъ людей; любяжъ свою славу и публичную честь, не могъ онъ терпѣть злыхъ и преступчивыхъ. Человѣкъ великаго достоинства, или совсѣмъ онаго лишенный, ко двору не годится. Излишняя и недостаточная добродѣтель, суть такія двѣ крайности, которыя придворнымъ очень вредны.

Великіе люди имѣютъ конечно въ себѣ нѣчто чрезвычайное: понеже страшны они кажутся и самимъ Тиранамъ. Худой Принцъ, сколько возможно, ихъ отъ себя удаляетъ, не надѣясь согласовать жестокія свои намѣренія съ совѣтами премудрыхъ. Тиберія справедливо называютъ самымъ притворнымъ человѣкомъ: ибо онъ отъ природы былъ золъ, а самъ такихъ людей ненавидѣлъ, и чрезъ то думалъ онъ, что всѣ несправедливыя и презрительнѣйшія его разсужденія приняты будутъ, по тому что о немъ были хорошаго мнѣнія.

Германикусъ за благо разсудилъ дать баталію, но не хотѣлъ прежде того исполнить, пока не узнаетъ, каковы къ нему были солдаты; вздумалъ онъ надѣть притворное платье, и какъ ночь наступила, (объявляетъ Тацитовъ переводчикъ) то надѣвъ онъ на себя звѣриную кожу и съ

о-

однимъ человѣмъ вышелъ потаенными дверьми. Слѣдовалъ онъ узкими и часовымъ незнакомыми дорогами къ улицамъ лагеря, и останавливаясь у всѣхъ палатокъ, веселился онъ своею славою, когда одни разсуждали о знатной его природѣ, и о хорошемъ видѣ, а другіе о несравненномъ его терпѣніи, учтивости, и о постоянномъ его разумѣ, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ веселіяхъ; однимъ словомъ, всѣ безъ изъятія признавались, что надобно съ усердіемъ слѣдовать за нимъ къ бою. Къ великой радости поводъ, когда Генералъ арміи самъ услышитъ такіе хорошіе о себѣ разговоры! Узнавъ, что солдаты почитаютъ, услыша отъ нихъ самихъ искреннее ихъ усердіе, почувствуя владѣть ихъ храбростію и опредѣлять ихъ жизнію: что не можно предпринять съ такими надежными залогами къ побѣдѣ?

Одинъ Германикусъ смѣло могъ удовольствовать свое любопытство; какъ онъ очень много любилъ солдатъ, то и ему можно было ожидать отъ нихъ усердія. Добро, которое онъ дѣлалъ, возвратно долженствовало и ему предвѣщать то же. Жестокой и нерадивой Генералъ не захотѣлъ бы спознать, какъ объ немъ разсуждаютъ; а опасался бы узнать непріятную о себѣ правду. Германикусъ напротивъ того этого не опасался, но съ надеждою спѣшилъ радоваться своею славою. Какіе бы

впредь

впредь похвалы ему не воздавали, оные конечно будутъ не лестны, солдаты для оказанія своего усердія по воли своей били ему въ ладоши: почтеніе ихъ стоитъ всей похвалы на свѣтѣ; оно можетъ утвердить все то, что о Германикусѣ хорошаго ни скажутъ.

Германикусъ на одной галерѣ прибылъ въ Коцкіе зе́мли, гдѣ день и ночь ѣздя по порогамъ искалъ пропадшаго своего флота. Почиталъ онъ себя во всемъ нещастіи виновнымъ, и столько о томъ крушился, что насилу пріятели могли удержать его отъ того, чтобъ и самъ онъ также въ морѣ потонуть могъ, какъ флотъ его. Храбрые люди не нечувствительны къ перемѣнѣ щастія. Германикусъ плакалъ не по слабости, или сожалѣя о какомъ нибудь богатствѣ, но слезы сіи лились въ отчаяніи отъ любви, которую онъ имѣлъ къ своимъ солдатамъ. Какъ было ему не отчаяваться? Въ арміи его убавилось столько героевъ, сколько отъ штурму людей у него пропало. Сколько солдатъ онъ потерялъ, столько похвалъ онъ лишился. Всѣ хорошо о немъ говорили, всѣми онъ былъ любимъ: можноль ему было безъ жалости такихъ людей лишаться, которые и въ бѣдахъ товарищами ему быть хотѣли?

Когда человѣкъ почитаетъ себя причиною нещастія тѣхъ людей, которыхъ

онЂ предводитЂ, тогда неутѣшенЂ онЂ становится; за щастіе тогда не почитаетЂ избѣжать приключившихся нещастій, но больше о томЂ то и печалится, что ему нещастія вмѣстѣ испытать не досталось. Можноль больше Германикуса имѣть воздержность? ИмператорЂ завидуя одержанной имЂ побѣдѣ, отозвалЂ его вЂ РимЂ, и далЂ ему Консульское достоинство, опасаясь того, что естьли онЂ совершитЂ его предпріятіе, то Тиберію никакой славы отЂ того не будетЂ. ГерманикусЂ же вЂ томЂ не противился, хотя зависть Принцову и примѣтилЂ, которой лишалЂ его совсѣмЂ пріобрѣтенной славы. Многаго не достаетЂ, чтобЂ большіе люди наблюдали эту безкорыстную политику. Они хотятЂ себѣ вЂ достоинство причесть всѣ хорошія предпріятія. Тѣ самые люди, которые совсѣмЂ вЂ дѣйствіи не были, дерзаютЂ разславлять, что и они вЂ дѣлѣ участіе имѣютЂ, дабы раздѣлить вмѣстѣ полученныя за то похвалу и награжденіе. Все, что бы такимЂ суетнымЂ людямЂ вЂ честь приписано ни было, не можетЂ ни чуть сравняться сЂ достоинствомЂ, которое по справедливости Германикусу приписать должно.

ЛибонЂ, которой обвиненЂ былЂ умышленникомЂ противЂ государства, не ожидая отЂ Тиберія никакой милости, прокололЂ себя шпагою вЂ двухЂ мѣстахЂ.

КакЂ

Какъ скоро Тиберій о томъ услышалъ, то божился, что хотябъ Либонъ и виноватъ былъ, онъ бы и тогда еще сталъ просить у Сената о его прощеніи; естьлибъ только онъ не поспѣшилъ своею смертію. Тираны ни во что вмѣняютъ учинить присягу; клятвопреступленіе сомнѣнія имъ не наводитъ.

Дивлюсь я Тиберіеву притвору. Желаетъ онъ честь себѣ нажить такимъ особливымъ милосердіемъ, которагобъ въ самомъ дѣлѣ конечно въ немъ не нашлося: Возможноль было ему простить такого человѣка, которой бы въ преступленіи уличенъ былъ, и котораго бы Сенатъ осудить былъ долженъ; да и безвиннѣйшіе отъ жестокости его не укрывались. Онъ имѣлъ такое пагубное искусство, что наилучшіе ихъ дѣла обращать могъ въ преступленія.

Пизонъ почувствуя нѣкоторую обиду отъ Сената, вышедъ оттуда съ нетерпѣливостію, говорилъ, что онъ уѣдетъ въ наиотдаленнѣйшее мѣсто. Тиберій же, по объявленію Тацитову, почувствовалъ отъ того великую въ себѣ перемѣну, и не преминулъ уговаривать Пизона ласковыми словами, созвавъ всѣхъ родственниковъ его, чтобъ и тѣ удержать его ему пособили. Чрезвычайное это дѣло! наижесточайшій человѣкъ ласкаетъ подданнаго, которагобъ онъ погубить могъ явно, наигордѣйшій

Кесарь унижается до того, чтобъ просить сродственниковъ Пизона. А какъ онъ былъ наипритворнѣйшій Принцъ на свѣтѣ, то и употреблялъ онъ все къ произведенію хитрости своей въ дѣйство. Научимся и мы отъ него не ускорять время къ отмщенію; сдѣлаемъ еще его больше. Онъ отлагалъ свой гнѣвъ, а мы оной совсѣмъ оставлять станемъ.

ГЛАВА 7.

О

Достоинствѣ.

Истинная добродѣтель къ людямъ доступу не имѣетъ. Точная сія посредственность, которая главнымъ въ томъ признакомъ, почти совсѣмъ имъ неизвѣстна. Во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ примѣчается или чрезмѣрность, или великой недостатокъ. Въ свѣтѣ настоящаго великодушія, искренной дружбы, умѣренной и безпорочной добродѣтели невидно. Тамъ льстятъ чрезмѣрно, увѣщаваютъ съ огорченіемъ. Одни расточительны, а другіе скупы; тотъ говоритъ о себѣ притворно, которой думаетъ, чтобъ онъ могъ тѣмъ поправиться, естьлибъ говорилъ о себѣ съ хулою. Другъ, котораго неблагодарностію упрекали, впадаетъ въ порокъ

рокѢ тѣхѢ, которые казались служить не щадя своей чести. ТотѢ, котораго усердіе поносили, весьма строгѢ становится; другой же, котораго жестокость не похваляли, дѣлается нерачительнымѢ; однимѢ словомѢ, здѣсь не знаютѢ, какова есть добродѣтель.

Много сказать, естьли только между нами найдутся полуразумные и полудобродѣтельные люди. Но и благополучнѣйшіе вѣки не производили еще совершенныхѢ людей на свѣтѢ. Всѣ же тѣ, которые вѢ древность разумными почитались, ужасные были лицемѣры.

ЧѣмѢ кончилось остроуміе Конотово? КакѢ далеко простиралась воздержность Діогена? Сей спрятавшись вѢ бочку, будто для того, чтобѢ закрыться отѢ людей, но сердце его преисполненно было тщетою, и больше еще, нежели у Александра, котораго онѢ пренебрегалѢ великую славу. Разумной КатонѢ могѢ ли быть таковымѢ, и имѣлѢ ли видѢ тотѢ, когда онѢ предалѢ самѢ себя смерти, чтобѢ только Кесаря не видѣть?

КакѢ несовершенно ни было достоинство лживыхѢ сихѢ остроумцовѢ, а мы не можемѢ онаго достигнуть. Но скажемѢ ли, что вѢ послѣдній сей вѣкѢ добродѣтель ужѣ дошла до своего совершенства. Самое подлинное достоинство по видимому имѣетѢ только нѣсколькоминутное блиста-

ніе, которое ослѣпивши насъ, и само померкаетъ.

Добродѣтели наши столь слабы, что бездѣлица перемѣнить и совсѣмъ испортить ихъ можетъ. Нынѣ разуменъ, а завтра за честь себѣ поставляетъ не быть тѣмъ больше. Пока человѣкъ живетъ, то и перемѣняется онъ безпрестанно; преходитъ какъ отъ пороковъ къ добродѣтели, такъ и отъ добродѣтели къ порокамъ.

Надобно смотрѣть, какъ люди умираютъ, говорилъ одинъ старичокъ, котораго, для разсмотренія достоинства двухъ великихъ людей, судьею учинили. Послѣднее дѣйствіе при концѣ нашей жизни, оправдаетъ насъ, или осуждаетъ; и небо по тому только насъ судитъ.

Начáло Неронова царствованія было весьма славно. Августъ нáчалъ владѣть мучителемъ, но въ послѣднихъ годахъ правленія своего оказывалъ онъ такое милосердіе, котораго отъ первыхъ его жестокостей надѣяться было не можно. Ктобъ подумалъ, что Неронъ отказавши подписать смертную казнь двухъ виновныхъ, не пощадилъ крови многихъ своихъ подданныхъ? Пролилъ онъ кровь своея матери, своего учителя, и тысячи прочихъ славныхъ людей. Ктобъ усомнился, видя Августа столь жестока, чтобъ Римъ и первыя главы отъ свирѣпства его укрылись? Чудная перемѣна. Онъ сдѣлалъ самъ себѣ за-

законы воздержности и милосердія; простилъ Цинну, сожалѣлъ о смерти Мецената, показывалъ особливую свою склонность къ Агриппѣ, любилъ своихъ подданныхъ, прилагалъ всѣ свои попеченія о республикѣ, и скончался милосердымъ Государемъ.

Добродѣтель заимствуетъ нѣчто отъ пригожихъ; ихъ и посредственное достоинство несравненно украшаетъ, и больше кажется, нежели превосходное достоинство другихъ людей. Вы бы сказали, что пригожія персоны и самой добродѣтели придаютъ блистаніе: напротивъ же того въ женщинахъ, не столь совершенныхъ, оная добродѣтель всегда нѣсколько сіянія своего теряетъ; она такъ смѣшна и погружена въ безконечныхъ непорядкахъ, что въ прелестяхъ и не возможно распознать ее въ точность.

Добродѣтель не дѣлаетъ чести, есть-ли она хорошимъ порядкомъ производима не будетъ. Надобно знать, какъ быть добродѣтельнымъ, и какъ къ тому быть удобнымъ.

Чтобъ узнать прелести добродѣтели, надлежитъ самому быть добродѣтельну. Оное познается изъ того, что хотя безпутные натурально въ томъ и нечувствительны, однакожъ рѣдко, чтобъ они на добродѣтельнаго человѣка безъ удивленія смотрѣли. Какъ они ни погружены въ безпорядкахъ со всѣмъ тѣмъ имъ жаль, что они хорошаго производить не могутъ.

Самые роскошные почитаютъ честна-
овѣка, противъ воли своей отдаютъ
праведливость, и внутренно показы-
ему то, что Саулъ объявлялъ да-
оворя: ты меня правдивѣе.
ланіе приводить себя въ совершен-
происходитъ больше отъ самолюбія,
отъ искренняго ко грѣхамъ омер-

съ тѣхъ поръ, какъ не по достоинству правителей надъ нами начали ставить, нѣтъ почти верховной власти, которая бы не пришла въ омерзѣніе. Тѣ, которые по отмѣнной природѣ и по милости публичныя власти отправляютъ, бываютъ обыкновенно жестоки; тѣ же, которые чрезъ щастіе или деньги надъ нами вознеслися, никогда воздержны не бываютъ.

Это стало, что ужъ не добродѣтель достоинство производитъ, или оное достоинство не почитается больше. Добраго человѣка утѣсняютъ, похвальныя его дѣла, такъ какъ самыя подлѣйшія преступленія, наказуютъ. Честность его, вмѣсто, чтобъ ему приносить знатные чины, отъ оныхъ его удаляетъ: безкорыстіе его наводитъ подозрѣніе, и всѣ попеченія его заставляютъ почитать его безпокойнымъ человѣкомъ.

То время миновалось, когда только остроуміе путь къ чести отверзало; врата къ щастію затворены достойнымъ людямъ,

дямъ, и они мерзятъ тѣми повышеніями, которыя только отъ пронырствъ и подлости зависятъ.

Честной человѣкъ ничего присовокупить себѣ не желаетъ, чѣмъ добродѣтелей своихъ нѣсколько убавитъ. Надменность попираетъ ногами остроуміе, честность и воздержаніе, и на ихъ паденіи возставляетъ свою пышность. Будь всякой честной человѣкъ тѣмъ успокоенъ, что грѣшныя дѣла временны, и время оное весьма кратко.

Видимъ человѣка до великихъ чиновъ достигшаго, а не спрашиваемъ его достоинствъ; можетъ быть, что онъ произошелъ только щастьемъ.

Достоистволь споспѣшествуетъ къ возвышенію? Нѣтъ: примѣръ многихъ людей доказываетъ въ противность, что они самымъ нечаяннымъ случаемъ то получаютъ. Многіе съ посредственными качествами великими людьми становятся; и не имѣя того труда, чтобъ оказывать чрезвычайныя заслуги, по одному только щастію слывутъ они людьми совершеннаго достоинства.

Достоинство безъ щастія служитъ только къ поруганію человѣка. Имена стихотворца, автора и ученаго человѣка, будутъ поругательными титлами, естьли не имѣть при оныхъ отмѣны, и жить въ подлости. Они честь дѣлали Сентъ-Аньяну,

господину Бюсси, и господину Принцу: тысячижъ другимъ людямъ давались они на смѣхъ и въ поношеніе.

Великіе люди ничего не производятъ, чтобъ имъ похвалы не наносило. Естьли въ нихъ достоинства доставать не будетъ, то лесть не оставитъ наградить въ нихъ этотъ недостатокъ.

Все говоритъ въ великихъ людяхъ, льстецъ объявляетъ, какое краснорѣчіе въ этомъ словѣ, сколько разума въ ономъ знакѣ, сколько силы при этомъ случаѣ, и какая учтивость въ оныхъ поступкахъ.

Мы въ нижнихъ чинахъ по нещастію многія дѣла отправляемъ, на которыя и не смотрятъ, и которыя совсѣмъ бы пропадали, естьлибъ добродѣтель сама себя не защищала Простой человѣкъ хотябъ наилучшихъ былъ качествъ, а изъ шляхетства и съ меньшими достоинствами всегда преимущество у него возметъ; на того совсѣмъ почти не смотрятъ, а сего наималѣйшія дѣла не пропускаютъ.

Большіе безъ стыда порочны. Критика умалчиваетъ о ихъ недостаткахъ. Они за то имѣютъ честь, чтобъ быть добродѣтельными. Лесть наималѣйшія ихъ качества хорошими красками изображаетъ. Какъ придворной милостину подастъ, добродѣтель его уже превознесется публичными похвалами; а о простомъ человѣкѣ, которой имѣніемъ своимъ гошпиталь со-

состроитъ, ни слова не скажутъ. Офицеръ знатной природы за дерзновенную отважность сравнивается съ героемъ, а солдатъ наихрабрѣйшій не отмѣняется отъ подлыхъ трусовъ.

Я сомнѣваюсь, чтобы можно было сыскать такое общее достоинство, съ которымъ бы равно блистать было можно во всѣхъ состояніяхъ. Тотъ отмѣняется въ громкихъ дѣлахъ, которой въ тишинѣ не могъ бы такъ оказать себя; а иной въ уединеніи сіяетъ, а отъ славныхъ негоціацій могъ бы помрачиться. Надобно держаться того состоянія, въ которомъ достоинство свое оказать можешь; отъ того и все зависитъ.

Въ героѣ половина достоинства изъ Физіогноміи и изъ глазъ блистать долженствуетъ; вся наружность должна нѣсколько показывать его добродѣтель. Наконецъ естьли здраво разсуждать о достоинствѣ, то и блистающихъ сихъ знаковъ не довольно.

Молодость и у самыхъ искуснѣйшихъ людей достоинство отнимаетъ. Въ молодаго Адвоката, Доктора, учителя, въ молодаго Совѣтника, наконецъ ко всѣмъ къ нимъ мало довѣренности имѣютъ.

Самое непорочное и отмѣннѣйшее достоинсто не всегда удачно бываетъ. Часто человѣкъ посредственнаго разума возбуждаетъ удивленіе; надобно случай, мину-

нуту, и еще сверьхъ того нѣчто такое, чего я въ отчаяніи не поминаю.

Тысяча человѣкъ посредственные качества имѣютъ, къ которымъ и не пристанетъ, естьли они рѣдкія въ себѣ достоинства показывать будутъ. Когдабъ простой человѣкъ старался быть тороватымъ противъ большаго господина, егобъ мотомъ называть стали; а естьли бы умѣрилъ онъ свою чливость, почиталибъ его тогда тороватымъ и услужливымъ человѣкомъ. Не прилично было бы гражданину оспоривать храбрость у дворянина, а политику у придворнаго человѣка, по тому что его хвастуномъ за то почитать будутъ. Не былъ бы онъ только бездѣльникомъ, и подлымъ человѣкомъ, то уже его почитать станутъ.

Посредственность, уменьшающая добродѣтель въ большихъ людяхъ, составляетъ наилучшее достоинство въ малыхъ людяхъ. Будьте посредственно тороваты, посредственно учтивы, и посредственно разумны; все съ вами хорошо происходить будетъ. Естьли вы верьхней конецъ мнѣ подадите, разумно сказывалъ господинъ Паскаль, я за него не примуся; естьлижъ нижней, и отъ того откажуся, вѣдая, что всякая крайность не похвальна, а надобно держаться средины.

По-

Посредственное достоинство вездѣ въ употребленіи, а чрезвычайное почти нигдѣ не годится.

Въ прежніе вѣки въ нѣкоихъ городахъ за грѣхъ почитали имѣть достоинство, и оное весьма было ненавистно.

Не станемъ притворно показывать въ достоинствѣ столько изрядства. Политика требуетъ, чтобъ похвалять вещи такъ, что они въ свое время и похулены быть могутъ; естьлижъ не такъ, то завистливымъ почитать станутъ.

Дивимся мы, что дѣти славныхъ людей не всегда бываютъ наслѣдниками того хорошаго качества, которое предковъ ихъ прославляло: но удивляемсяль мы, видя, что сынъ богатаго до крайней скудости доходитъ.

Хвастать тѣмъ, что имѣешь славныхъ предковъ, доказывать то старыми дипломами, въ томъ ли состоитъ достоинство? Кто мнѣ добродѣтелей своихъ не показываетъ, тотъ не привлечетъ моего къ себѣ почтенія. Будь разуменъ, великодушенъ, ненарушимъ въ своемъ словѣ, люби доброе, и будь только благороденъ: то я не премину оказать вамъ надлежащаго почтенія.

Орантъ человѣкъ повѣренной. Фамилія его въ славѣ, имѣетъ великое богатство, знатныя достоинства, всѣми любимъ и обожаемъ. Но разуменъ ли онъ

и добродѣтелен? Вы мнѣ ничего не отвѣчаете. А безъ того не почитаю я Оранта, котораго достоинство вы мнѣ такъ расхвалили.

Достоинство всегда почтено, хотя оно иногда и лишено бываетъ преимущества щастія. Интересъ къ щастію весьма споспѣшествуетъ: ибо оное и безъ достоинства пребывать тогда можетъ.

Смѣшно это достоинство! и конечно многіе весьма малое о томъ понятіе имѣютъ; ибо поставляютъ они его въ томъ, естьли кто хорошо танцуетъ, искусно рисуетъ, или кто умѣетъ наряжаться.

Свѣтское разсужденіе о достоинствѣ не очень важно. Ищутъ милости придворнаго человѣка, вѣдая, что онъ имѣетъ случай; а какъ онъ притомъ и богатъ, то безъ дальныхъ разсужденій заключаютъ, что тотъ человѣкъ и предостойной. Пусть будетъ такъ, хотя и не согласенъ я тому повѣрить: но по крайней мѣрѣ надлежитъ признаться, что оное достоинство не можетъ назваться персональнымъ.

Судья, которой скоро до себя допускаетъ; Офицеръ, которой никакихъ наглыхъ насильствъ не дѣлаетъ; и купецъ, которой платитъ безъ отсрочки, почитаются за достойныхъ. Я бы вашегожъ былъ мнѣнія, естьлибъ вы согласились сказать, что они половину только достоинства имѣютъ. Покажите мнѣ, чтобъ судья справедливъ былъ

въ

въ своемъ рѣшеніи, Офицеръ совѣстенъ, а купецъ праводушенъ; тогда я вамъ повѣрю.

Видя грубаго, или неблагодарнаго человѣка, говорятъ, что онъ безчестной; это не ложно. Пусть же увидятъ другаго, которой всю жизнь свою препроводитъ въ игрѣ, пагубное имѣетъ обхожденіе съ женщинами, и которой потаенныя производитъ интриги; усомнятсяль назвать его: человѣкъ честной.

Что нынѣ называютъ, человѣкъ честной, то весьма мало разнится отъ того, что самые честные люди называютъ, бездѣльникъ. Кленоръ сказывалъ своимъ пріятелямъ, что Ликасъ пособилъ ему въ нѣкоторой ссорѣ, и что онъ получилъ обѣщанныя сто пистолей, да и не давно еще искусствомъ его пріобрѣлъ пятьдесятъ луидоровъ. Чтожъ друзья его отвѣчали? Ликасъ человѣкъ честной; а я ихъ спрашивалъ, чтобъ можно еще Ликасу сдѣлать, дабы ужъ могъ онъ назваться совершенной бездѣльникъ. Вы говорите это хорошо, что онъ услужилъ Кленору: но не лучшель бы это было, естьлибъ онъ помирилъ поссорившихся сихъ двухъ пріятелей? Почитаете вы великодушіемъ, что онъ сдержалъ свое слово: но честноль это было? Развѣ вы ни во что вмѣняете не справедливое сіе похищеніе? Онъ сдѣлалъ, что Кленоръ досталъ пятьдесятъ луидоровъ, которой бы

столь-

столько не получилъ, естьлибъ и съ другой стороны нашелся такойже обманщикъ, какъ Ликасъ? Со всѣмъ тѣмъ это Ликаса называютъ, человѣкъ честной.

Я худаго мнѣнія о тѣхъ людяхъ, которыхъ симъ титуломъ удостоиваютъ. Рѣдко оное приписуютъ настоящему честному человѣку.

Изидоръ не усомнится сдѣлать несправедливость, а онъ человѣкъ честной. Лучше сдѣлаютъ, естьли его еще и добрымъ человѣкомъ называть станутъ.

Придворные люди предпочитаютъ такого человѣка доброму человѣку, по тому что они нѣкоторое хорошее мнѣніе о немъ имѣютъ, и почитаютъ оное больше истиннаго достоинства, которое имъ не извѣстно.

Мнѣ сказывали объ одномъ напольномъ Капитанѣ, что въ немъ есть всѣ качества честнаго человѣка. Но не много потребно мнѣ было времени разсмотрѣть его свойства. Достоинство его состояло только въ томъ, чтобъ согрѣшать, злословить, ко всему божиться, оказывая притомъ готовность своихъ услугъ съ ужасною клятвою, наконецъ будучи совсѣмъ безчестенъ, слыветъ честнымъ человѣкомъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

О Славѣ.

Иногда великая слава столько опасна, что лучшеѣ ее совсѣмѣ не имѣть. Она бываетѣ подозрительна, и зависть во всемѣ ее помрачаетѣ.

Надобно отѣ часу больше возвышаться, а эта и самая бѣда, когда притомѣ имѣешь имя знатнаго человѣка.

Одинѣ искусной живописецѣ сдѣлалѣ хорошую картину. Знающіе оной удивлялись. Онѣ сдѣлалѣ и другую одной доброты сѣ прежней. Безѣ сомнѣнія она ужѣ не такѣ хороша показалась: ибо послѣ такого хорошаго начáла думали видѣть что нибудь получше.

Трудно хранить великую славу, и та самая трудность пріумножаетѣ больше опасности. Народѣ, завидуя вашимѣ успѣхамѣ, потребуетѣ отѣ васѣ больше, нежели вы оказать вѣ состояніи. Естьлижѣ вы не будете соотвѣтствовать его надеждѣ, то онѣ лишитѣ васѣ своего одобренія.

Будемѣ довольствоваться посредственною славою. Число одобрителей будетѣ правда не велико, а хулителей и того меньше. Для насѣ сего и много. Чрезвычайнаго ничего отѣ насѣ ждать не будутѣ, только бы мы нѣчто являли, то общая надежда удовольствована тогда будетѣ, и симѣ средствомѣ вѣрно угодить можно.

Цицеронъ говаривалъ: я бы лучше хотѣлъ заблуждаться съ Платономъ, нежели истинну обрѣтать съ другими Философами. Такъ и мнѣ говорить, что славнѣе погрѣшать съ большимъ человѣкомъ, нежели добро дѣлать смотря на посредственнаго человѣка! Выключая нравоученія, вездѣ необходимо надобно соглашаться въ ономъ. Славной Архитекторъ обманится; а естьли другой сдѣлаетъ по его манеру, то ему больше удивляться будутъ, нежели когдабъ онъ по собственному своему разсужденію дѣлалъ. Ошибку его почтутъ за разумную хитрость. Напротивъ же того, естьлибъ онъ слѣдовалъ правиламъ въ самую точность, тобъ почли, что оной никакой смѣлости не имѣетъ.

Придворной въ жизнь свою сдѣлавши два мадригала, а свѣтская женщина написавъ любовное похожденіе своей подружки, и мѣсто съ учеными людьми взяли. А слава разумнаго человѣка совсѣмъ бы тѣмъ помрачилась.

Думать, что честь сію отъ природы своей имѣешь, или, что незнающій народъ по легкомыслію своему оное тебѣ приписуетъ, этого еще не довольно, чтобъ себя въ томъ увѣрить, не видавши никогда, чтобъ знатной человѣкъ унизился и при-

бѣ-

бѣгнулъ (*) къ Музамъ. Удивляются тогда его раченію, и ктобъ не ударилъ въ такомъ случаѣ ему въ ладоши? То-то разумной человѣкъ, говоритъ народъ предупрежденной; въ виршахъ его такая хитрость, которой простые авторы еще не разумѣли. Правда, присовокупляютъ къ тому, что при дворѣ все искусство! И такъ хотябъ наилучшей книгѣ такое было удивленіе.

Простота и предупрежденіе великое имѣютъ участіе въ плесканіяхъ, которыя совершаются въ честь знатнымъ людямъ. Самыя ихъ бездѣлки называютъ остроумными производствами, а не столь знатному автору за самое мастерское краснорѣчіе этого титула не припишутъ.

Меньшій сынъ изъ фамиліи, будучи новымъ Игуменомъ, приглашенъ сказывать проповѣдь для повышенія своего въ Епископы: словамъ его удивляются. Не видно въ другихъ, вскричалъ прельщенной слушатель, такихъ хорошихъ манеровъ, таковаго придворнаго виду, такого нѣжнаго нравоученія, и такихъ хорошихъ мыслей. Молодой Шталмейстеръ вздумалъ написать трагедію. Ахъ! какая прелестная вещь, повторяетъ сто разъ смотритель, какой новой замыселъ, какія зависныя сцены, и какое порядочное расположеніе.

(*) Богини наукъ.

Естьлибѣ другой кто, а не этотъ Игуменъ сказывалъ то же казанье, тобѣ стали негодовать на строгія правила, на непорядокъ словѣ, и на то, какъ онѣ говорилъ. Но вѣдавѣ, что онѣ будетъ завтра Епископомъ, то и критика въ такомъ случаѣ умалчиваетъ. Театральнаяжъ сія штука, естьлибѣ вышла отъ другаго Автора, тобѣ весь партерѣ ему смѣялся; а какѣ оную дѣлалъ Фаворитъ Принцесинѣ, то ее и похваляютъ.

Будучи въ славѣ, не надобно не радѣть о хорошемъ своемъ имени. Эта великая отважность, естьли сверьхъ силъ понятія своего думать.

Ко исправленію порочныхъ людей, надобно ко всякому пороку пріобщать нѣкоторое посмѣяніе. А какѣ люди гораздо любятъ свою честь, то не захотятъ быть въ посмѣяніи. Множество своевольныхъ хвастаютъ своимъ заблужденіемъ. Но онибѣ то конечно оставили, естьлибѣ увѣрены были, что ихъ больше за то похвалятъ, когда они лучше поступать будутъ.

То, что насъ къ хорошему побуждаетъ, то самое иногда и достоинства, насъ лишаетъ. Слѣдуемъ мы добродѣтели, прельщаясь на похвалу, и эта любовь къ похвалѣ истребляетъ изъ насъ достоинство добродѣтели.

Слава и достоинство не такъ много межъ собою согласны, какъ мы думаемъ.

На

На одного человѣка смотрятъ съ прилѣжаніемъ, а въ немъ нѣтъ никакой добродѣтели; другой же преисполненъ хорошими качествами, но оставленъ жить въ безъизвѣстномъ состояніи без всякой славы.

Желать славы, есть страсть людей достойныхъ, а тщеславіе свойственно несмысленнымъ людямъ.

Кто почтенія людей не ищетъ, тотъ почитается нерадивымъ, а кто его ищетъ, того гордымъ подозрѣваютъ. Тотъ же великихъ трудовъ избавляется, которой похвалу превосходитъ. Кто не старается ее наживать, тотъ не имѣетъ чести. Трудныя крайности! Лучшее правило, не присвоивать себѣ славы.

Отъ единой вещи зависитъ часто наша слава. Одна храбрая поступка многихъ титуловъ храбрости удостоивала, отъ одного неудачливаго случая многіе въ вѣкъ дерзновенными прослывали. Такъ-то трудно искоренять первоначальныя воображенія.

Украшенную похвалу не откидываютъ, какогобъ кто чрезвычайнаго воздержанія ни былъ.

Ничто достойнаго человѣка столько не прельщаетъ, какъ похвала тѣхъ людей которые лучше отмѣнять его умѣютъ, а дуракъ всякому себя хвалить дозволяетъ. Съ которой бы стороны фиміамъ ему ни возжигали, все ему кажется, что онъ хо-

рошо пахнетъ. Безъ разбору похвалу онъ принимаетъ отъ льстеца и отъ дурака: кажется всякая похвала ему кстати.

Битье въ ладоши худаго знатока достойнымъ людямъ не годится. Имъ надобно разумно-справедливыя похвалы; а другая всякая похвала ихъ безчеститъ, и всякое иное почтеніе имъ вредно.

Я и не спрашиваю, для чего Епаминондъ столько для одного славнаго музыканта обстоятельства свои перемѣнять могъ. Александръ причину имѣлъ одному Апеллесу велѣть нарисовать портретъ свой. Нѣжность такую однимъ героямъ имѣть прилично.

Въ нашемъ вѣкѣ весьма много хулятъ того, кто затрудненіе дѣлаетъ въ принятіи себѣ похвалы. Тщеславіе такъ вывело всѣхъ изъ сомнѣнія, что лестною славою довольствуются также хорошо, какъ и самой справедливой.

Вы найдете многихъ людей, которые хвалятъ по предупрежденію, не меньше же увидите и такихъ, которые хулятъ по зависти. Никто не хочетъ приложить труда, признавать достоинство, и усмотрѣть недостатки. Довольно, что ссылаются на первыя разсужденія. Такіе хвалители и хулители подобны эхамъ. Я думаю, что я имѣю хорошія качества, разсуждаетъ нѣкто. И мы думаемъ также, перегоговариваютъ другіе. Я хулю, объявляетъ по-

ри-

рицатель, сдѣлавшись въ компаніи главнымъ: и мы также хулимъ, переговариваютъ прочіе. Естьли хорошенько разсмотрѣть сіе дѣло, то изъ всѣхъ, кои такъ рѣшатъ, чуть сыщутся ли два человѣка, которые бы знали причину своего рѣшенія; прочіежъ конечно того не смыслятъ. И такъ въ свѣтѣ есть партія хулителей и партія хвалителей, и такіе судьи ходятъ вмѣстѣ плутонгами.

Ково три разумные человѣка похвалятъ, тотъ больше долженъ быть доволенъ, нежели тотъ, кому множество въ ладоши ударятъ, а для чего, и сами не знаютъ.

Лишите самаго достойнаго человѣка случая пріобрѣсть себѣ честь; или дайте ему наилучшій случай снискать себѣ славное имя, да лишите его чести, которой онъ отъ васъ ожидалъ, такъ какъ отъ свидѣтеля великихъ дѣлъ своихъ; онъ въ тотъ часъ честолюбіе свое потеряетъ, или уже гораздо слабо справляться будетъ.

Хотябъ Короля тысяча человѣкъ хвалили, да одинъ бы хулить его сталъ, хула сего послѣдняго больше бы его огорчала, нежели удивленіе прочихъ было бы ему пріятно. Аманъ гораздо обезчещеннымъ себя почиталъ тѣмъ, что одинъ Мардохей не приклонилъ ему своихъ колѣнъ. Позабылъ онъ тогда все почтеніе, которое

пріобрѣлъ онъ себѣ отъ подданства цѣлаго народа.

Я не думаю, чтобъ кто нибудь съ досады не принималъ похвалы отъ тѣхъ и отъ другихъ; ибо всѣ желаютъ нравиться цѣлому свѣту.

Ученымъ людямъ моя книга понравилась, говоритъ Полидоръ, а что глупые люди ее пренебрегаютъ, мнѣ нѣтъ въ томъ нужды. По этому хвастовству признаю я, что Полидору не противна была бы похвала и глупыхъ людей: ибо хотя нѣтъ въ томъ никакой славы, однакожъ пріятно, когда всѣ хвалятъ.

Похвала дурака не много стоитъ: я въ томъ признаюся; однакожъ она не можетъ быть противна, когда помощію искусныхъ людей предупреждена она будетъ.

Явно отметать похвалу несмысленаго человѣка, это пренебреженіе. Хвастать же, что ученые люди хвалятъ, то будетъ гордость. И по тому надобно брать посредственность.

Есть люди, которые всему дивятся; напротивъ же того другимъ ничто не въ диковинку. Малые труды заслуживаютъ у первыхъ честь и достоинство самыхъ хорошихъ произведеній. Лучшіяжъ вещи, напротивъ того по разсужденію другихъ пріобрѣтаютъ себѣ только слабую похвалу.

Хороша эта привычка, чтобъ не дѣлать притворной похвалы, а и лучше, еже-

ли

ли молчать о томъ, что никакой хвалы не заслуживаетъ. Поскорѣе можно обмануться въ похвалѣ, нежели въ непохваленіи. Хвала почти всегда совокуплена съ ласкательствомъ, молчаніежъ иногда и въ хорошее почтено быть можетъ.

Глупые бьютъ всему въ ладоши, разумныежъ временемъ похваляютъ; хвалятъ только то, что хвалы достойно, и берегутъ свою хвалу, чтобъ воздавать ее съ воздержаніемъ.

Кто удивляется безмѣрно, и кто порочитъ безпрестанно, тѣхъ я не похваляю. Надобно удивляться и порочить во время, непристойной хулы и хвалы больше надобно убѣгать, нежели мы думаемъ.

Кто очень много похвалы захочетъ, тотъ всегда сдѣлается завидливъ, и никто его хвалить не будетъ. Что вы лучше хотите, не много похвалену быть всѣми, или много нѣкоторыми людьми? Не знаю, не противноль будетъ мнѣ тщеславіе? Мнѣ кажется, что общая слава всего пріятнѣе. Здѣсь противъ перваго моего мнѣнія я согласуюсь съ Плиніемъ, которой объявляетъ, что великіе люди предпочитаютъ сію маленькую общую похвалу той великой, которая отъ не большаго числа хвалителей приписывана бываетъ.

ГЛАВА 9.

О

Модѣ.

Для себяль одѣваются? Никакъ нѣтъ. Мода мучитъ нашу склонность, принуждаетъ нашъ вкусъ, и покоряетъ его сообразоваться съ прочими.

Каковабъ противна ни была нѣкоторая вещь; да какъ скоро она вошла въ моду, то стала ужъ она и хороша. Все, что не по модѣ, кажется безъ всякой пріятности, и обыкновенно то отметаютъ.

Самыя наилучшія вещи становятся худыми, какъ скоро они выдутъ изъ моды. Новая простота лучше принимается, нежели старинное великолѣпіе.

Мода не въ томъ только состоитъ, чтобъ вымышлять новые наряды, но надобно, чтобъ разумъ у Француза былъ неистощимымъ. Какъ же оной весьма перемѣнчивъ, то и безпрестанно новые обычаи вводитъ, и оное называютъ модой.

Глупые люди вводятъ моды, а разумные не показываютъ, чтобъ они онымъ сопротивлялись.

Какъ бы нѣкоторыя моды глупы ни были, только и того будетъ глупѣе, естьли оныхъ убѣгать станешь.

Возможноль подумать, чтобъ мода человѣку достоинство придавала? Гасконца

по

по старинному одѣтаго въ Тюльлери не пустятъ; а петиметръ, подражающій новымъ вкусамъ, вездѣ хорошо принятъ.

Перемѣна въ модахъ дѣлаетъ великую прибыль коммерціи.

Кто не старается инако жить, какъ по модѣ, тотъ долженъ принимать частыя перемѣны.

Развѣ мода гораздо основана и введена, то оной сообразоваться надобно, а инако тому слѣдовать глупо.

Мода тогда проходитъ, когда простой народъ слѣдовать оной имѣетъ случай.

Всякая земля имѣетъ моды; всякой вѣкъ имѣетъ же особливыя свои моды, и всякой человѣкъ любимыя свои моды имѣетъ; да естьли можно сказать, и самыя моды имѣютъ свои моды.

Булонскія собачки были въ модѣ; съ момсиковъ честь спа́ла; борзыхъ маленькихъ собакъ госпожи любить начинаютъ; скоро они большихъ кудрявыхъ собакъ съ собою въ каретy сажать станутъ; и противорѣчить тому нѣчего, когда мода на то придетъ.

Есть модныя слова́, есть и манеръ писать по модѣ. Ѳеофилъ былъ остроумной человѣкъ въ свое время: труды его еще и понынѣ таковыжъ, каковы они прежде были. Мода пришла удивляться другой вещи. Балзакъ въ свое время въ великой былъ славѣ, но по модѣ сдѣлалось, что

естьли кто скажетъ: говоритъ Балзакомъ, то оное значило говорить худо; а нынѣ въ моду вошло писать Балзакомъ, то есть, писать внятно и краснорѣчиво.

Что я теперь пишу, оное дѣлаю можетъ быть по модѣ; а случиться можетъ, что оное и опротивѣетъ прежде, нежели совсѣмъ изъ печати выйдетъ.

Въ началѣ сего вѣка говорили страннымъ манеромъ, изъяснялись на удачу, гордо о себѣ объявляли. Упрямство, сбродныя мысли, и любовь къ новостямъ давали теченіе непорядочнымъ словамъ. Темные разговоры принуждали думать; разговорамъ придворныхъ послѣдовать хотѣли и городскіе люди; выраженія сихъ весьма казались нерадѣтельны, публично раздѣлялись на обычаи и на правило, на выговоръ и на хорошій вкусъ. Иная рѣчь употреблялася на катедрѣ, которую бы только въ судѣ употреблять прилично было. А иная въ простыхъ разговорахъ, которую бы только для красы употреблять надлежало. Казнодѣй перенимая у адвоката, адвокатъ хвастая священнаго ритора словами, и такъ судебное дѣло пространствомъ своимъ сдѣлается проповѣдью, проповѣдь же непріятнымъ смѣшеніемъ будетъ изображать подлыя сравненія, непристойныя изображенія и безполезныя правила; такіе мнимо-политичные люди оставя натуральное, за тѣмъ, что оно гораздо въ обыкновеніи, изъ-

изъясняются пышностію словъ, которыя и въ публичныхъ рѣчахъ чуть могутъ ли быть сносны; все и то уже не въ модѣ, любятъ простоту; чтожъ отъ оной хоть не много отдалено, то не въ употребленіи; можетъ быть, что я не по новому приду вкусу, что не пишу новѣйшимъ манеромъ; а теперь по модѣ изъяснять себя по новоманерному: въ старинужъ остроумные люди простоту въ рѣчахъ своихъ наблюдали.

Сколько теперь такихъ вещей, къ совершенной красотѣ, которыхъ недостаетъ только одной модной аппробаціи.

Безъ сего слѣпаго подобострастія къ модамъ, языкъ бы нашъ украшенъ былъ многими хорошими словами, которыхъ теперь употреблять не смѣютъ, хотя они и съ правилами сходны. Обычай ихъ истребилъ; а хорошо, естьлибъ мода опять ихъ возстановила.

Ты, Гермадоръ, хочешь издать въ свѣтъ книгу; сколькожъ хулителей противъ тебя возстанутъ! Спросятъ у тебя о причинѣ твоихъ мнѣній, твоего слога и твоихъ словъ; уже и говорятъ, что это слово годилось бы только употреблять въ разговорахъ, а это въ краснорѣчіи, сіежъ очень въ употребленіи, а это послѣднее совсѣмъ не въ употребленіи; и такъ пиши по модѣ, или совсѣмъ въ то не мѣшайся.

Здра-

Здравый разсудокъ только разумныя изданія утѣсняетъ. Мода одна разрѣшать ихъ можетъ.

Нѣтъ ли модныхъ мнѣній? Писали о Философическомъ грѣхѣ, дѣлали возраженіе на комедію, порочили ложно вѣрующихъ, и вѣкъ новыхъ мнѣній выдавать не перестанутъ.

Самые пороки и добродѣтели приходятъ въ моду.

Я въ компанію честныхъ людей вступаю безъ церемоніи; слушаю, что тамъ говорятъ, и самъ говорю когда надобно; пока мнѣ тамъ весело, то я остаюся, предувидяжъ ту минуту, въ которую скука ко мнѣ придетъ, вставъ поскорѣе ухожу безъ прощенія. Можноль это почесть за неучтивость? Я былъ тогда двацати лѣтъ, какъ это за грубость почитали; а теперь, какъ уже сталъ постарѣе, такъ это почитается умѣть жить на свѣтѣ.

Брачная любовь добродѣтелью прежде сего почиталась, а теперь вѣрность нѣкоторыхъ женщинъ за глупость почитаютъ; волокитами гнушались, а теперь уже нѣсколько лѣтъ, какъ оные за извинительную благопристойность почитаются.

Естьли честь важная вещь и нужная добродѣтель, то не надобноль намъ объ ней пещися? Женщинамъ, опричь мужей своихъ, не позволено къ другимъ прилѣпляться: а это преимущество, чтобъ бѣгать

гать за хорошими, учреждено между мущинами; да выйдетъ ли оно когда изъ моды?

Я вижу, что придворной переходитъ отъ крайняго порока къ потребной добродѣтели: а другой, которой уже то имѣетъ, живетъ въ отдаленіи. Сіи перемѣны очень для меня подозрительны; но мнѣ о томъ разсуждать нѣчего: ибо мода ихъ къ тому доводила.

Тому десять, или двенатцать лѣтъ, какъ любовныя обхожденія явно производились; а нынѣ отъ того отдаляются, или по малой мѣрѣ оную игру скрываютъ. Можетъ быть въ будущей вѣкъ не такъ притворны будутъ. Такъ прежде была мода, а теперь нѣтъ, а впредь опять сдѣлаютъ себѣ изъ любви пріятную забаву.

Естьлибы по модѣ надобно было дѣлать то, что говорятъ; я хотя и востаю противъ авторовъ, однакожъ бы поберегся напечатать то, что я теперь упомянулъ.

Другіе и опричь меня писали о модѣ; можетъ быть и я сказаннаго ими коснулся: но прежде сихъ разсужденій я никакого не имѣлъ о томъ понятія; а хотябъ я прочимъ авторамъ и подражалъ, тобъ еще не раскаялся о томъ. Всегда въ модѣ было пользоваться просвѣщеніями хорошихъ авторовъ

Другая мода начинается, что ученые люди другъ отъ друга заимствуютъ, да

и

и крадутъ. Мнѣ кажется, что эта всегда продолжаться будетъ.

Откуда это, что мы такіе охотники къ новости? Для того ли, что новыя вещи по разсужденію нашему лучше кажутся? или по тому, что мы ихъ напередъ выдумаемъ и за собственныя свои почитаемъ?

Новость въ наукахъ, въ языкахъ, въ манерахъ и въ модахъ весьма нравится. Мы не любимъ того, что намъ отъ другихъ доходитъ, а ищемъ славы быть издательми всему.

ГЛАВА 10.

О

Женщинахъ.

Еще осталось нѣчто упомянуть о женщинахъ. Какъ скоро еще въ Моисеево время хулительныя письма начались, женщины тому были причиною. Невѣрность была тогда уже не новой грѣхъ. Ко всему тому, что объ нихъ ни писали, можно еще нѣчто пріобщить, и въ тысячу лѣтъ послѣ также, какъ и нынѣ, можно объ нихъ всегда вести новую матерію.

Только чтобъ госпожи противъ меня не предупреждались: я готовъ оказывать полу ихъ надлежащую справедливость; я имѣю къ нимъ истинное почтеніе, и говорить

рить буду объ нихъ учтиво. Естьлижъ меня противъ сего въ чемъ уличатъ, очень хорошо; я тогда отзовуся, только меня до того не доведутъ, я удостовѣренъ, что есть премножество женщинъ совершеннаго достоинства, да естьли ихъ не отличить, то меня льстецомъ называть будутъ.

Злорѣчіе ищетъ приписать женщинамъ такіе недостатки, какихъ въ нихъ нѣтъ. Трудно, чтобъ всѣ они имѣли неоспоримыя совершенства; а и то великая хула, естьли мѣшать съ самыми достойными тѣхъ, которыя еще не столь совершенны.

Нѣкоторой Сатирикъ нынѣшняго времени почитаетъ только трехъ женщинъ за совершенно разумнѣйшихъ, я не могу вѣрить, чтобъ Парижъ такъ былъ испорченъ; и въ содомѣ семь праведныхъ нашлося.

Чтожъ нѣкоторыя женщины имѣли слабость къ любителямъ, такъ прочихъ еще невѣрностію за то упрекнуть не можно. Не справедливо мѣшать съ виновными такихъ, которымъ никакой слабости приписать не можно: я покушаюсь вамъ отвѣтствовать, что естьли вопросъ рѣшить по много происшедшимъ дѣламъ, то надобно сдѣлаться Пиронiанцомъ.

Красота была бы въ тягость, естьлибъ хорошія не имѣли преимущества привлекать къ себѣ почитателей.

Пригожія женщины не любятъ быть вмѣстѣ, они всѣ другъ дружкѣ ревнуютъ.

Женщина, которую любятъ, имѣетъ больше соперницъ, нежели любитель ея имѣетъ соперниковъ; всякъ завидуетъ ея благополучію.

Ничто такъ вспыльчиво быть не можетъ, какъ чувствительность той женщины, которой предпочтутъ другую.

Красота много споспѣшествуетъ къ достоинству женщинъ: надобно быть чрезвычайно достойной, чтобъ гнусная фигура сносна показалась.

Красота не такое сокровище, которымъ бы долго наслаждаться можно было. Какъ великія богатства доводятъ иногда до крайней бѣдности, такъ и минувшая красота оставляетъ по себѣ ужасное безобразіе.

Лиза румянилась будучи двацати пяти лѣтъ, и отъ того казалась такъ молода, какъ лѣтъ въ восьмнатцать, теперь же ей не болѣе тритцати двухъ, а всякъ скажетъ, что ей больше сорока лѣтъ; почему мнѣ кажется, что румяниться не выгодно.

Хотите ли вы сдѣлать женщинѣ такой комплиментъ, которымъ она очень будетъ довольна: скажите только ей, что она хороша и молода; старыя и дурныя о той же милости просятъ. Хвалить въ женщинѣ красоту, которой она не имѣетъ,

это

это ее больше порадуетъ, нежели когдабъ удивлялись добродѣтелямъ, которыя она дѣйствительно имѣетъ.

Добродѣтель съ красотою были два почти непримиримые непріятеля; женщина, которая союзъ между ими возставить можетъ, великой хвалы достойна.

Красота измѣнчивѣе всякаго оружія; а добродѣтель и того хуже. Съ войны побѣдительми приходятъ, а послѣ и сами побѣждены бываютъ. Женщина, имѣючи тысячу пріятностей, и болѣзнь всѣхъ ихъ лишить ее можетъ; а добродѣтель и того непостоянѣе; человѣкъ нынѣ уменъ, а завтра нѣтъ; еще больше скажу, ввечеру лишается той добродѣтели, о которой поутру думалъ, что она непоколебима; пригожимъ надобно гораздо много остерегаться.

Есть (*) госпожи, которыя думаютъ, что они совершенно безпристрастны, есть же другія, которыхъ остроуміе такъ какъ бы совсѣмъ безсильно было; все дѣло возможное, только должности своей позабывать не надобно.

Красота въ женщинѣ еще не самая пріятнѣйшая вещь, также и безобразіе не всегда противно. Хорошій разумъ стоитъ всѣхъ прелестей; а худой нравъ всего хуже.

Для чего Нерина убѣгаетъ супружества? Она опасается, чтобъ непригоже-

(*) Равнымъ образомъ и мущины.

ство ее не лишило дружбы ея супруга? Я обнадеживаю ее, что ей не надобно того опасаться, естьли только она разумна.

Честной человѣкъ чувствительнѣе больше къ пріятностямъ нѣжнаго и снисходительнаго нрава, нежели ко всему тому, что только хорошее дѣлаетъ лицо и стройное тѣло.

Пригожая, которая на объявленія любителя своего сдалася, раскается о своемъ снисхожденіи, когда примѣтитъ, что оное у ней насильно похитили; она не съ такимъ договоромъ сдавалась.

То, что однихъ склоняетъ, другихъ отвращаетъ. Кажется, что всѣ къ красотѣ страстны. Естьлибъ тотъ мужъ, котораго я знаю, не столь пригожую имѣлъ жену, онъ бы ее любилъ больше; ибо она ему не причинила бы толь великой ревности.

У женщинъ въ томъ великая забава, когда они разговариваютъ о своихъ прелестяхъ, я въ этомъ хулю только тѣхъ, которыя тѣмъ хвастаютъ предъ дурными.

Посмотрѣлибъ меня въ двацать лѣтъ, говоритъ Климена, тогда-то меня прелестною называли: я догадываюсь, что ей сказать хочется; ей бы не противно было наслаждаться тѣмижъ забавами, какія она съ молоду имѣла. Лишеніе красоты причиняетъ печаль самымъ непорочнѣйшимъ женщинамъ: въ какоежъ отчаяніе должна она приводить тѣхъ, которыя оную жертвовали непостоянству? Свѣт-

Свѣтскіе обычаи требуютъ, что для устроенія фамиліи надобно отдавать напередъ дочь за мужъ; я эту политику похваляю. Искусство довольно показало намъ, сколь опасно давать преимущество большимъ дочерямъ надъ меньшими.

Супружество во всѣхъ временахъ почиталось за честное сообщеніе. Естьли вы мнѣ дадите пятьдесятъ тысячь ефимковъ, такъ я женюсь на вашей дочери, говоритъ требователь. Я вамъ дамъ сорокъ, отвѣчаетъ тесть, женитесь на моей дочери; и такъ дѣвушки подобны товару, которой одни съ рукъ сжить хотятъ, во чтобъ имъ то ни стало, а другіе съ трудными договорами на себя то снимаютъ. И никогда оныя дѣла инако не происходили; какъ много ни хвалятъ безкорыстіе древнихъ, только и у нихъ этого не было, чтобъ дѣвушку брали безъ приданаго.

Я не знаю, можно ли больше обманываться тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что замужство есть наилучшее состояніе въ свѣтѣ: однакожъ здѣсь это исключается.

Жулія соглашается итти за мужъ, хотя женихъ и не по ея вкусу? Да хотябъ онъ сто разъ больше мерзилъ ей, и тогдабъ она за него вышла; ибо чрезвычайной присмотръ матери ея очень ей сталъ несносенъ.

Женщины мужей берутъ на удачу, но любителей выбираютъ.

На чтожъ женщинѣ столько имѣть нѣжности, естьли ей все равно, за когобъ она ни вышла.

Ревнивой мужъ не любитъ, чтобъ объ женѣ его хорошо говорили, онъ боится, чтобъ и въ подлинну не сдѣлаться ему ревнивымъ; естьли ему худо объ ней скажутъ, то онъ и думаетъ, что это уже за подлинну такъ: въ разсужденіи чего никогда никакому человѣку объ женѣ его не говорите.

Супружество изрядно перемѣняется отъ одной интриги.

Любовницы одной довольно, а жены мало. Любитель совершенно ласкаемъ бываетъ, мужъ же ни половины той милости не имѣетъ. О! превратное время! О! испорченные нравы!

Мы уже не въ тѣхъ невинныхъ вѣкахъ, въ которыхъ непорочная супруга тѣмъ только желанія свои совершала, чтобъ угодить своему мужу. Можетъ быть въ будущіе вѣки чистоту ея и похвалятъ; вы знаете причину, отъ чего худое умножается день отъ дня больше.

Нынѣ больше прежняго стало банкрутовъ, я разумѣю такихъ банкрутовъ, которые стыдливость свою потеряли.

Лукреція закололась, чтобъ не пережить лишенія своей чести. Порція глотала уголья, чтобъ слѣдовать мужу своему въ гробницу: такимъ примѣрамъ по мнѣ-

нію

нію многихъ продражать не можно; имъ не дивятся, а больше еще онымъ смѣются.

Иная въ супружествѣ старается искать чистоты, которой она прежде не имѣла, другаяжъ въ незамужствѣ строгую наблюдаетъ стыдливость, думая, что таинство даетъ ей право свобождаться всѣхъ сомнѣній. Которая изъ нихъ права? Я не думавши оправдаю первую; прошедшіе пороки извинительны, а настоящіе всего хуже.

Нѣкоторыя молодыя женщины находятъ причину говорить своимъ мужьямъ, что отъ ихъ частыхъ ласкательствъ хорошая краска у нихъ въ лицѣ портится. Естьли мужья ревнивы, то и нѣжные любители бываютъ таковы же.

Ласкательства любительницы бываютъ очень прелестны, женщиныжъ иногда и подозрительны. Супруга ваша васъ ласкаетъ и обнимаетъ; отъ любви ли это? Не сомнѣвайтесь, чтобъ это было отъ любви къ вамъ, я смѣло объ закладъ съ вами бьюся.

Оттіоля пасши, и вень-сена, почитаю я позорищами, на которыхъ во всякой хорошей день смѣлость играетъ разныя роли.

Булонской лѣсъ, страшное было мѣсто прежде сего отъ воровъ, а теперь оно опасно для тѣхъ мужей, которыхъ тамъ честь похищаютъ, однакожъ съ согласія женъ, которыя безъ затрудненія доброволь-но отдаютъ кошелекъ свой.

Я знаю нѣкоторыхъ женщинъ, только по справедливости число оныхъ очень не велико, которыя привлекаютъ меня къ супружеству: ихъ разумныя обхожденія, искренная вѣжливость, порядочное наблюденіе домашнихъ дѣлъ, все это очень пріятно. Знаю́ъ тысячу другихъ женщинъ, которыя любятъ холостое состояніе; упрямство ихъ очень противно; имѣютъ они ужасную склонность къ издержкамъ, великое омерзѣніе къ своимъ мужьямъ, по истиннѣ, я бы не хотѣлъ быть ихъ мужемъ.

Молода́я жена вдается въ любовь, а старая отъ того не обращается: которую бы изъ двухъ вы для себя выбрать хотѣли? Однабъ захотѣла вашихъ ласкательствъ, а другая бы своими васъ отвратила; къ первой бы вы стали ревновать, а другая бы сама стала подозрѣвать ваши поступки; одна бы нажила себѣ пріятелей, которые бы васъ стали безпокоить, а другаябъ не терпѣла, чтобы вы съ вашими пріятельницами компанію имѣли. Этотъ бы трудной былъ выборъ, признайтесь.

Богатая жена домашнія дѣла̀ возстановляетъ; разумная дѣлаетъ компанію; знатная производитъ въ честь фамилію; такихъ хорошихъ преимуществъ пропущать не надобно.

Говорятъ, что всѣ женщины любятъ деньги, а я утверждаю, что это неправда. Есть такія женщины, которыя безъ инте-

реса

реса отдаются хорошему мущинѣ; правда, что любительницѣ, которой понравишься, все золотомъ покажется.

Всякая женщина, которая о должности своей радѣетъ, оставитъ непотребныя общества, отъ которыхъ грѣховному любленію, и кстати ссориться съ неспокойными мужьями научиться можно; ибо оныя общества стараются производить такія любовныя интриги.

Стройной мужъ не привлекаетъ любовь своея супруги, ни хорошій нравъ его, ниже снисхожденіе, ни пріятность разума страсть ея не измѣряетъ; но единственно должность, которой преимущества какъ скоро минуются, то и любовь погаснетъ, и могу спорить, что никакое остроуміе тогда не поможетъ.

Посылать нѣкоторыхъ женщинъ съ Ефесскими добродѣтельными старухами, это имъ будетъ много чести; многія женщины изъясняются безъ предупрежденія; многія и склоняются безъ сопротивленія.

Гордости и безпристрастія въ женщинахъ не надобно бояться, но больше всего страшна жестокая любовь.

Въ нѣкоторыхъ женщинахъ гордость бываетъ искренностію, а почти во всѣхъ пристойною добродѣтелію, но до снисканія оной надобно много преодолѣть жестокость гораздо легкомысленнаго нрава.

Величество, которую показываютъ вмѣсто пріятнаго вида, можетъ очень скоро миноваться.

Пригожія имѣютъ сомнительное смиренство и упрямую стыдливость, однакожъ отчаяваться не надобно, они осмѣлятся понемногу, ихъ тихая добродѣтель сдается, какъ скоро имъ за увертки нѣкоторую честь припишешь.

Прилична ли женщинамъ спесь? Безъ сомнѣнія, только чтобъ ужѣ въ томъ не колебаться.

Гордость женщинѣ хулы не наноситъ, какъ скоро она оную къ сохраненію своей стыдливости употребляетъ.

Естьли золото узнать хочешь, такъ его опробовать надобно. Я не совѣтую гораздо пробовать женщину, развѣ слабости ея хочешь пробу. Въ этомъ ихъ осуждать намъ не надобно, и мы сопротивленія не больше ихъ имѣемъ.

Нѣжной союзъ сдѣлается между двумя персонами; любовь ихъ воспламенится, послѣ сего перваго огня холодность помаленьку вступать начнетъ.

Любителя ли винить въ томъ, или любовницу? Сія пригожая, илибъ не столь много, или не такъ мало дѣлала для своего любителя; тобъ ея милости его не отвратили, илибъ холодность ея не привела его въ робость, и страсть бы всегда

гда въ немъ была равна; теперь отвѣтствуйте мнѣ на сію задачу?

Свойство притворной добродѣтели въ женщинахъ есть то же, что въ насъ лицемѣрство.

Амаранта при людяхъ не любитъ, чтобъ съ нею вольно обходились, она тогда важной видъ на себя принимаетъ, для того, говоритъ она, что всему есть время.

Притворно добродѣтельная смотритъ на послѣдствіе, и хотя не такъ скоро сдается, только всегда вѣрнѣе произведетъ она то въ дѣйство, нежели которая бросается на шею.

Я не вѣрю Олимпѣ совсѣмъ ея (*) Весталинымъ видомъ. Тѣ неприступныя стыдливости и въ самыхъ честныхъ людяхъ мнѣ стали съ тѣхъ поръ подозрительны, какъ я спозналъ исторію о Антіопѣ, которая Юпитеру въ самой его великости отказала въ томъ, что онъ послѣ получилъ превратясь въ Сатира: мы довольно видали притворно добродѣтельныхъ женщинъ, которыя спорили о той землѣ, которую они потомъ недостойному любителю уступали.

Противорѣчіе, которымъ женщинъ обвиняютъ, объявляется больше всего въ ихъ любви; они любятъ такого человѣка, которой безпристрастно съ ними обходится,

(*) Весталь, или женщина посвященная къ службѣ Боговъ.

ся, а пренебрегаютъ такого, которой ихъ любитъ: рѣдко склонности ихъ бываютъ инако.

Уже четыре года, какъ ты горишь любовію къ Эмиліи; жалуешься ты на ея холодность; вѣрь мнѣ, что ты оное преодолѣешь въ одну минуту, сдѣлай только ей самъ такой же холодной видъ.

Стройнаго мущину не всѣ женщины любятъ; а нравится онъ только тѣмъ женщинамъ, которыя его лучше; другимъ же, которыхъ онъ пріятностьми своими помрачаетъ, присутствіе его очень несносно.

Развѣ достоинство приводитъ Кавалеровъ въ милость у женщихъ? Да, только и достоинства есть разныя.

Трапиль не имѣетъ денегъ, и какъ жить на свѣтѣ, и того не знаетъ, онъ простъ и грубъ. Но пригожія, не смотря на то, бѣгаютъ за нимъ съ завидостію; противъ вкусу спорить не можно.

Клизантъ любви достоинъ, поетъ пріятно, награждаетъ разумомъ, притомъ очень нѣженъ, его употребляютъ только для разговоровъ.

Годится ли гражданкѣ дѣлаться разумною? Шепетать языкомъ? Или разсуждать о любительныхъ книжкахъ? Знатной госпожѣ это простительно, а мѣщанкѣ нѣтъ.

Воздержность и простодушіе суть двѣ добродѣтели, которыя ординарнымъ женщи-

щинамъ приличны ; оныя бы добродѣтели честь пріумножали и знатнымъ женщинамъ; но по нещастію непостоянство отмѣняться имъ велитъ другимъ образомъ.

Воображеніе въ женщинахъ почитается очень нѣжнымъ; все у нихъ соотвѣтствуетъ той нѣжности, которая въ обхожденіяхъ ихъ блистаетъ: нашежъ воображеніе ни въ чемъ съ ихъ не сходствуетъ, а особливо въ разговорахъ. Надобно только имѣть примѣръ придворныхъ людей, чтобъ спознать, какая прибыль съ ними обходиться, въ мнѣніяхъ своихъ отмщеніе очень хорошо они располагаютъ, такъ же хитро и союзъ сплетаютъ; въ выборѣ ихъ опытъ сей весьма меня удивляетъ.

Скажемъ къ нашему непорядку, что женщины постояннѣе насъ въ любви: когдажъ они и не любятъ, и тогда еще лучше всѣхъ Тиберіевъ на свѣтѣ притвориться могутъ.

Притворъ въ мущинахъ называется скрытностію, а въ женщинахъ онъ называется обманомъ.

Кто не умѣетъ притворяться, тотъ не знаетъ искусства властвовать, Оное правило принадлежитъ какъ женщинамъ, такъ и Государямъ. Эрастъ уже давно пріятной видъ показывалъ Жуніи, которая только на маркизовъ чинъ его смотрѣла; онъ все думалъ, что она его любила, но

она

она только нынѣ вывела его изъ обману; онъ самъ виноватъ, за чѣмъ было ему за повѣренность ей сказывать, что все его имѣніе было взято.

Скромность, думаютъ, что не въ великой чести у женщинъ, а я въ противность тому имѣю примѣры. Гарита выходитъ за мужъ, однакожъ она не сказала, что она года съ два тайно любилась.

Вы встрѣтились съ Люціею, которая торопится прощаясь съ вами; увидя ее на улицѣ такъ рано, спрашиваете ее о томъ съ замѣшательствомъ; она отвѣтствуетъ вамъ, что она идетъ въ церкву; обязана ли она сказывать вамъ, что она спѣшитъ на уговорное мѣсто?

О Глицеріи пятнатцать лѣтъ уже, какъ слухъ во всѣхъ улицахъ пронесся, вознамѣрилась ли она до сихъ поръ открыть свои лѣта? Я это дѣло, которое она такъ скрытно таитъ, инако назвать не могу, какъ тайной.

Любовь производитъ чудныя перемѣны. Гордая человѣколюбивою становится, набожница отлагаетъ свои сомнѣнія, ложно добродѣтельная скрываетъ только наружные виды. Дикая въ особливомъ мѣстѣ не дичится, безпристрастная бываетъ такова только на время, и только одна непостоянная женщина не можетъ перемѣниться.

Юсти-

Юстина имѣя свои права, не старается, чтобъ ее любили, а только чтобъ дѣлали ей все то, что подлинно влюбленной человѣкъ дѣлать долженъ; я бы сожалѣлъ, естьлибъ подъ симъ иное что разумѣли, а не учтивости, почтительные поступки и обыкновенныя предупрежденія.

Уже шесть лѣтъ, какъ Дорантъ ходитъ къ Белизѣ; наконецъ любовь его награждена; вы думаете, что она ему крайнее удовольствіе оказала; въ томъ-то вы и обманываетесь; она ему то продала дорогою цѣною.

Свѣтская женщина принимаетъ своего любителя съ веселымъ лицомъ, даетъ ему много денегъ, что вы о томъ думаете? Это только, чтобъ тѣмъ честнѣе купить его склонность.

Сабина не хотѣла быть Королевою во время бала; она лучше любила вольность простаго маскарада, нежели принужденную сію честь; она бы въ подлинну тысячу сладостей вкусила, и столькожъ объявленій услышала; этого-то она и не любитъ; она смертельно ненавидитъ тѣхъ, которые много говорятъ. Женщины совсѣмъ не любятъ тѣхъ, въ которыхъ они примѣтятъ сей недостатокъ.

Набожность хорошее дѣло, только набожницъ не такъ много почитаютъ: много надобно, чтобъ они дѣйствительно таковы были.

Богомольщица весьма неспокойна у себя дома, и простираетъ безпокойство свое даже до храма, но и это мѣсто. Богъ милосердіе свое оказываетъ только тѣмъ, которые просятъ его безотступно.

Страстная любительница великодушнѣе бываетъ, нежели тороватой любитель: она дѣлаетъ удовольствіе за ничто; любитель разворилсябъ прежде, нежели оное снискать могъ. Сколькожъ денегъ збережено съ одной стороны? И какое безкорыстіе съ другой?

Честной человѣкъ не станетъ думать, что онъ больше стóитъ тѣхъ милостей, которыя ему госпожа оказываетъ; любовь его уступитъ почтенію, и презрѣніе въ самой холодности никакого участія имѣть не будетъ.

Вольность, какое благополучіе! и того лишиться намъ не противно; люди не любятъ опасностей; а особливо женщины, они очень хорошо утверждаютъ мнѣніе вольнаго посредственника.

Аргира бываетъ всякой день въ веселыхъ компаніяхъ, ночью домой во всякіе часы пріѣзжаетъ; мужъ ей о томъ не говоритъ ни слóва; я его за то хвалю; онъ долго это терпѣлъ, однакожъ безъ всякаго успѣху, напослѣдокъ привыкъ къ сему терпѣнію и жилъ спокоенъ.

Какъ я увижу разумную женщину, то прихожу въ искушеніе, я бы хотѣлъ ее

имѣть

имѣть либовницой; но женою, по чести говорю, чтобъ я ее не пожелалъ; домъ мой сдѣлался бы прибѣжищемъ ученому дурачеству.

Мелинда изъ компаніи благородныхъ людей; разумъ ея никогда не истощается; нравъ безъ церемоніи обходится. Разговоръ весьма веселой, говоритъ обо всемъ, и говоритъ натурально хорошо; всякому свой вкусъ сказывать дозволяется, Мелинда очень бы мнѣ была пристойна.

Фронтина только при первыхъ посѣщеніяхъ хороша, но къ тому такъ безразсудна, что до глупости доходитъ. Подвержена скоропостижной меланхоліи; удивляются, что она изъ великой радости въ глубокую печаль впадаетъ, и всегда безпокойна, какъ головной ея уборъ попортится. Фронтина не одна такой нравъ имѣетъ.

Чистота въ женщинѣ меня прельщаетъ, только я не люблю этой церемоніальной чистоты, которая только безпокоитъ.

Нынѣ хорошимъ манеромъ одѣться, а послѣ восемь дней ходить не въ уборѣ безъ всякой пріятности, эта нехорошая привычка. Чистота такая добродѣтель, которая всякой день должна являться.

Хорошо и пристойно одѣваться, дѣлаетъ честь всякому человѣку; пригожимъ приноситъ пользу, а у худыхъ поправляетъ непригожство.

Многіе мужья убытчатся нарядами своихъ супругъ, не наслаждаясь ихъ чистотою. Щеголиха въ нарядахъ слѣдуетъ вкусу своихъ любителей, и только для нихъ наряжается, а мужъ видитъ свою жену въ страшномъ неглижѐ.

Малая вещь насъ привлекаетъ и насъ отвращаетъ: собака, птица, попугай, и тому подобное, желанія многихъ женщинъ совершаютъ.

Женщины чрезвычайно страстны. Въ любви они жестоки, а безпристрастіе ненавидятъ; ревность превращается у нихъ въ жестокость.

Любопытство есть наибольшая слабость онаго пола; я не нахожу, чтобъ они меньше нашего были любопытны. Женщины все знать хотятъ, чтобъ пересказывать, а мы все узнать хотимъ, чтобъ повторять послѣ; мы равны между собою, нѣчего намъ упрекать другъ друга.

Мущины убѣгаютъ той женщины, которую они довольно знаютъ, а женщины холодно принимаютъ того мущину, котораго они не очень еще знаютъ.

Не удивляйтесь, что дурная столькожъ ревнива, какъ и хорошая. Какъ нерадѣніе ваше безпокоитъ одну, столько любовь ваша безпокоитъ и другую. Хорошая не боится, чтобъ вы отъ нее ушли, а худая опасается, чтобъ вы ее не пренебрегли. Ежели вы отъ первой и отстанете,

такъ

такъ вы еще съ нею можете скоро опять возобновить любовь вашу; а естьли другая вамъ станетъ противна, то ужѣ не будетъ возврата. Изъ сихъ разсужденій выбирайте любое.

Однова у меня спрашивали, для чего нынѣ больше, нѣтъ (*) О-де-жалузи? Я не знаю, хорошо ли я отвѣчалъ, что женская невѣрность ее вычерпала. Это довольно свидѣтельствуетъ, какъ они измѣнчивы.

Разумной поступокъ многихъ женщинъ, дѣлаетъ имъ честь, и они никакого участія не имѣютъ въ томъ, что я сказалъ о тѣхъ, которыя съ ними не сходны.

ГЛАВА II.

О разумѣ и наукѣ.

Сказываютъ, что Кратесъ отдалъ деньги свои одному банкиру, и просилъ его, чтобъ ихъ отдать его дѣтямъ, естьли они будутъ глупы; а естьли сдѣлаются Философы, тобъ оныя роздать людямъ. Разумъ вмѣсто всего служить можетъ, у кого онъ есть, тотъ не ищетъ щастія, и не старается ходить къ знатнымъ.

Это не худо, что есть богатые люди: безъ сего изобилія въ богатствѣ многіе

(*) Вода ревности.

гіе умерли бы съ голоду, за недостаткомъ хорошихъ качествъ.

Разумные люди надѣются, что недостатка у нихъ не будетъ. Искусство награждаетъ ихъ недостатокъ имѣнія.

Глупой сдѣлавшись нещастнымъ, чувствуетъ то вдвое; первое, что нещастливъ, а второе, что помочь себѣ не знаетъ.

И богатство въ великіе пороки приводитъ. Сколько есть роскошныхъ, которые не были бы таковы, естьлибъ не было имъ тысячи ливровъ доходу? Сколькожъ и тунеядцовъ, которые могли бы распространить свой разумъ, веселостями въ слабость приведенной?

Тыбъ былъ честной человѣкъ, сказалъ мнѣ однова осердившись отецъ мой, естьлибъ я тебѣ ничего не оставилъ.

Хотябъ разумъ и продавался, не много бы его покупали; да кто не думаетъ о себѣ, чтобъ не было у него довольно разума?

Наиразумнѣйшіе люди подвержены бываютъ великимъ проступкамъ. Симонъ для спокойствія своего хотѣлъ жить холостымъ человѣкомъ, и жилъ долго въ пріятномъ семъ спокойствіи. Но будучи семидесяти лѣтъ женился на дѣвушкѣ восьмнатцати лѣтъ. Наука, достоиство и знаніе свѣта, кажется въ такую пору до тогобъ его не допустили.

Мно-

Многіе имѣютъ довольно разума безъ искусства. Но не случаются никогда, чтобъ при большомъ искусствѣ не было и большаго разума.

Въ нынѣшнемъ нашемъ вѣкѣ не почитаютъ себя обязанными отмѣну дѣлать разумному человѣку. Не стараются провѣдать о его наукахъ; и естьли онъ не будетъ имѣть дарованія самъ того показать, то и знать объ немъ не будутъ.

Разумъ столько великъ, сколько его окажешь. Поклони́тесь кстати, умѣйте хорошенько сложить нѣсколько забавныхъ словъ, въ разговорахъ скажите нѣкоторыя хорошія приключенія, проговорите нѣсколько виршей, отважтесь сдѣлать мадригалъ, и вамъ больше будутъ удивляться, нежели Математику, Философу и Богослову: это придетъ по свѣтскому вкусу.

О достоинствѣ Доримона не съ такою бы холодностію говорили, естьлибъ не надобно было догадываться, что онъ разуменъ.

Основательной разумъ не скоро переходитъ отъ одного кра́я къ другому: хотя ему и мнѣніе перемѣнить случится, и то конечно онъ дѣлаетъ по причинѣ.

Разумной человѣкъ въ замѣшательство можетъ притти съ такимъ человѣкомъ, которой ничего не смыслитъ. Естьли онъ будетъ говорить разумно, то его понимать не будутъ; унизить же себя до

такого незнающаго человѣка, не уповаю, чтобъ возможно было.

Люди стараются выучить тысячу такихъ вещей, которыхъ бы въ вѣкъ знать не надлежало, и самые ученнѣйшіе много не знаютъ того, что простые люди знаютъ.

Хвалятъ ужасную память одного Француза, которой, сказываютъ, что знаетъ двацать языковъ. Да увѣрятъ ли меня, чтобъ онъ только зналъ свой природной?

Какъ я совершенно спознаю свой языкъ природной, и естьли мнѣ еще останется время, то я буду учить другой. И такъ я ничего не теряю; я разсуждаю, что и жизни человѣческой чуть достанетъ ли, выучить одну вещь совершенно?

Тіокринъ, называемой Башеліе, уже четыре дни, какъ намѣряется учить Греческой и Еврейской языки, чтобъ лучше разумѣть точнаго автора; да лучше ли онъ надѣется быть тѣхъ ученыхъ людей, которые прежде его были? Пусть онъ просвѣщеніямъ ихъ научится, и изъяснитъ въ нѣсколько лѣтъ то, до чего въ тысячу шестисотъ-лѣтнее исканіе на силу доходятъ.

Естьлибъ обычай былъ во Франціи говорить по-Гречески, по-Латыни, по-Нѣмецки и по-Гишпански, я бы изъ честолюбія скоро выучилъ оные языки. Но какъ вездѣ говорятъ и пишутъ по-Французски, то къ чему будутъ служить другіе?

Есть-

Естьлибѣ вамѣ надобно было сказывать похвальную рѣчь, илибѣ назначены вы были говорить казанье вѣ собраніи краснорѣчивыхѣ людей, гдѣ только по-Латыни говорили: какѣ бы вы отправили сію комиссію, не знаючи того языка совершенно? Хорошо вы разсуждаете, сказалѣ бы Арсенѣ! но учители наукѣ и Ректоры не помогутѣ ли намѣ вѣ то время?

Неразумiе тѣхѣ, кои сѣ одною хорошею памятію говорить хотятѣ публично, умножаетѣ кстати собраніе неразумнѣйшихѣ слушателей.

Я бы не хотѣлѣ на себя взять, чтобѣ сказать вѣ жизнь мою только тѣ казанія, которыя вѣ постѣ молодыми ораторами сказаны бываютѣ вѣ Парижѣ. Оныя господа честь себѣ трудами другихѣ наживать умѣютѣ.

Естьлибѣ списывальщики выгнаны были изѣ государства, тобѣ духовенство первое опять ихѣ возвратило. Довольно, что знатные игумны выучатѣ разговорѣ на три четверти часа: на что имѣ трудиться и сочинять то самимѣ собою?

Наука имѣетѣ свои границы, и не смыслiе не совсѣмѣ общее. Ученые могутѣ мыслить справедливо.

Знать много вещей, это столькожѣ, какбы ничего не знать. Мысли тогда такѣ сдѣлаются конфузны, что, естьли не будешь умѣть искусно оныя разбирать,

то великое сіе знаніе больше будетъ дѣлать вреда, нежели чести.

Мондоръ имѣя пятьдесятъ тысячь ефимковъ дохода, разорилъ себя и своихъ пріятелей. Не винятъ его роскошнымъ житьемъ, ниже сластолюбіемъ. Въ какую игру проигралъ онъ такое великое наслѣдство? Онъ захотѣлъ сдѣлаться Химикомъ, и отъ того пришелъ въ бѣдность.

Ученые не ищутъ научиться своей должности, а стараются только удовольствовать свое самолюбіе. Философъ хочетъ спознать таинства натуры вмѣсто того, чтобъ испытывать ему движенія своего сердца. Юристъ учится долгое время правосудію, но рѣдко оное исполняетъ самымъ дѣломъ. Богословъ не думаетъ столько пользоваться милосердіемъ, какъ узнавать разныя онаго причины. Такое ли должны мы дѣлать употребленіе изъ науки?

Древніе Философы больше говаривали о существѣ Божіемъ, нежели о существѣ вещей. Нынѣшніежъ отдаютъ Богословамъ попеченіе говорить о Богѣ, а сами единственно прилѣжатъ къ откровенію естественныхъ причинъ: да лучше ли они себя тѣмъ прославляютъ?

Человѣкъ, которой не увѣряется своему разуму, гораздо ближе бываетъ къ правдѣ, чѣмъ гордой ученой, которой разсужденіе свое точнымъ полагаетъ. Тотъ

о-

опасается, чтобъ не погрѣшить, случится, что онъ и не обманется, а этотъ уже обманулся, только въ не подлинныхъ знаніяхъ своихъ не признается.

Однимъ ученымъ можно не уставать отъ науки; ибо, чѣмъ больше они знаютъ, тѣмъ больше имѣютъ честолюбія ничего неизвѣстнаго не оставлять. Тѣ, которые не вкусили пріятности наукъ, убѣгаютъ трудовъ. Искусной математикъ имѣетъ завсегда предъ собою изображенія, а незнающій заблуждается отъ одной вещи въ другую, и только слегка упоминаетъ о вещахъ самыхъ наитруднѣйшихъ.

Хорошій музыкантъ слагаетъ безпрестанно, а худой остается при тѣхъ мѣрахъ, которыя ему отъ привычки стали уже легки.

Хорошій Философъ углубляется въ трудностяхъ, а полуученой слегка ихъ проходитъ.

Науки не вдругъ даются, но по долговременномъ ученіи, и чрезъ трудныя сидѣнья успѣхъ въ оныхъ пріобрѣсть можно.

Всѣ науки имѣютъ въ себѣ такую трудность, которую одни знающіе, которые до того доходятъ, совершенно чувствовать могутъ; посредственнож искуснымъ, которые только издалека на то смотрятъ, кажется, что безъ труда оныя постигать можно. Примѣнимъ пер-

выхъ къ путешествующимъ, которые, чѣмъ ближе къ горамъ подъѣзжаютъ, тѣмъ круче оныя имъ кажутся; а другихъ можно примѣнить къ такимъ же странствующимъ, которые, чѣмъ больше отъ оныхъ отдалены, тѣмъ меньше страшными ихъ почитаютъ.

Вы говорите, что Филантъ тритцать лѣтъ уже читаетъ древнихъ Философовъ; а только нынѣ еще оспориваетъ (*) Пиронистическую секту. Да для чегожъ, спросите вы, многіе о томъ не спорили? Для того, что они Филантова разума не имѣли. Чѣмъ больше добираться станешь, тѣмъ больше трудностей выводить будетъ, кои противятся тому мнѣнію, которое утверждать станешь; естьлибъ Филантъ учился только двацать лѣтъ, тобъ онъ и теперь еще былъ Пиронистъ.

Спрашивали мнѣнія у Сократа, благополученъ ли тотъ Государь, которой окруженъ величествомъ и славою; Сократъ не сказавъ своего мнѣнія, спросилъ, сколько былъ добродѣтеленъ и ученъ тотъ Государь?

Тысячу разъ намъ сказано было, что благополучіе не отъ великихъ достоинствъ зависитъ. Какое почтеніе можно сдѣлать такому Принцу, которой ни добродѣтели, ни наукъ не имѣетъ? И самъ онъ можетъ ли по-

(*) Общество такихъ Философовъ, которые обо всемъ сумнѣваются.

почéсть себя щастливымъ, естьли хорошихъ вещей не знаетъ, а добрыхъ дѣлъ не дѣлаетъ?

Наука, которая щастливыми дѣлала Философовъ, знатнымъ людямъ больше потребна, нежели думаютъ; она прославляетъ благополучныхъ Государей, и услаждаетъ печаль самыхъ нещастливыхъ.

Наука учитъ, какъ воздержаться въ великомъ щастіи, и границы возставляетъ отчаянію, отъ непрерывныхъ нещастій воспослѣдовавшему.

Знающій науки, знатной человѣкъ, находитъ больше забавы читая Сенеку, нежели насыщая глаза и уши свои прелестною симфоніею въ пріятномъ позорищѣ.

Аристархъ противясь волѣ своего отца, которой хотѣлъ его сдѣлать рентмейстеромъ, слѣдовалъ своей склонности, которую онъ имѣлъ къ наукамъ. Худую онъ принялъ партію, вскричала вся его фамилія! Блѣднѣютъ надъ книгами сидя, и дѣлаются больными отъ многаго писанія; наконецъ и умираютъ въ самой цвѣтущей молодости; тѣмъ лучше, сказалъ бы я, естьлибъ былъ Аристархомъ: по крайней мѣрѣ я бы могъ сказать, что я жилъ на свѣтѣ.

ГЛАВА

ГЛАВА 12.

О
Авторахъ.

Ужѐ больше не вѢрятъ неосновательнымъ замысламъ Автора, которой сказываетъ, будто онъ изъ послушанія принужденъ былъ труды свои предать печати. Пріятель безъ согласія нашего конечно не будетъ печатать книгу, и не подвергнетъ насъ тѣмъ посмѣянію противъ воли нашей.

Бѣлюсь хочетъ, чтобъ мы его за то благодарили, что онъ позволяетъ намъ дѣлать сатиры. Да и безчеловѢчно, чтобъ отъ справедливости читателей требовать похвалы на то, что не заслужило.

Меналкъ предупрежденъ будучи самъ собою, думаетъ умножить всякую библіотеку книгою своего сочиненія; начинаетъ писать не посовѢтуя съ своими пріятелями, самъ только съ пріятностію свидѢтельствуетъ свою книгу, а потомъ отдаетъ ее знакомому книгопродавцу. Титулъ сей книги прелестенъ, и въ нѢкоторыхъ мѣстахъ сочинено изрядно: наконецъ книгу его сторгуютъ; издатель будучи тѣмъ чрезвычайно доволенъ, намѢряется ужѐ дѢлать другой и третей выходъ. Первой побывая въ рукахъ у Ценсора, которой привыкши одабривать худыя книги,

толъ-

только чтобъ они не противны были, подписываетъ свое свидѣтельство. Книгопродавецъ тутъ, хотя уже и поздно, начинаетъ разсуждать о заключенномъ своемъ договорѣ, и предусматривая, что изъ двухъ тысячь книгъ, которыя онъ на себя снять подрядился, можетъ быть и пятидесяти съ рукъ не сбудетъ, отступается печатать книгу, и желаетъ лучше лишиться своего преимущества и денегъ, нежели потерять знатную сумму. Не долженъ ли Меналкъ обратно взять свою книгу? Кажется такъ.

Всякой издатель имѣетъ своихъ сообщниковъ и непріятелей: отъ довѣренности однихъ и отъ зависти другихъ зависитъ судьбина всякой книги. Новыя, хорошія, или худыя книги, не бываютъ совсѣмъ похулены, и совсѣмъ похвалены: я тому объявилъ причину.

Судьбина издателя: которой худо начинаетъ, тотъ худо и совершаетъ. А сей испортилъ предисловіе, сдѣлавъ у книги своей дурное окончаніе.

Каписъ сдѣлалъ книгу нарочитой величины; мнѣ хотѣлось сказать нарочитой доброты, предисловіе въ ней очень хорошо, жаль только что оно не его.

Естьлибъ нѣкоторые изъ писателей нашего вѣка сдѣлались Папами, тобъ о безпогрѣшительности не такъ много спорили.

Спра-

Спрашивали у меня не давно, что я хорошаго находилъ въ сочиненіяхъ Сезострисовыхъ? Я отвѣчалъ, что онъ имѣлъ охоту хорошо ихъ сдѣлать.

Иногда предисловіе очень коротко, и тѣмъ безполезно, а иногда очень долго, и тѣмъ скучно. Приписаніежъ книги возбуждаетъ только охоту сочинителямъ похвальныхъ словъ. Оглавленіе больше въ замѣшательство приводитъ, нежели изъясняетъ. Оставя сіи три вещи, свободите сами себя труда, а книга не меньше почтена будетъ.

Предисловіе вамъ дѣлать такъ трудно, какъ переѣзжать пороги, говорилъ я свободно одному моему пріятелю ученому человѣку; сдѣлайте книгу, въ которой бы не было предисловія, приписанія и содержанія главъ; вы смѣло можете надѣяться тѣмъ угодить тысячи человѣкамъ, которые жалуются, что сіи три вещи составляютъ половину книги; онъ послушалъ моего совѣта, и примѣръ Л . . . въ томъ еще больше его удостовѣрилъ.

Титулъ книги долженъ много обѣщать, а книга самая и того больше награждать.

Сколько разъ раскаивался я въ свою жизнь, купя книгу, положась на хорошій ея титулъ: дай Богъ, чтобъ моя книга такого раскаянія не наносила.

Похвально ли поставлять имя свое въ книгѣ? Конечно, естьли то по согласію раз-

разумныхъ людей учинено будетъ: однакожъ Ксантипъ и не имѣя того, поставилъ имя свое въ заглавіи большими словами; да у первой ли своей книги онъ это сдѣлалъ? Благопристойность такъ, какъ и прочія вещи, имѣетъ свои границы: естьли увидите, что оно не похвально, пользуйтесь примѣромъ онаго недостатка.

Пятое изданіе свидѣтельствуетъ мнѣ хорошій успѣхъ книги, а осьмое служитъ поручителемъ, что лучше онаго ничего сдѣлать не можно.

Есть такіе авторы, у которыхъ хорошія и худыя вещи такъ смѣшены, что съ ними всеминутно ссориться и мириться надобно, и это необходимо.

Книги нѣкоторыхъ нашихъ издателей изъявляютъ легкомысліе, свойственное ихъ націи, иногда утверждаютъ онѣ одно мнѣніе, вскорѣжъ потомъ его и опровергаютъ: разсужденіе ихъ не основательно.

Писать и говорить хорошо, суть такія два разныя дарованія, которыя рѣдко въ одномъ человѣкѣ случатся. Въ разговорахъ объявляютъ все то, что на умъ придетъ безъ выборныхъ мыслей: человѣкъ, въ дѣлахъ обращающійся, обстоятельнѣе бываетъ; не полагается онъ на плодовитость своего вымысла, а разсуждаетъ, что хорошая мысль надобно чтобъ и труда стоила.

Кни-

Книга о христіанствѣ должна поучать истинному христіанству и не исключать онаго изъ свѣтскихъ книгъ; въ началѣ явствовало бы, что авторъ единственно покушался говорить о Богѣ и о Его таинствахъ; во вторыхъ примѣчалось бы, что онъ все то въ святость употребить умѣетъ, и что онъ трудился единственно съ хорошимъ намѣреніемъ.

Мы имѣемъ такія хорошія нравоучительныя книги, и такъ благородно написанныя, что они подаютъ надежду къ хорошей перемѣнѣ тѣхъ, которые читать ихъ станутъ.

Маликъ писавши о вѣрѣ, оставляетъ и тѣмъ, которые впредь объ оном писать будутъ; для чего онъ дарованіе свое оставляетъ, онъ бы лучше выдать намъ могъ изрядной трактатъ о Физикѣ, а Богословія не изъ лучшихъ его знаній.

Я почитаю хорошо сложенные романы, и читалъ нѣкоторые изъ нихъ съ удовольствіемъ, однакожъ самъ бы ихъ не сталъ дѣлать.

Сочинитель любовныхъ исторій, порицательной стихотворецъ, и издатель опасныхъ книгъ, принуждаютъ скоро прибивать имя свое въ примѣтныхъ мѣстахъ города, и самыя врата храмовъ не остаются безъ украшенія драгоцѣнными ихъ пасквилями; почитаютъ ихъ разумъ, признаютъ ихъ сочиненія. Имреку случилось

одно-

однова писать въ цѣлой свой вѣкъ, и то не любовную исторію, не язвительное поношеніе, однакожъ никто книги его не покупаетъ, и никто читать ее не хочетъ, по тому что она о христіанствѣ.

Напрасно попрекать нѣкоторыхъ нынѣшнихъ авторовъ, что у нихъ въ книгахъ ничего новаго нѣтъ: многіе, хотя число ихъ и не такъ велико, только все отъ себя писали.

Общество не удивляется такому сочинителю, которой ничего новаго въ свѣтъ произвесть не можетъ; это недостатокъ сочинителя, лучше совсѣмъ не дѣлать книги, нежели не изображать мыслей своихъ пріятною новизною.

Мало такихъ, которыебъ пользоваться могли просвѣщеніями старинныхъ людей; надобно попадать на вкусъ своего вѣка. Какъ скоро авторъ вознамѣрится списывать, то онъ въ опасности лишиться истиннаго пути, по которомубъ онъ могъ похвалы достигнуть.

То, что въ разумной книгѣ подражаніемъ называютъ, бываетъ обыкновенно скрытое воровство, или честное бездѣльничество.

Это славное покушеніе, чтобъ представлять себѣ въ примѣрѣ великихъ мужей: пускай по ихъ не сдѣлаешь, или хотя издалека имъ подражать будешь; но

довольно, что по ихъ стезямъ ходишь, и не всуе трудъ свой употребляешь.

Те, которые впредь будутъ дѣлать трагедіи, не за щастіе ли почтутъ называться меньшими Корнеліями, Демареями, Коласами, и меньшими Люлліями, а Б... Р... называться будутъ меньшими Депро?

Лабрюіеръ не думалъ тѣмъ обезчещеннымъ быть, что его называли меньшимъ Теофрастомъ: я бы очень радъ былъ, естьлибъ называли меня меньшимъ Лабрюіеромъ.

Упрекать нынѣшнихъ писателей, что они не такъ искусны и замысловаты какъ древніе, это имѣть безмѣрную любовь къ древности; а говорить о томъ безъ пристрастія, то подумаютъ, что нынѣшніе весьма много имъ подражаютъ.

Мы должны почитать тѣхъ, которые сдѣлали такія хорошія откровенія въ наукахъ: но не ослѣпляться достоинствомъ тѣхъ, которые отъ нихъ научились, и еще своими знаніями оное украшаютъ. Можно сказать въ похвалу сего вѣка, въ которой столько остроумныхъ людей показалось, да и въ самое Августово время было ли оныхъ больше? Любители старины бранить меня станутъ, что я такъ разсуждаю. Они по Цицеронѣ, Виргиліи, и Горація никого не почитаютъ, да и самихъ бы ихъ не почли, естьлибъ по нещастію они

въ

въ нынѣшнее время вновь появились, для того что они вознамѣрились противиться вкусу нынѣшнихъ писателей.

Въ разсужденіи краснорѣчія, есть дѣла, которыя пишутся громко, въ другихъ же простой складъ производитъ величавую пристойность. Не будьте тщеславны, и не превозносите себя сверьхъ мѣры.

Такое множество разныхъ словъ, и такія замѣшательныя украшенія въ новыхъ сочиненіяхъ, довольно показываютъ, что свѣтское краснорѣчіе склонно къ роскоши и любитъ пышность: христіанскоежъ велерѣчіе бываетъ гораздо умѣреннѣе, простѣе и сходственнѣе съ природою.

Въ книгу много разума наполнить, почитается за недостатокъ: въ Сентъ-Эвремонѣ я это хорошее нахожу: не притворствуй больше Муцій, чтобъ ты могъ блистать повсюду; примѣчаніе читателево уже довольно утруждено разными мыслями, и такъ надобно ему дать время для спокойствія.

Къ чему столько притворствовать въ своихъ выраженіяхъ, и такъ устанавливать свои слоги? Сочинителю надо такъ писать, чтобъ всѣмъ было понятно.

Я бѣшусь, не прогнѣвайтесь, что съ досады такъ выговорилъ; ибо читая новую книгу, надобно безпрестанно смотрѣть въ Фюретіера или въ Ришелета. Нынѣшніе авторы очень склонны къ употребленію рѣд-

кихъ, чрезвычайныхъ и незнакомыхъ словъ. Хорошо, естьлибъ можно было еще найти онымъ истолкованіе, а то слова сіи по большой части ими выдуманы: лучшебъ уже они на полѣ означивали и истолкованіе онымъ для облегченія читателямъ, которые напрасно утруждены тѣмъ бываютъ.

Тѣ, которые писали въ началѣ сего вѣка, стали нынѣ невразумительны; выраженія ихъ сдѣлались весьма древни. А нынѣшніе писатели также не совсѣмъ внятны; слова ихъ еще не вошли въ употребленіе.

Арпины и Флорисы кричатъ, что за убивство? Жалуются, что у нихъ крадутъ, и какъ будтобы у нихъ только красть можно было: я не льщусь помилованнымъ быть отъ ихъ гнѣва: естьлижъ они хотя мало противъ меня устремятся, то я осмѣлюсь спросить о ихъ чести, чтобъ вмѣсто своего имени ихъ поставить; можно ли мнѣ съ ними сдѣлать лучше этого договора?

Не справедливо недостойнымъ отвергать описаніе военнаго или свѣтскаго человѣка. Наилучшія нравоучительныя книги получили мы отъ первыхъ Министровъ, славнѣйшихъ Государей, которыми можно въ стыдъ приводить многихъ, которыхъ наука только въ томъ состоитъ, что они невразумительны. Не таинство вѣры они намъ описывать трудятся, но искусство ихъ состоитъ въ томъ только, чтобъ оное

еще

еще въ пущія трудности запутать, чѣмъ спорливые Философы хвастаютъ, они вмѣсто того, чтобъ ученика своего выучить, сдѣлаютъ его любопытнымъ, завидливымъ и невѣроятнымъ.

Не всѣ свѣтскіе люди глупы, иногда и подъ красною епанчою бываетъ больше науки, нежели подъ самымъ долгимъ платьемъ хваленаго Философа.

Небо низпосылаетъ намъ всѣмъ при первой минутѣ нашего рожденія нѣкоторую обширность разума, которая совершаясь воспитаніемъ и свѣтскимъ обхожденіемъ, споспѣшествуетъ намъ разсуждать о вещахъ самыхъ лучшихъ; иныежъ не подкрѣплены будучи подобными дарованіями, не знаютъ конечно, для чего они одну вещь хвалятъ больше, нежели другую. Хорошо, естьли душа ихъ восхищена будучи, и уши ихъ усладяся, нечувствительно обратятся къ Богу, то и имъ оное будетъ пріятно. Одни женщины этотъ хорошей вкусъ отъ натуры имѣютъ; многіе благородные люди, будучи прежде на войнѣ, и при дворѣ, получаютъ тѣ нѣжныя мысли, которыя въ хорошихъ обхожденіяхъ пріобрѣсть можно, и они такъ мало въ разсужденіяхъ своихъ обманываются, что съ охотою полагаются на ихъ мнѣнія.

Я очень сердился на одного нынѣшняго хулителя, которой запрещалъ военнымъ людямъ разсуждать о театрѣ. Мнѣ кажет-

ся, что и военнымъ людямъ здравой разсудокъ не долженъ страннымъ казаться: пускай запретятъ имъ рѣшенія дѣлать Юстиніанову закону, или, что до вѣры касаться можетъ, а дозволятъ оное производить тѣмъ, кому оныя высокія науки больше свойственны, и кто высокимъ и превосходнымъ своимъ разумомъ всегда преимуществуетъ предъ тѣми, которые глубокими науками не изощрены: а запрещать разсуждать о комедіи и трагедіи, о притворахъ комедіанта, или о хорошемъ слухѣ музыканта, эта лишняя строгость. Такъ развѣ однимъ стихотворцамъ и музыкантамъ смотрѣть позорища: сіи примѣчать будутъ мѣру стиховъ, и удивляться возбудительнымъ происхожденіямъ, а другіе бить мѣру и разсуждать о симфоніяхъ, прочихъ же развѣ исключатъ оттуда. По щастію еще критика не имѣетъ права судить полномочно; я и самъ страстно люблю музыку, не будучи, благодаря Бога, ни музыкантъ и ни стихотворецъ, сожалѣтельно было бы, естьлибъ и сключили меня изъ такого мѣста, гдѣ не малое веселіе я ощущаю, лишь бы мнѣ свободно тамъ говорить дозволялось.

Естьлибъ Корнелію только разсуждать о важныхъ вещахъ, а Ламберту о музыкѣ, то бы искусные люди весьма были жалки, трудились бы они только для нихъ. Напрасно включалибъ они насъ въ преизрядныя

ныя свои извѣстія, жертвовалибъ обществу временемъ своимъ и трудами, и старались бы научать однихъ и нравиться другимъ, а потомъ предать труды свои общей критикѣ.

Какой бы хитрой замыселъ ни былъ въ сочиненіи, и сколько бы рѣшеніе онаго трудно ни было, здравой разсудокъ великую въ томъ дѣлаетъ помочь: и будучи онымъ одаренну, обо всемъ разсуждать можно. Малгербъ спрашивалъ у своей служанки, каковы были его вирши? Люлли радовался, слыша, что его аріи украшеніемъ были всѣхъ пѣсенъ; а мы развѣ лучше своихъ мастеровъ.

Естьли обществу ничего не нравится въ книгѣ, тѣмъ хуже для автора, и естьли мысли не будутъ нѣкоторымъ образомъ возбуждать людей, то они конечно худы.

Простой народъ и ученые люди равно признаютъ достоинство нѣкоторыхъ нашихъ ораторовъ; несмысленные равно какъ и искусные читатели бросаютъ сочиненія глупаго автора: то, что хорошо, повторяю, тотчасъ возбуждаетъ. Равнымъ образомъ и худое скоро усмотрѣть можно: разность въ томъ состоитъ, что ученой человѣкъ доказываетъ справедливость своего разсужденія, а у несмысленнаго находится нѣчто такое, которое отвращаетъ.

Обыкновенно не имѣютъ любопытства къ такимъ книгамъ, которыхъ авторы еще живы, отъ того ли, что оныя книги почитаютъ несовершенными, и что авторъ всегда въ нихъ прибавлять можетъ?

Многіе не похваляютъ Паскаля столько, сколько бы его хвалить надлежало; я угадываю тому причину: естьли его читать съ пріятностію, то надобно имѣть столько разума, сколько онаго есть въ его мысляхъ, или по крайней мѣрѣ о томъ разсуждать гораздо основательно.

Книга, сдѣланная разумнымъ человѣкомъ, можетъ сдѣлаться повреждeніемъ его чести.

Тѣ разумно поступаютъ, которые соблюдая себѣ имя ученаго человѣка, не производятъ ничего такого, чѣмъ другіе оное славное имя пріобрѣтаютъ. Пока тотъ человѣкъ, о которомъ думаютъ, что онъ книгою своею прославиться можетъ, писать не начнетъ, то великимъ его почитаютъ человѣкомъ; когдажъ онъ ее написалъ, то и честь съ него спала: ибо отъ него больше дожидались, нежели что онъ сдѣлалъ.

Я Василіеву политику за рѣдкость почитаю; онъ заставилъ людей ожидать отъ него нѣчто великое, и обѣщая то долгое время, отказался: въ этомъ только я дозволяю человѣку не здержать своего слова; я бы и клятвопреступленіе его извинилъ въ по-

подобномъ случаѣ. Дѣлай и впредь такъ Василій: говори, ты этотъ даръ имѣешь, только не отдавай въ печать, тѣмъ больше еще почитать тебя будутъ.

Славному автору ничего не прощаютъ; чѣмъ больше онъ успѣваетъ, тѣмъ больше его хулятъ; наконецъ лишаютъ его той вольности, съ которою онъ писалъ прежде, и требуютъ отъ него безперерывнаго витійства.

Естьли мы думаемъ, что можно первою или одною книгою нажить себѣ славное имя разумнаго человѣка, такъ мы обманываемся. А мы бы очень щастливы были, естьлибъ во второй и въ третій разъ не напрасно покушеніе наше было; сколь многіе посмѣяны были въ ихъ опытахъ, которые послѣ видѣли себя удостоенными всеобщей похвалы? По тому и тѣ, которые имѣютъ хорошее дарованіе, могутъ ожидать такой же судьбины.

Я люблю свободной разговоръ: но тотъ мнѣ не пріятенъ, которой насильно понравиться хочетъ.

Кто очень хочетъ понравиться, тотъ обыкновенно бываетъ противенъ. Старающіеся чрезмѣрно о замысловатыхъ выраженіяхъ, подвержены этому нещастію.

То, что не свободно писано, но съ принужденіемъ, какъ бы хороши мысли ни были, но не будетъ въ себѣ имѣть пріятности: этого не довольно, чтобъ разумъ въ кни-

гѣ предвидѣть можно было, надо, чтобъ и порядокъ соблюденъ былъ.

Разумъ и живность тамъ родятся, гдѣ нѣтъ искусства. Кто не правильно пишетъ, тотъ конечно не нравится. Недостатокъ чистоты въ складѣ, помрачаетъ вымысла живность.

Ничто не можетъ быть хорошо, естьли пріятной вольности не будетъ: ничто не будетъ и совершенно, естьли искусство не будетъ хитро притворять вольность. Надо только распознавать, что больше заимствовать можетъ къ совершенству того дѣла.

Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ натура больше дѣйствовать должна; въ другихъ же потребны и постороннія украшенія.

Хотя въ разумныхъ дѣлахъ и надобно, чтобъ было писано просто, но оному не надобно такъ превосходить искусство, чтобъ безъ всякаго украшенія осталось.

На картинѣ не требуются грубыя обнаженія: хотя то и извѣстно, что Клеопатра обязательство имѣла Антонію . . . , (*). Но живописцу, которомубъ сіе изображать случилось, надлежитъ показать самую малую часть тѣхъ нѣжностей, которыя чувствительную добродѣтель смотрителей поколебать могутъ. Я

та-

(*) Благопристойность не дозволяетъ выговорить то, что въ оригиналѣ напечатано.

такой же скромности требую и отъ автора

Я нахожу, что труднѣе послѣдовать Вуатюру, нежели превзойти Балзака; мало знающихъ свободно и пріятно писать. Но много такихъ, которые совсѣмъ пышнымъ складомъ великія погрѣшности въ большихъ своихъ слогахъ сокрываютъ.

Стихотворцы не могутъ свободно писать прозу: они такъ привыкли дѣлать свои вирши, что не нашедъ счету къ измѣренію своихъ слоговъ, не въ состояніи себя находятъ оныхъ написать два или три съ ряду. Вулпсъ, преискуснѣйшій человѣкъ, какъ всѣ объ немъ разсуждаютъ, не можетъ никогда писать своихъ предисловій, а сдѣлавъ оныя въ стихахъ, отдаетъ одному своему пріятелю переложить въ прозу: напрасно онъ ихъ такъ не оставляетъ, конечнобъ они были лучше.

Стихотворцы берутъ себѣ преимущество, что они вещи увеличивать могутъ.

Стихотворство умѣряетъ превозношеніе въ словахъ, а проза совсѣмъ увеличиванія не терпитъ.

Можно сказать о стихотворцахъ, что они ломаютъ свою голову, для того, чтобъ безбожно обмануть потомство.

Автору не запрещается тайно числять ученыхъ своего вѣка, а удостоивать въ то по своей волѣ, можетъ онъ въ томъ обмануться; слѣдственно и опасно пока-

зы-

зывать въ свѣтъ тѣхъ, въ пользу которыхъ онъ больше предупрежденъ будетъ. Мы видимъ, что нѣкоторые смѣло объявляютъ, будто этотъ только хорошо говоритъ, а сей одинъ, которой особливой даръ имѣетъ нѣжно писать. Сіи заключенія хороши на письмѣ, которое не многимъ читать попадется: но печати оныя весьма противны.

Авторъ истощаетъ себя отъ многаго писанія, и разумъ его помрачается, естьли ему не дать время обрѣсть прежнюю свою плодовитость отъ хорошихъ чтеній. Надобно пропустить нѣсколько времени между первою и второю книгою.

Чѣмъ больше есть способности къ сочиненію, тѣмъ меньше полагаться надобно на обширность своего разума. Сіе блаженное изобиліе должно быть подозрительно: рѣдко то, чтобъ малая вещь стоила много.

Я не могу перемочь себя, чтобъ писать въ одномъ только родѣ, когда нравоученіе мнѣ пріятно, я въ томъ прилѣжу. Когда любовная матерія отъ скуки меня отвращаетъ, то я въ ней упражняюсь. И когда я важной образъ на себя принимаю, вдругъ сдѣлаюсь порицателемъ. Я истинно дрожу, какъ подумаю, вѣроятноль попасть на вкусы столь противные между собою.

Все стало продажно, даже самая наука и книги; для чего кажется книгопродавецъ; сей проситъ у васъ такъ много за продаваемую вамъ книгу, для того, что онъ уже самъ очень дорого за нее заплатилъ автору.

Хорошіе авторы столькожъ безпристрастны къ безкорыстію, какъ и другіе. Честь есть одно изъ ихъ намѣреній, а деньги изъ того главнымъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ Ц.... всегда смотрѣлъ на хорошую славу равнодушно, а особливо, когда доходъ его становился въ тысячу ефимковъ.

Авторъ поденщикъ, великой хулы достоинъ, хотя сочиненія его и похвалены будутъ.

Естьлибъ нужда довела меня до такой крайности, чтобъ работать за деньги, я бы очень полюбилъ должность сочинителя родословныхъ; естьли что этого нажиточнѣе, особливо въ нынѣшнемъ вѣкѣ, гдѣ всѣ стремятся въ подложное вступить дворянство: мѣщанинъ, котораго особливымъ искусствомъ дѣлаютъ дворяниномъ, показываетъ себя тороватымъ и расточительнымъ.

Страсть къ сочиненію книгъ почитается за особливое стремленіе. Есть такіе, которые, естьли въ томъ не будутъ упражняться, почувствуютъ самое жестокое мученіе. Естьлибъ кто запретилъ имъ дѣлать сочиненія подъ смертною казнію,

и

и тотъ не могъ бы еще обнадеженъ быть ихъ въ томъ послушаніемъ; столь много стремительна та матерія, которою они запаслись для умноженія разныхъ частей книги.

Авторы имѣютъ злаго своего духа также какъ и скупые, по тому и почесть надо, что отчаянность тогда ими владѣетъ, когда они въ худой книгѣ издателями бываютъ.

Не давайте никогда думать, что вы хотѣли послѣдовать чужой книгѣ. Чтобъ по малой мѣрѣ почли васъ авторомъ, а не послѣдователемъ, или переводчикомъ. Тотъ, котораго сочиненія вы изображаете, можетъ быть славенъ между учеными людьми, по тому и не льзя вамъ знать, чтобъ почтеніе, которое къ нему имѣютъ, не уменьшило къ вамъ почтенія! Общество не одного простаго перевода ожидаетъ: но надѣется, что вы оной и украсите, думая о васъ такъ хорошо, не попадете ли вы послѣ подъ его критику, когда оно узнаетъ, что вы не такъ хороши, какъ оно себѣ васъ воображало?

Общество справедливо взыскиваетъ на такихъ людяхъ; ибо случается, что стараются собственными своими мыслями затмить авторскія. Человѣкъ столько самолюбивъ, что не можетъ оставить того удовольствія, чтобъ не приложить нѣчто отъ себя къ тому, что ученые лю-

люди написали. Переводчикъ довольно наказанъ за свое дерзновеніе. То, что хорошее есть въ книгѣ, ему приписуютъ; развѣ общество не справедливо? Конечно, скажете вы: но на что было его просить, чтобъ онъ такъ сдѣлалъ? Шутка эта въ старину годилась, а теперь всякъ ее знаетъ; читателей уже больше не обманешь.

Естьлибъ была Консисторія на Парнассѣ Музъ, государство отъ того въ цвѣтущее бы состояніе приходило.

Я лучше прощу такому человѣку, которой, наказанъ будучи, продолжаетъ мошеническое ремесло, нежели автору, которой упрямо сочиненія свои продолжаетъ. Въ деньгахъ всегда есть нужда, вотъ извиненіе перваго: но нужды нѣтъ въ переводѣ дуракомъ себя объявить; посему осудить можно другаго.

Разумной человѣкъ не смотритъ на число книгъ, а разсуждаетъ о достоинствѣ оныхъ, то есть, цѣнитъ ихъ, а не считаетъ.

Разумной человѣкъ остерегается, чтобъ сочиненія его хулить не стали, думаетъ прежде выдавать ли? А глупой и несмысленной тѣмъ поспѣшаютъ: они хотятъ только прославиться тѣмъ, чтобъ издавать много, а не другое что. Въ каждой мѣсяцъ выдадутъ они вамъ большую книгу: и естьлибъ они сто лѣтъ жили, не до-

дождались бы вы отъ нихъ одной хорошей книги.

Откуда сіе происходитъ, что многіе люди, которые бы весьма хорошо могли дѣлать сочиненія, однакожъ того не исполняли? Справедливая ихъ причина стоитъ больше всѣхъ книгъ, которыя бы они издали. Неразумнаго человѣка то дѣло, чтобъ изданіями своими, которыхъ замыселъ рѣдкіе бы разумѣли, истребить такую славу, которая тритцатилѣтными трудами пріобрѣталась.

Я удивлю многихъ, естьли скажу, что издатель книгъ нынѣшняго столь удивительнаго вѣка препроводилъ по крайней мѣрѣ десять лѣтъ въ сочиненіи, и почти столькожъ времени въ размышленіи, выпускать ли въ свѣтъ свою книгу? Сей обрядъ сочиненія чрезвычаенъ: хотя ему и представляли, что никто публично критиковать его не будетъ. И только лишь книга напечатана, то всю и раскупили, потомъ слѣдовали второе, третіе и четвертое изданіе, однимъ словомъ: мы уже девятаго изданія ожидаемъ: скажитежъ теперь, естьли нѣтъ у всякой книги своея судьбины?

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.